ОТЧЕТЫ

КОМАНДИРОВАННАГО

МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ

И. А. Бодуэна-де-Куртенэ

О ЗАНЯТІЯХЪ ПО ЯЗЫКОВѢДѢНІЮ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1872 И 1873 ГГ.

Выпускъ I.

ОТЧЕТЪ ЗА ОБА ПОЛУГОДІЯ 1872 Г.

Варшава. ... тербургъ.

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ОТЧЕТЫ

КОМАНДИРОВАННАГО

МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ

И. А. Бодуэна-де-Куртенэ

О ЗАНЯТІЯХЪ ПО ЯЗЫКОВѢДѢНІЮ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1872 И 1873 ГГ.

Выпускъ I.

ОТЧЕТЪ ЗА ОБА ПОЛУГОДІЯ 1872 Г.

Варшава. … тербургъ.

ОТЧЕТЫ

КОМАНДИРОВАННАГО

МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛІЮ

(И. А. Бодуэна-де-Куртенэ)

(J. Baudouin de Courtenay)

О ЗАНЯТІЯХЪ ПО ЯЗЫКОВѢДѢНІЮ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1872 И 1873 ГГ.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Варшава. 1877. Петербургъ.

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 13 апрѣля 1876 года.

Деканъ *Н. Буличъ*.

ОТЧЕТЫ О ЗАНЯТІЯХЪ ПО ЯЗЫКОВѢДѢНІЮ

И. А. БОДУЭНА-ДЕ-КУРТЕНЭ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ОТЧЕТЪ ЗА ОБА ПОЛУГОДІЯ 1872 Г.

Я успѣлъ выѣхать изъ Петербурга только во второй половинѣ января, и, по семейнымъ обстоятельствамъ, былъ принужденъ пробыть три недѣли въ Варшавѣ и въ Радомѣ. Во все это время я составлялъ планъ путешествія и старался подробно ознакомиться съ южно-славянскими землями въ лингвистически-этнографическомъ отношеніи. Для этой цѣли я читалъ нѣкоторыя спеціальныя сочиненія, и съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ донесенія Прейса и Срезневскаго за 1841—43 г. Относительно югославянской діалектологіи, самыя подробныя указанія я нашелъ въ донесеніяхъ И. И. Срезневскаго (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, XXXI, 1841, II. 133—164, IV. 9—36; XXXIII, 1842, IV. 11—20; XXXVII, 1843, IV. 45—74). Кромѣ литературныхъ данныхъ, я пользовался тоже совѣтами отличнаго знатока югославянскихъ земель, покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга.

Во второй половинѣ февраля я отправился изъ Варшавы въ Краковъ, съ цѣлью изучить въ теченіе двухъ недѣль состояніе лингвистическихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ и въ Ученомъ обществѣ (преобразованномъ въ настоящее время въ Академію наукъ). Кромѣ того я желалъ посовѣтоваться съ Л. К. Малиновскимъ, собиравшимъ лѣтомъ 1869 г. силезско-польскія народныя сказки, пѣсни и т. п., и пріобрѣвшимъ вслѣдствіе сего значительную опытность въ дѣлѣ записыванія матеріаловъ для характеристики народныхъ гово-

ровъ вообще. Матеріалы Малиновскаго, которыхъ накопилось, по крайней мѣрѣ, на 25 печатныхъ листовъ, записаны вполнѣ фонетически: тамъ обращено тщательное вниманіе на малѣйшіе оттѣнки звуковъ слышаннаго въ данное время говора. Разумѣется, что для этого нужно 1) понимать важность подобнаго рода записыванія народныхъ твореній; 2) быть ознакомленнымъ съ новѣйшими результатами, съ одной стороны, физіологіи звуковъ, съ другой же, языковѣдѣнія; 3) же, наконецъ, обладать тонкимъ слухомъ и такимъ образомъ быть въ состояніи вслушиваться въ говоримое, выдѣлять изъ него всѣ отдѣльные звуки и затѣмъ передавать ихъ на бумагѣ съ помощью соотвѣтственныхъ условныхъ знаковъ. Въ Малиновскомъ соединены всѣ эти условія, и поэтому его сборникъ вышелъ, по отношенію къ требованіямъ языковѣдѣнія, лучше нетолько всѣхъ польскихъ, но даже, можетъ быть, и всѣхъ вообще славянскихъ, до сихъ поръ обнародованныхъ. Жаль только, что такой отличный трудъ хранится до сихъ поръ въ рукописи. Такъ какъ мое намѣреніе состоитъ, между прочимъ, въ точномъ изслѣдованіи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ югославянскихъ говоровъ, при помощи нетолько наблюденія живой рѣчи, но тоже и записыванія сказокъ, пѣсень, загадокъ и т. п., то, относительно пріемовъ подобнаго труда, мнѣ необходимо дорожить совѣтами людей въ родѣ Малиновскаго.

Неожиданная болѣзнь (воспаленіе глазъ) заставила меня пробытъ въ Краковѣ вдвое дольше, нежели я предполагалъ. Такъ какъ для изученія состоянія лингвистики въ Краковѣ было уже слишкомъ много и того времени, которое я ему прежде хотѣлъ посвятить, или, лучше сказать, такъ какъ состоянія лингвистики нечего тамъ было изучать, ибо нельзя изучать того, чего не существуетъ, то я, на сколько мнѣ позволяла моя болѣзнь, занялся вопросомъ такъ называемыхъ славянскихъ рунъ, который въ то время былъ „question du jour“ краковскихъ ученыхъ.

Вообще между Поляками новой, строго-научной лингвистики (языковѣдѣнія), можно сказать, нѣтъ; есть только отдѣльныя, весьма рѣдкія, попытки усвоить эту науку, но и онѣ, по большей части, искажены желаніемъ удовлетво-

рить чисто мѣстнымъ, національнымъ потребностямъ и гоненіемъ за національною оригинальностью.

То же самое жалкое состояніе языковѣдѣнія я нашелъ и въ Краковѣ, одномъ изъ главныхъ центровъ умственнаго движенія Поляковъ. Единственный представитель языковѣдѣнія въ Краковѣ былъ въ то время Генрихъ Сухэцкій, умершій впослѣдствіи, кажется, 3 іюля (н. с.) 1872 г. на 61-мъ году отъ роду. Онъ былъ профессоромъ „Ягеллонской вшехницы" (университета) и членомъ Краковскаго ученаго общества; прежде же (съ 1857—65) онъ читалъ польскій языкъ въ Пражскомъ университетѣ.

Во время моего пребыванія въ Краковѣ, чтенія Сухэцкаго въ университетѣ были слѣдующія: 1) Teoryja i systemy konjugacyi (теорія и системы спряженій); 2) Objaśnienie Królodworskiego rękopismu pod względem lingwistycznym i filologicznym (объясненіе Краледворской рукописи въ лингвистическомъ и филологическомъ отношеніи); 3) Poprawa błędów w polskim języku piśmiennym (исправленіе ошибокъ (погрѣшностей) въ польскомъ литературномъ языкѣ). Два первыя чтенія посѣщались двумя, много тремя слушателями; и только послѣднее — практическое — чтеніе привлекало болѣе, и именно около 20 слушателей. Причиною равнодушія къ теоретическимъ чтеніямъ проф. Сухэцкаго были, кажется, во первыхъ, незанимательность и сухопарность этихъ чтеній, во вторыхъ же, общее равнодушіе краковскихъ студентовъ нетолько къ языковѣдѣнію, но и ко всякой теоріи вообще. За то уже сами по себѣ, не смотря на качество чтенія, любопытны для нихъ грамматическіе вопросы практическаго свойства, потому что всѣмъ хочется быть исправителями отечественнаго языка. Этому стремленію способствуетъ еще такъ называемая испорченность польскаго языка въ Галиціи, въ которой я могъ убѣдиться, между прочимъ, просматривая сочиненія учениковъ даже 8-го класса гимназіи и находя въ нихъ значительныя грамматическія ошибки. Въ этихъ ошибкахъ проявляется нѣмецкая внутренняя форма (innere form) языка и частная потеря польскою молодежью чутья для чисто славянскихъ особенностей польскаго языка, впрочемъ только въ синтаксически-стилистическомъ отношеніи.

Чтó касается печатныхъ трудовъ Сухэцкаго (Henryk Suchecki) (1), то нельзя ему отказать въ трудолюбіи и стараніи, стать на уровень новѣйшей науки. Но это ему далеко не удавалось, потому что отрывочныя чисто научныя свѣдѣнія онъ примѣнялъ почти исключительно къ разнымъ узкимъ, захолустнымъ практическимъ вопросамъ, становясь при этомъ на точку зрѣнія не научнаго, безпристрастнаго, объективнаго изслѣдователя, но передѣлывателя, чистителя отечественнаго языка. Въ фонетической части его изслѣдованій есть довольно мѣткія наблюденія, но, къ сожалѣнію, не объективныя, а натянутыя къ предвзятымъ теоріямъ. Лучшимъ отдѣломъ въ сочиненіяхъ Сухэцкаго слѣдуетъ считать, на сколько мнѣ кажется, синтаксисъ, такъ какъ здѣсь онъ не пускается въ глубокія и неудачныя сравненія съ санскритомъ, зендомъ и другими всевозможными языками, а ограничивается польскимъ языкомъ. Но и здѣсь онъ грѣшитъ извѣстнаго рода педантизмомъ, дробленіемъ до безконечности и придумываніемъ совершенно лишнихъ категорій. Самый же объективный и достойный вниманія трудъ Сухэцкаго есть „Przegląd form gramatycznych języka staropolskiego".

Вообще можно сказать, что Сухэцкій имѣлъ только весьма смутное понятіе о генетическомъ разсматриваніи языка. Онъ не признавалъ такъ называемыхъ вторичныхъ звуковыхъ процессовъ, равно какъ и аналогіи и вообще вторичнаго безсознательнаго обобщенія. Оттого то у него

(1) Какъ напримѣръ: 1) Przegląd form gramatycznych języka staropolskiego (Wypisy polskie dla użytku klass wyższych w c. k. szkołach gimnazyalnych. Tom pierwszy.—Część pierwsza. We Lwowie, 1857. Стр. I—CXIV).—2) Zwięzła gramatyka polska do użytku w szkołach. etc. Kurs wyższy. Wydanie piąte etc. Zeszyt II. Część czwarta. Składnia. Kraków 1867.—3) Budowa języka polskiego pojaśniona wykładem historyczno-porównawczym w zakresie jindoeuropejskim i w kręgu sławiańszczyzny. Zeszyt I. Praga czeska. 1866.—4) Zagadnienia z zakresu języka polskiego wywodem lingwistycznym i filologicznym rozjaśnia . . . Kraków, 1871.—5) Pisownia Oświaty (pisma pedagogicznego, wychodzącego w Poznaniu) wobec umiejętnéj nauki języka polskiego oraz metoda jaką się ma dochodzić prawd w języku, etc. Poznań 1866.—6) Modlitwy Wacława, zabytek mowy staropolskiéj, odkryty przez Aleksándra Hr. Przeździeckiego. Wiadomość o nich z rozbiorem filologicznym i lingwistycznym podaje —. Kraków 1871;—и пр.

можно встрѣтить наивности и превратныя сужденія въ родѣ того, что, если въ одной изъ двухъ родственныхъ формъ извѣстный звукъ полнѣе, длиннѣе и опредѣленнѣе, нежели соотвѣтствующій звукъ другой формы, то онъ непремѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣе. Такъ напримѣръ, польскія *kark*, *targ* и т. п., по отношенію къ коренному гласному, древнѣе, нежели соотвѣтствующія имъ старославянскія *кръкъ*, *тръгъ* или же *кърkъ*, *търгъ* и т. п.; и вообще, по мнѣнію Сухэцкаго, полугласные звуки, обозначаемые въ кирилицѣ и глаголицѣ такъ называемыми *ерами*, представляютъ, съ общеславянской точки зрѣнія, явленіе свѣжее, вторичное, свойственное только нѣкоторымъ выродившимся въ этомъ отношеніи языкамъ славянскимъ, между тѣмъ какъ именно польскій языкъ сохранилъ древнѣйшее состояніе соотвѣтствующихъ этимъ полугласнымъ звуковъ.

Съ другой стороны, истина въ языкѣ (лингвистическая истина) есть для Сухэцкаго не самый мѣткій теоретическій выводъ, но самый лучшій способъ писать и говорить. Сухэцкому кажется ([1]), что для того, чтобы правильно говорить, нужно ходить за совѣтомъ къ представителямъ языковѣдѣнія. Поэтому-то онъ, считая себя изслѣдователемъ языка, постоянно ссорился съ другими разнаго рода законодателями языка о томъ, какъ слѣдуетъ писать и говорить: „чистота“ польскаго языка — вотъ главная цѣль его, впрочемъ довольно почтенныхъ, трудовъ. Операціи съ санскритомъ, зендомъ, литовскимъ, старославянскимъ и т. д. служили ему лишь для того, чтобы то-и-дѣло состряпать какое-нибудь шульмейстеровское правило, а вовсе не для того, чтобы съ теоретической точки зрѣнія объяснить извѣстное безъ того непонятное явленіе польскаго языка.

Задавшись по преимуществу практическими вопросами и ведя безпрерывную войну съ разными орѳографическими привычками и даже съ нѣкоторыми явленіями языка, Сухэцкій въ концѣ концовъ сталъ вертѣться все въ одномъ и томъ же кругу понятій или, другими словами, воду толочь, и не оказалъ наукѣ языковѣдѣнія почти никакой существенной пользы.

([1]) Ср., между прочимъ, Zagadnienia z zakresu języka polskiego etc., стр. 51.

Этимъ онъ былъ главнымъ образомъ обязанъ обществу, среди котораго ему пришлось заниматься. Онъ не отличался особенными способностями, но все таки въ Германіи, напримѣръ, изъ него вышелъ бы полезный труженикъ, собирающій научные матеріалы и черезъ это облегчающій занятія другимъ ученымъ. Въ Краковѣ же и вообще между Поляками вліяніе среды вредно отозвалось на Сухэцкомъ, вся ученая дѣятельность котораго отличается мѣстнымъ запахомъ и поразительною узкостью взгляда. Онъ сталъ вѣрить въ свое величіе, пророчествовать; а такъ какъ своею скромною наружностью онъ не могъ импонировать и внушать страхъ кому слѣдуетъ, то его стали мало по малу совершенно игнорировать и обращаться съ нимъ вполнѣ безцеремонно. Вслѣдствіе сего онъ и производилъ впечатлѣніе человѣка подавленнаго, загнаннаго.

Одинъ изъ трудовъ Сухэцкаго („Zagadnienia z zakresu języka polskiego“ etc.) интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ характеризуетъ общую потребность Поляковъ, поклоняться авторитетамъ, равно какъ и поползновеніе польскихъ ученыхъ обществъ, — въ подражаніе французской Академіи —, на роль какихъ-то непогрѣшимыхъ корпорацій по части отечественнаго языка. „Убѣжденіе Краковскаго Ученаго общества“ („przekonanie towarzystwa Naukowego Krakowskiego“) (¹) есть нѣчто священное, противъ чего никто не смѣетъ протестовать. Точно также и въ распряхъ между отдѣльными грамматиками не въ томъ дѣло, кто правъ въ теоретическомъ отношеніи, а кому слѣдуетъ повиноваться.

Сказавъ нѣсколько словъ о состояніи языковѣдѣнія въ Краковѣ, перехожу теперь къ вопросу о такъ называемыхъ „славянскихъ рунахъ“ на надгробныхъ камняхъ, найденныхъ 1855 г. въ деревнѣ Микоржинѣ великаго герцогства Познанскаго. Исторія открытія этихъ камней и другія сюда относя-

(¹) «Na mocy ustawy, uchwalonéj jednomyślnie przez komisyję językową w r. 1869. (ustęp III. 4) wniosek jéj członka, przyjęty jednomyślnie w jéj zgromadzeniu, nabywa tytułu *«przekonania towarzystwa Naukowego Krakowskiego»*, a każdy członek jego w publikacyjach swojich ma obowiązek moralny stosować się do tego postanowienia». и. т. д. (Zagadnienia etc. стр. 20; ср. тоже стр. 52).

щіяся подробности можно найти въ брошюрѣ „O kamieniach Mikorzyńskich. Sprawozdanie ś. p. Aleksandra hr. Przezdzieckiego etc. Kraków 1872“.

Этотъ вопросъ страшно воспламенялъ въ свое время членовъ Краковскаго Ученаго общества, такъ что въ послѣдніе годы они составили особую *рунографическую коммиссію* (Алекс. гр. Пржездзецкій, д-ръ Эстрейхеръ, д-ръ Т. Жебравскій и I. Лэпковскій), цѣль которой состояла въ рѣшеніи вопроса о подлинности названныхъ надписей. Но всѣ изслѣдованія въ этомъ отношеніи не привели ни къ чему опредѣленному, потому что ученымъ, занимавшимся этимъ вопросомъ, не достаетъ какъ нужной для этого научной подготовки, такъ и спокойнаго, критическаго, безпристрастнаго склада ума. Почти всѣ считаютъ утвердительное рѣшеніе этого вопроса дѣломъ національной чести, и стараются всѣми силами, кривдой и правдой, доказать подлинность названныхъ надписей. Одинъ только членъ рунографической коммиссіи, Карлъ Эстрейхеръ, дерзнулъ посмотрѣть на вопросъ о такъ называемыхъ славянскихъ рунахъ съ чисто научной, критической точки зрѣнія и, на основаніи многихъ данныхъ, положительно отрицать ихъ мнимую подлинность. Онъ читалъ объ этомъ предметѣ 16 марта (н. с.) 1872 г. публичную лекцію, въ которой вполнѣ основательно разбивалъ въ пухъ и прахъ всѣ фантазіи ученыхъ мечтателей.

Но какъ защитники, такъ и единственный противникъ подлинности „славянскихъ рунъ“ на Микоржинскихъ камняхъ упускали изъ виду самую важную сторону этого вопроса, а именно его сторону лингвистическую. А такъ какъ въ ихъ глазахъ мѣстный лингвистъ, Сухэцкій, не имѣлъ достаточнаго авторитета, то предсѣдатель рунографической коммиссіи, проф. Лэпковскій, обратился ко мнѣ съ просьбою, изслѣдовать этотъ вопросъ съ лингвистической точки зрѣнія и изложить свое мнѣніе въ формѣ письма, адресованнаго на его, Лэпковскаго, имя.

По тщательномъ изученіи этого предмета, я вывелъ заключеніе, что въ разнообразныхъ комплексахъ буквъ, которые разнымъ господамъ угодно было видѣть въ каракуляхъ, украшающихъ такъ называемые Микоржинскіе камни, нельзя признавать изображенія осмысленныхъ словъ ни одного изъ нарѣчій славянскихъ, и что вообще, по моему, какъ мнимыя руны, такъ и изображеніе лошади и такъ называема-

го бога Прове слѣдуетъ считать поддѣлками, составленными съ цѣлью дурачить почтенныхъ, но легковѣрныхъ ученыхъ.

Мое письмо къ г. Лэпковскому должно было быть напечатано. Вотъ извлеченіе изъ него въ русскомъ переводѣ:

„Я совершенно въ сторонѣ оставляю вопросъ о подлинности надписей, равно какъ и изображеній такъ называемаго бога Прове и лошади, потому что мнѣ не достаетъ надлежащей подготовки для рѣшенія подобнаго рода вопросовъ. Не зная рунъ, ни скандинавскихъ, ни тѣмъ болѣе славянскихъ, я не могу судить, на сколько мѣтки чтенія нарѣзовъ на названныхъ камняхъ (поражающія, впрочемъ, своеволіемъ и непостоянствомъ), и принужденъ смотрѣть на эти чтенія, какъ на комплексы латинскихъ буквъ, которые, по мнѣнію ихъ авторовъ, должны произноситься такъ или иначе и имѣть то или другое значеніе.

„Мое положеніе довольно странно, такъ какъ мнѣ приходится разбирать формы, которыхъ вовсе не назвали сочинители чтеній. Почти всѣ вычитанныя ими слова невозможны ни въ одномъ славянскомъ языкѣ; и мнѣ, для того, чтобы доказать это, слѣдуетъ проходить всѣ возможности, которыя могли предполагать въ своемъ умѣ господа, читавшіе эти надписи, и опровергать ихъ всѣ, одну за другою, вмѣсто того чтобы наоборотъ доказывать, что извѣстнаго комплекса буквъ и затѣмъ звуковъ,— приписывая латинскимъ буквамъ славянскіе звуки по общегосподствующей графической системѣ,— нельзя считать предполагаемою формою языка.

„Я не стану пускаться въ подробныя доказательства, ибо это повело бы меня слишкомъ далеко, и ограничусь общими замѣчаніями.

„I. Сколько мнѣ извѣстно, нарѣзы на камнѣ съ такъ называемымъ Прове читались слѣдующимъ образомъ:

1) Пржиборовскій: *Prowe sbir k' bel* [t. j. bel bog; *Prowe* (bóstwo);— *sbir*=zwir(według Lelewela), t. j. wszechświat; *bel*=biały zam. bel bog];

2) Лелевель: *Zbir k' bel Prove* (=zbór, zebranie ku wielkiemu Prowe; „Jestto tedy obraz ludu, podnoszącego symbol powszechnego zebrania“);

3) Цыбульскій: *Smir kmet Prowe* (Pojednanie kmieci Prowe);

4) К. Рогавскій: *Smir Prove cezt* (Pokój! Prowemu cześć);

5) Петрушевичь: *Smir kmet Prowe* (смьр кмет = скончался кметъ);

6) Пржездзецкій: прежде („Wzory sztuki średniowiecznéj“): *Smir kmetu* (!) *Prove* (Paix au serviteur de Prove), впослѣдствіи же: *Smir — kmet — Prove*.

„Прежде всего попадающееся во всѣхъ чтеніяхъ слово „Prowe“ (въ значеніи будтобы „prawa“ (закона), „boga prawa“) невозможно ни въ одномъ славянскомъ языкѣ, въ особенности же въ то время, отъ котораго должны происходить названныя надписи. Доказательства: а) въ фонетическомъ отношеніи: 1) коренное *о* вм. *а* (въ позднѣйшемъ полабскомъ XVII и XVIII в., равно какъ и въ польскомъ, гласный *о* съузился въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ *о*, но ничего подобнаго не было до XIII ст., какъ это явствуетъ изъ обозначеній полабскихъ словъ въ латинскихъ грамотахъ); 2) окончаніе *е*, возможное только въ существительныхъ средняго рода съ конечнымъ согласнымъ основы мягкимъ или же замѣнителемъ мягкаго, напримѣръ, *pole*, *słońce* и т. п.,— слѣдовательно было бы *pravie* (*prawie*), а не *prove*;—б) по отношенію къ значенію: 3) понятіе закона не развилось еще въ то время такъ, какъ теперь, и какъ его нужно приписать слову „Prowe“, соглашаясь на подобное пониманіе мнимой надписи; 4) *prav-* означало тогда вѣроятно столько, чтó *прямой* и затѣмъ *справедливый*, въ противоположность къ *krzywy*, *opaczny;* 5) названіе божества (а вѣдь пресловутое „*Prowe*“, т. е. *prawo*, должно быть божествомъ) не могло быть прилагательнымъ средняго рода, но только мужескаго.—Я долженъ здѣсь еще прибавить, что нетолько въ славянскомъ, но тоже и въ литовскомъ не могло въ то время существовать подобнаго рода слово.

„Ни *sbir* (то-есть, *zb'ir*), ни *smir* (*sḿir*) не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. Вмѣсто *sbir* въ значеніи „собраніе“ могло было быть отъ того же корня только *sъbor-* (събор-), чтó въ польскомъ дало бы болѣе или менѣе *sebor* или же *zbor* (*zbór*).—Цыбульскій (Obecny stan nauki o runach słowiańskich napisał Dr. Wojciech Cybulski etc. Poznań 1860, стр. 51) считаетъ *sbir* древлянскою формой слова *sbór*, такъ какъ въ древлянскомъ или полабскомъ *о* перешло де во многихъ случаяхъ въ *i*, подобно тому, какъ въ малорусскомъ. Это предположеніе однакожь совершенно падаетъ въ виду того, что 1) извѣстные намъ памятники полабскаго языка,

записанные Нѣмцами, происходятъ изъ XVIII ст., стало-быть, не даютъ намъ понятія о языкѣ до XII в.; 2) обозначенія полабскихъ словъ въ латинскихъ грамотахъ X—XIII в. не даютъ намъ права заключать о подобной особенности этого славянскаго нарѣчія (то-есть, о замѣнѣ гласнаго *o* гласнымъ *i*), равно какъ ей нѣтъ еще и въ малорусскомъ того времени; 3) даже въ XVIII в. не было въ полабскомъ *i* вм. *o*, но только *ü* (среднее между *u* и *i*; 4) именно передъ *r* и *r'* (*р* и *рь*) никогда не встрѣчается *ü* (близкое къ *i*), но единственно только *ö* (ср. Schleicher, Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache, §§ 27—36, и въ особенности § 29).—*Smir* никогда не означало понятій „миръ", „покой"; это значеніе свойственно слову *mir*. Есть впрочемъ въ русскомъ языкѣ слова *смирный*, *смиренный*, *смиренность* и т. п., но всѣ они,—какъ существительныя, такъ и прилагательныя,—являются только отглагольными формаціями, заключающими въ себѣ значеніе слѣдствія дѣйствія, выражаемаго именно тѣмъ глаголомъ, отъ котораго происходятъ, то-есть, глаголомъ *смирить* изъ древняго *съмирити*. Въ старопольскомъ встрѣчаемъ слово *śmerny* и т. п. изъ *śmirny* (вполнѣ соотвѣтствующее русскому *смирный*) и еще теперь слово *uśmeřać* изъ *uśmiřać* и т. д.—*Smir* не можетъ быть никакою формой отъ глагола „*smirać* (то-есть, umiérać, умирать), какъ думаетъ Петрушевичъ.

„*k' bel*, *kmet*, *cezt* (вслѣдствіе чтенія наоборотъ и головою внизъ),—свобода чтеній, въ самомъ дѣлѣ достойная удивленія!— *K*, какъ предлогъ, въ такой формѣ невозможно въ то время, изъ котораго должна происходить надпись, то-есть, во всякомъ случаѣ до XII ст.— *bel*, по Пржиборовскому, должно означать *b'ały* (бѣлый), то-есть, *b'ały bóg*, по Лелевелю же *wielki*, *великій*, отъ того же корня, что *bol'* въ *Bolesław*, рус. *большой* и т. д.—Только Пржиборовскаго объясненіе можно еще кое-какъ удержать съ лингвистической точки зрѣнія (ср. Бодуэнъ-де-Куртенэ, О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія § 120 и Schleicher, Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache, §§ 50 — 60); но значеніе *wielki* (большой) не можетъ быть оправдано никакимъ образомъ: я не знаю ни одного славянскаго языка, въ которомъ корень *bol-* (бол-), означающій „величину", являлся бы съ кореннымъ гласнымъ *e*, то-есть, въ видѣ *b'el-*.—Слово *kmet*

вѣроятно не потеряло еще въ то время гласнаго между *к* и *м*, и поэтому слѣдовало бы ожидать выраженія этого гласнаго и въ надписи.—Противъ слова *čes̀t'* (честь) изъ *čъs̀t'ъ* [если буква *c* должна выражать здѣсь звукъ *ч*, буква *z* — по необходимости (передъ t) звукъ s̀ (сь), *t* же — мягкое t' (ть)] нельзя было бы ничего сказать, еслибъ не то странное обстоятесьство, что для выраженія звука s̀ (сь) употреблена здѣсь буква *z*, а не *s*, и что одни господа читаютъ это слово головою вверхъ, другіе же головою внизъ.

„Самое любопытное въ этой исторіи то, что всѣ эти господа (за исключеніемъ Пржиборовскаго и, можетъ быть, Петрушевича) думаютъ, что въ старопольскомъ или же въ старополабскомъ языкѣ не было вовсе измѣненій именъ (существительныхъ и прилагательныхъ), и что для выраженія всѣхъ падежей употреблялась форма именительнаго. Иначе нельзя объяснить глубокомысленнаго предположенія, что безобразный конгломератъ буквъ *Sbir k' bel Prove* означаетъ „собраніе къ великому Прове“ (подобно тому какъ если бы нынѣ сказать по польски: „*zbór — k wielk Prowe*“), *Smir kmet* — примиреніе кметовъ (pojednanie kmieci), а *Smir Prove cezt* — миръ! Прове (дат. пад.) слава. Стало-быть, славянскіе языки до XII ст. стояли на болѣе поздней степени развитія, нежели стоятъ въ настоящее время, такъ какъ въ настоящее время они обладаютъ еще чутьемъ склоняемыхъ формъ, выражая ихъ съ помощью перемѣны окончаній, и кромѣ того они (славянскіе языки) подвинулись бы въ то время въ историческомъ развитіи болѣе, нежели теперешній болгарскій языкъ и языки романскіе; ибо какъ эти, такъ и тотъ, для выраженія отношеній склоненія, имѣютъ члены (артикулы) и соотвѣтствующіе предлоги (praepositiones). Мало того! весь строй славянскихъ языковъ того времени былъ бы таковъ, какой, со времени образованія индоевропейскаго праязыка, никогда не былъ и никогда не будетъ свойственъ ни одному нарѣчію индоевропейскихъ языковъ. Такой строй мы встрѣчаемъ въ китайскомъ языкѣ, гдѣ формальныя отношенія, выражаемыя въ нашихъ языкахъ съ одной стороны суффиксами и окончаніями, съ другой же — разными прэпозиціями (члены, предлоги и т. п.) и постпозиціями (болгарскій и шведскій членъ), передаются только при помощи ставленія слова въ извѣстномъ мѣстѣ предложенія по отношенію къ другимъ словамъ, но форма корня, являющагося имен-

но словомъ, никогда не измѣняется. Такъ напримѣръ, прэдикатъ стоитъ тамъ всегда послѣ субъекта, аттрибутъ передъ опредѣляемымъ словомъ и т. п.

„Смѣшно въ самомъ дѣлѣ, ка́къ всѣ читавшіе разбираемыя надписи относились къ бѣдному славянину *Прове*. Одни заставляли его имя оставаться несклоняемымъ, тѣмъ же самымъ исключая его изъ числа чисто славянскихъ словъ, другіе же присваивали ему прилагательное склоненіе (Prowe, Prowego, Prowemu), допуская конечно, что Прове принадлежалъ къ тому же роду иностранцевъ, что́, напримѣръ, *Noe*, *Linde*, *Jenike* и т. п. (Noego, Noemu и т. д.). Вѣроятно это былъ, по имени по крайней мѣрѣ, какой-то онѣмечившійся славянинъ въ родѣ *Ripke*, *Ryczke* (*Ritschke*), *Kutschke*, *Liske* и т. п. Впрочемъ и это предположеніе разбивается о два препятствія: 1) что по этому прилагательному склоненію польскія усвоенныя существительныя съ именительнымъ на *e* начали склоняться только въ очень позднее, можно сказать, послѣднее время; 2) что даже въ нѣмецкомъ общее безразличное *e* послѣднихъ (конечныхъ) слоговъ развилось только въ періодъ средне-верхне-нѣмецкій (mittelhochdeutsch), начало котораго не раньше XI ст.; прежде же эти онѣмеченныя или же чисто нѣмецкія слова должны бы были имѣть въ конечныхъ слогахъ *o* или же *a*: *Linda*, *Jeniko*, *Ritschka*, *Kutschka*, *Liska* и т. п. Значитъ, и злополучный *Прове* можетъ быть только возвратнымъ усвоеніемъ славянскому языку онѣмеченнаго славянскаго слова, усвоеніемъ, совершившимся не ранѣе XII ст. (о невозможности чисто славянскаго существительнаго муж. р. съ имен. на *e* я говорилъ выше).

„Глубокомысленныя гипотезы кс. Петрушевича, напримѣръ, что нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, что на могилѣ кмета, то-есть судьи, выписано имя бога справедливости (sc. „Prove“), и т. п., слишкомъ уже комичны, подобно тому какъ и гипотезы другихъ ученыхъ, силящихся во что бы то ни стало осмысленно читать такъ называемыя славянскія руны на Микоржинскихъ камняхъ.

„II. Я перехожу теперь ко второй надписи (на камнѣ съ изображеніемъ лошади), чтенія которой отличаются такою же блаженною свободой и доказываютъ, что авторы ихъ не стѣснялись никакими ни графическими, ни лингвистическими, ни историческими (вѣроятности), ни наконецъ логическими (здраваго смысла) соображеніями.

„1) Пржиборовскій: *Sbir. woin. bogdan. lnawoi. s* (безъ объясненія);

2) Лелевель: *Boch. dan. sl. na woi* (=Boże daj siłę na wojnę или же Boga danie sił na wojnę) или же: *Zbir woin* (=zebranie wojenne), 2) Boch. dan. sl. na woj;

3) Воцель: *Svir Bog Odin Voin Lutuoi* (безъ объясненія);

4) Цыбульскій: *Smir woin s. l. na woi Bohdan* (=Przymierze wojowników. Słowian Lachów na wojnę pod wodzą Bohdana);

5) Рогавскій: *Smir. Bohdan. Woin. s. Ludiwoi* (Pokój! Bohdanowi, Wojnowi z Ludiwojem);

6) Петрушевичь: *Smir Bohodan woin prawoi s* (=Смьр Богъданъ воин правы с.=умер Богданъ воинъ правый);

7) Пржездзецкій: *Smir—bogodan—woin—s—lutwoi* (безъ толкованія).

„О словѣ *sbir* или *smir* или же *swir* я говорилъ уже выше, за исключеніемъ коньектуры Воцеля: *swir*. Этотъ комплексъ буквъ, какъ необъясненный вычитавшимъ его, я принужденъ оставить въ сторонѣ. Можетъ быть, это долженъ быть *żwir*, можетъ быть *zwir* (?), а можетъ быть тоже *zwiř* (изъ *zwěř*),—кто знаетъ?

„Boch. dan = Bog odin = Bogdan = Bohdan = Bogodan = Bohodan. Еслибъ въ надписи употреблены были точки, которыя въ настоящихъ, подлинныхъ рунахъ служать для отдѣленія одного слова отъ другаго, въ такомъ случаѣ одни не видѣли бы двухъ словъ тамъ, гдѣ другіе видятъ только одно.—*Boch*, *Bohdan*, *Bohodan*: стало-быть, въ польскомъ или же полабскомъ языкѣ *h* (у Лелевеля даже *ch*) вм. *g*. Почтенные и наивные чтецы, не имѣющіе понятія объ исторической послѣдовательности звуковъ въ языкахъ вообще, а въ славянскихъ въ особенности, относясь къ лингвистическимъ вопросамъ хозяйственнымъ образомъ, думали, что это именно будетъ признакомъ великой древности надписи, если найдутъ въ ней *Bok*, а не *Bog*. Къ сожалѣнію, они не знали, что уже одного звука *h* (по чешскому и малорусскому произношенію вм. *g*=*г*), который слѣдовало бы прочесть въ мнимой рунической надписи, было бы довольно для совершеннаго опроверженія ея подлинности; ибо до XII ст. ни въ одномъ славянскомъ языкѣ не было еще *h*, а вездѣ только *g*, въ польскомъ же и нижне-лужицкомъ до сихъ поръ есть только *g*.

„*dan*. Стараніе Лелевеля, объяснить этотъ комплексъ звуковъ въ связи съ окружающими, есть безсмыслица, которой не могъ бы сдѣлать ни одинъ человѣкъ, хотя немножко ознакомленный съ первыми началами лингвистическаго анализа.

„Какъ согласить между собою и объяснить: *s'l na woi* рядомъ съ *Lutuoi* рядомъ съ *s. Ludiwoi* рядомъ съ *prawoi s* и рядомъ съ *s — lutwoi*,—все чтенія однихъ и тѣхъ же каракуль?

„А что это за смѣлость, ни на что не озирающаяся, въ комплексѣ буквъ, соотвѣтствующихъ де латинскимъ *sl*, видѣть слово *siła*! коньектура, достойная въ самомъ дѣлѣ автора „Czci bałwochwalczéj u Słowian". Ничего же нѣтъ прелестнѣе, какъ въ буквѣ *s* видѣть *Słowian*, въ *l Lachów* и т. д. (Цыбульскій). Если *sl* можетъ означать *siła*, *s* — Słowian, *l* — Lachów, то почему то же *sl* не можетъ означать, напримѣръ: *szedł* (шедлъ)? Тогда цѣлую надпись можно себѣ прочесть: *Smir Bohodan* (или т. п.) *woin sl* (=szedł) *na woi* (то-есть, zmarł Bohodan wojin, szedszy (jidąc) na wojnę).

„Если Воцель читаетъ *odin* (вѣроятно=*одинъ*), то, конечно, полагаетъ, что надъ Эльбой и Вартой жило въ то время русское племя; потому что такая форма этого числительнаго свойственна между всѣми славянскими нарѣчіями одному только великорусскому и малорусскому. А можетъ быть, это долженъ быть богъ *Odin*, чтó еще любопытнѣе.

„Петрушевичь разсѣкаетъ загадку по примѣру Александра Великаго, и въ самомъ дѣлѣ есть смыслъ. Но, къ несчастію, гдѣ хотябы тѣнь оправданія для комплекса буквъ *prawoi*? [Вѣроятно, эту руническую надпись писали Русскіе и именно Великороссы новѣйшаго времени, чтò, кажется, подтверждается въ особенности: 1) окончàніемъ *oi*, то-есть, *oj*, и 2) помѣщеннымъ въ концѣ надписи *s*, ибо извѣстно, что въ теперешнемъ разговорномъ языкѣ Русскіе употребляютъ звукъ *s* (съ), какъ сокращеніе отъ слова *сударь*, напримѣръ, *чтò-съ? да-съ, мое почтеніе-съ* и т. п.]. Затѣмъ Петрушевичь не обратилъ вниманія на противорѣчіе, раждающееся отъ того, что *Prowe* имѣетъ въ корнѣ гласный *o*, а слово того же корня въ той же степени подъема, *prawoi*,— гласный *a*.

„О безнадежности, которую исповѣдуютъ въ особенности Лелевель, Цыбульскій и Рогавскій, слѣдуетъ сказать то же, чтò я высказалъ, разбирая надпись на камнѣ съ такъ называемымъ изображеніемъ бога Прове.

„Я не кончилъ бы, еслибъ хотѣлъ исчислять всѣ безсмыслицы, свойственныя чтеніямъ такъ называемыхъ руническихъ надписей на Микоржинскихъ камняхъ, и опровергать ихъ съ точки зрѣнія науки (жалкая въ самомъ дѣлѣ обязанность!). Упомяну только, 1) что и послѣднее чтеніе Пржездзецкаго не лучше другихъ и не даетъ по славянски ни малѣйшаго смысла, 2) что подобнаго рода хожденіе ощупью и побочными путями, вмѣсто яснаго ставленія вопроса и надлежащаго филологическаго и лингвистическаго разбора, свидѣтельствуетъ не особенно лестно о научности, критицизмѣ и лингвистической подготовкѣ ученыхъ, занимавшихся чтеніемъ такъ называемыхъ славянскихъ рунъ на Микоржинскихъ камняхъ.

„Мой разборъ касается единственно только лингвистической стороны надписей, не трогая стороны смысла и здраваго разсудка, равно какъ и исторической возможности подобныхъ надписей. Но уже одинъ лингвистическій разборъ показалъ, смѣю надѣяться, невозможность, удержать какое бы ни было изъ до сихъ поръ извѣстныхъ чтеній. Въ такомъ положеніи намъ предстоитъ: или читать еще эти надписи, но совершенно иначе, или же отказаться отъ этого. Если читать, то или слѣдуетъ дать совершенно другое славянское чтеніе (установивъ прежде славянскія руны, которыхъ, къ сожалѣнію, не знаемъ), или же читать по скандинавски (что́ сомнительно), или же, наконецъ, считать такъ называемыя руническія надписи на Микоржинскихъ камняхъ (хотя бы даже въ одномъ изъ до сихъ поръ извѣстныхъ чтеній) за письменный памятикъ какихъ-то европейскихъ автохтоновъ (автохтоновъ въ сравненіи съ Индоевропейцами), языкъ которыхъ вполнѣ отличался отъ всѣхъ извѣстныхъ въ Европѣ языковъ и, на подобіе китайскаго, не имѣлъ вовсе словообразовательныхъ и флексійныхъ формъ (значитъ, это былъ бы письменный памятникъ, родившійся можетъ-быть сто вѣковъ тому назадъ). Если же все это не удастся, въ такомъ случаѣ, хотя и съ горечью и сердечною болью, нужно будетъ оставить въ покоѣ этотъ вопросъ и смотрѣть на мнимыя руны или какъ на ничего не значащія каракули, все равно какого столѣтія (но что тогда скажутъ почтенный Прове и лошадь?), или же считать ихъ умышленнымъ подлогомъ, сочиненнымъ съ цѣлью морочить легковѣрныхъ людей и создать надписи: *Smir kmet Prove* и *Smir bohdan* (или *bogdan*) *s woin lutwoi* (или *lnawoi*).

„Я предлагаю послѣднее".

Одному изъ глубокомысленныхъ толкователей руническихъ надписей на Микоржинскихъ камняхъ, Петрушевичу, я совѣтовалъ бы, прежде чѣмъ въ статьяхъ не вполнѣ грамотныхъ писать небылицы о мнимыхъ славянскихъ рунахъ, попризаняться немножко русскимъ языкомъ и изучить его основательно. Вотъ образчикъ русскаго слога г. Петрушевича: „Я назвалъ уже въ заглавіи моей статіи Микоринскіи камни *надгробными*, которыи, бывъ призначенными скрыватись въ землѣ, не отличаются наружною обдѣлкою. Находящіяся на нихъ руническія надписи читаю я соотвѣтно признанію камней, лежащихъ на урнахъ и мѣстящихъ въ себѣ пепелы извѣстныхъ словенскихъ лицъ" (О Микоринскихъ надгробныхъ камняхъ съ руническо-словенскими надписями. Съ Таблицею двухъ снимковъ. Написалъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ 1866. 8° стр. 6). Впрочемъ это еще не самый курьезный отрывокъ изъ этой ученой брошюры.

Кромѣ покойнаго проф. Сухэцкаго, д.-ра Эстрейхера, библіотекаря университетской библіотеки, и г. Лэпковскаго, профессора археологіи, я познакомился въ Краковѣ, между прочимъ, съ г. Жеготою Паули, извѣстнымъ собирателемъ народныхъ пѣсень, съ д.-ромъ І. Шуйскимъ, профессоромъ польской исторіи, и съ частнымъ ученымъ, г. Пекосинскимъ, занимающимся собираніемъ и упорядченіемъ латинско-польскихъ грамотъ и составленіемъ „регестовъ" къ польской исторіи по всѣмъ изданнымъ и неизданнымъ (извѣстнымъ ему) грамотамъ.

Изъ Кракова я отправился $\frac{14}{26}$ марта въ Вѣну. Тамъ я прежде всего явился въ Русское посольство и затѣмъ посѣтилъ М. Ѳ. Раевскаго и бывшаго австрійскаго министра народнаго просвѣщенія, Іосифа Иречка, которые одолжили меня рекомендаціями къ разнымъ югославянскимъ знаменитостямъ. Миклошича я не засталъ въ Вѣнѣ, ибо онъ въ то время уѣхалъ въ Римъ.—Такъ какъ я имѣлъ намѣреніе начать мои изслѣдованія съ изученія словенскихъ говоровъ, то и познакомился въ Вѣнѣ съ двумя словенскими учеными, гг. Левстикомъ и Цигале, которые предупредительно снабдили меня весьма полезными указаніями и совѣтами.

Желая повѣрить утвержденіе нѣкоторыхъ польскихъ ученыхъ, что на одной чашѣ, найденной 1799 г. въ Сент-Миклошѣ, и въ настоящее время хранящейся въ императорскомъ мюнц-кабинетѣ въ Вѣнѣ, есть руническая надпись на славянскомъ языкѣ, я отправился въ императорскій мюнц-кабинетъ и тамъ просмотрѣлъ надписи на всѣхъ памятникахъ, найденныхъ 1799 въ Сент-Миклошѣ (Gross Sz.-Miklós, Torontaler Comitat im Banat 1799). Это убѣдило меня, что ни на одномъ изъ этихъ памятниковъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какой бы то ни было славянской надписи. Вотъ эти надписи, готскія въ латинской, греческія же въ греческой транскрипціи ([1]):

1) руническая готская надпись на бутылко-образныхъ сосудахъ: *Arv(i)k*, то-есть, Harwig, Hartwig (имя владѣльца) (ср. Sacken und Kenner стр. 341, A. 2 и 5; Dietrich, стр. 198, 199);

2) такая же надпись на овальной чашѣ: *+arv(i)k+vakai+vakns(ê)l+s(â)th+*, „d. i. wache ein wachen (leben) mit gutem gesättigt (d. h. mögest du an allen glücksgütern befriedigt leben bis der todesschlaf kommt)“ (ср. Sacken u. Kenner, стр. 341, A. 3; Dietrich, стр. 199);

3) такая же надпись на плоскихъ чашахъ: *akenb* (личное имя) (ср. Sacken стр. 341, A. 6 и 14; Dietrich, стр. 201);

4) такая же (руническая готская) надпись на бутылкѣ: *Ik Ôhsala (h)aktho kês*, „d. i. Ich Ôhsala stach das gefäss ein“ (ср. Sacken, стр. 343, B. 21; Dietrich, стр. 197);

5) такія же надписи на круглыхъ чашахъ: а) *Gundvakrs* (? Gundivakrs); б) *Gundivarks Ekas* (два имени) (ср. Sacken, стр. 343, B. 22, 24; Dietrich, стр. 194);

6) такая же надпись на бутылкѣ: *Volsi vah* „(personennamen). Beide worte bedeuten: Volsi wog oder gab das gold dar“ (ср. Sacken, стр. 343, B. 25; Dietrich, стр. 201);

([1]) Ср. слѣдующія сочиненія: Die Sammlungen des k. k. Münz- und Antiken-Cabinets. Beschrieben von Dr. Eduard Freih. von *Sacken* und Dr. Friedrich *Kenner* k. k. Custoden. Mit einer Tafel. Wien, 1866.—Franz *Dietrich*, Runeninschriften eines gothischen Stammes auf den Wiener Goldgefässen des Banaterfundes (Pfeiffer's «Germania» Jahrg. XI, S. 177—209).—*Arnet*, Die antiken Gold- und Silber-monumente im k. k. Münz- und Antiken-Kabinet, ca 1850, Wien (?);—и пр.

7) такая же надпись на круглой чашѣ: *Gundivakrs (h)aktho aivi*. „Gundochar als namen des Eigenthümers, eingesetzt der zusatz: aivi schlug (die runen) ein“ (ср. Sacken, стр. 344, B. 28, 30; Dietrich, стр. 195);

8) греческая надпись на круглой чашѣ: *υδατος αναπαυσον*, „die übr. sind unleserlich (sie sassen an den wassern Babylon's und weinten)“ (Sacken, стр. 343, B. 22, 24; Dietrich);

9) греческая надпись (но не на греческомъ языкѣ) на чашѣ. „Wahrscheinlich auf die Häuptlinge der Jazygen Zuppan Bela und Butaul zu beziehen“:

βουηλα. ζοαπαν. τεση. δυγετοιγη. βουτα
ουλ. ζωαπαν. ταγρογη. ητζιγη. ταιδη+

(ср. Sacken, стр. 344, B. 27, 32).

Вотъ всѣ эти надписи, и между ними ни одной славянской. Такимъ образомъ падаетъ и послѣдній мнимый памятникъ съ руническою надписью на славянскомъ языкѣ, и вся исторія о славянскихъ рунахъ переходитъ въ область миѳовъ.

Изъ Вѣны я выѣхалъ 1 апрѣля н. с. въ Грацъ, намѣреваясь пробыть тамъ нѣсколько часовъ и затѣмъ отправиться въ Мариборъ. Но потеря чемодана (на пути изъ Вѣны въ Грацъ) заставила меня пробыть въ Грацѣ пять дней, до тѣхъ поръ пока наконецъ чемоданъ отыскался и я получилъ возможность отправиться 5 апрѣля въ Мариборъ (Marburg).

Въ Грацѣ меня встрѣтилъ весьма радушный пріемъ со стороны г. Григорія Крека, профессора славянской филологіи въ тамошнемъ университетѣ, и со стороны г. Антона Клодича, инспектора народныхъ училищъ. Оба они природные Словенцы. Проф. Крекъ былъ почти постояннымъ моимъ собесѣдникомъ, и изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ многое новое и занимательное въ научномъ отношеніи. — Кромѣ того я познакомился въ Грацѣ съ д.-ромъ Адальбертомъ Іеиттелесомъ, кустосомъ императорской библіотеки и приватъ-доцентомъ нѣмецкаго языка и литературы, съ проф. Бидерманномъ, юристомъ и авторомъ сочиненія о венгерскихъ Русскихъ, и наконецъ съ депутатомъ Германномъ, личностью замѣчательною тѣмъ, что онъ, природный нѣмецъ, видя несправедливости, которымъ подвергается словенскій народъ, выучился хорошо по словенски и въ настоящее время

является въ Штирійскомъ сеймѣ представителемъ Словенцевъ и защитникомъ ихъ народныхъ интересовъ.

Я посѣтилъ Грацкую библіотеку и по части славянскихъ языковъ не нашелъ въ ней ничего особеннаго.

Въ Мариборѣ (Марбургѣ) же я познакомился съ Юрчичемъ, однимъ изъ лучшихъ словенскихъ писателей и въ настоящее время редакторомъ газеты „Slovenski Narod", съ ученымъ филологомъ, учителемъ гимназіи, Валенчакомъ, сообщившимъ мнѣ интересныя данныя о словенскихъ діалектахъ, и еще съ нѣкоторыми другими представителями словенской интеллигенціи.

Изъ Марибора я отправился 6 апрѣля въ Понигву (Ponigl), къ тамошнему приходскому священнику, Даворину (Мартину) Търстеняку, редактору и издателю журнала „Zora" и знаменитому ученому, филологу и миѳологу. Но при всей его учености ему недостаетъ истинно научнаго, критическаго взгляда на научные вопросы и строгой школы; онъ самоучка и всѣ знанія по своей спеціальности добылъ себѣ собственнымъ, самостоятельнымъ трудомъ. Вслѣдствіе сего его лингвистическія и миѳологическія соображенія лишены твердаго научнаго основанія и являются скорѣе — иногда впрочемъ весьма блестящими — твореніями фантазіи, нежели обдуманными, строго логическими плодами ума. Какъ на примѣръ его научнаго легковѣрія и отсутствія критицизма можно указать на то, что онъ до сихъ поръ вѣритъ въ подлинность Прильвицкихъ идоловъ, подложность которыхъ была доказана какъ научными изслѣдованіями, такъ и судебнымъ слѣдствіемъ. Но при всемъ этомъ, относясь критически къ выводамъ и предположеніямъ Търстеняка, можно извлечь изъ его трудовъ и изъ бесѣдъ съ нимъ много полезнаго.

Пробывъ въ Понигвѣ цѣлыя сутки, я на слѣдующее утро, въ воскресенье 7 апрѣля, отправился въ Целье (Celje = Cilli) и посѣтилъ тамъ предсѣдателя мѣстной читальницы, купца Капуса, который познакомилъ меня съ нѣкоторыми изъ учителей Цельской гимназіи и показалъ мнѣ читальницу, гдѣ я, между прочимъ, нашелъ довольно много русскихъ книгъ.

Вездѣ жаловались мнѣ на трудность литературнаго сообщенія съ Россіею, вслѣдствіе чего русскія книги переплачиваются здѣсь вдвойнѣ, и то еще съ трудомъ ихъ можно достать. Между прочимъ, проф. Крекъ въ Грацѣ долженъ былъ за словарь Даля заплатить 35 талеровъ. До сихъ поръ невозможно было требовать устраненія этихъ неудобствъ, потому что, не смотря на искреннее желаніе нѣкоторыхъ южныхъ Славянъ, учиться русскому языку и пользоваться русскою литературой, все же таки количество запросовъ на книги, выходящія въ Россіи, слишкомъ здѣсь ничтожно для того, чтобы какой-нибудь книгопродавецъ могъ безъ убытка войти въ постоянныя, на кредитѣ основанныя сношенія съ русскими книгопродавцами и такимъ образомъ служить литературнымъ посредникомъ между Россіей и южными Славянами. Но почти не подлежитъ сомнѣнію, что со временемъ и въ этомъ отношеніи произойдетъ перемѣна къ лучшему. Разцвѣтъ русской, не только популярной, но и ученой литературы, а съ другой стороны живой интересъ для всѣхъ проявленій русской жизни и сочувствіе къ Россіи вообще будутъ все болѣе развивать въ южныхъ Славянахъ настоящую потребность, знакомиться и съ русскимъ языкомъ и съ сочиненіями, появляющимися на этомъ языкѣ. Ученые же люди, особенно по нѣкоторымъ спеціальностямъ, все болѣе и болѣе нуждаются въ русскихъ книгахъ, хотя бы только по тому, что не хотятъ отстать отъ прогресса науки. Это уже не славянофильское сентиментальничанье, а настоящая, реальная потребность. Кромѣ ученыхъ и людей общеобразованныхъ, подобную же потребность, знакомиться съ русскимъ языкомъ, чувствуютъ тоже купцы, которые такимъ образомъ желаютъ получить возможность, расширить свои непосредственныя торговыя сношенія.

По всѣмъ этимъ причинамъ, вездѣ, гдѣ я останавливался, мнѣ выражали непритворное желаніе учиться по русски, и просили меня помогать имъ въ этомъ дѣлѣ.

Изъ Целья я отправился въ Загребъ (Agram), гдѣ пробылъ одинъ день и двѣ ночи (съ 7 по 9 апрѣля). Тамъ я познакомился съ нѣкоторыми членами югославянской Академіи наукъ и искусствъ: съ секретаремъ Академіи, знаменитымъ филологомъ Даничичемъ, съ историкомъ Рач-

кимъ, съ статистикомъ и географомъ Матковичемъ и съ историкомъ и поэтомъ Кукулевичемъ-Сакцинскимъ. Лучшаго знатока всѣхъ оттѣнковъ хорватскаго нарѣчія, Курельца, не было тогда въ Загребѣ.

Въ Загребѣ я засталъ всѣхъ въ ожиданіи имѣющаго быть вскорѣ открытымъ хорватскаго университета.

Изъ Загреба я отправился 9 апрѣля н. с. въ Люблянy (Laibach), а ночью съ 9 на 10 въ Горицу.

Въ столицѣ Словенцевъ, Любляне, нѣтъ вовсе людей, занимающихся языковѣдѣніемъ; тамъ не удалось мнѣ слышать даже о серьезныхъ изслѣдователяхъ отечественнаго, словенскаго языка. Поэтому всѣ мои знакомства въ этомъ городѣ должны были ограничиться политическими знаменитостами, которыя снабдили меня рекомендаціями и нѣкоторыми указаніями, нужными при моихъ изслѣдованіяхъ словенскихъ говоровъ. Между прочимъ, я могу назвать Блейвейса, Разлага, Вошняка и др.— Я посѣтилъ тоже, конечно, Люблянскую читальницу.

Въ Горицу я прибылъ только 10 апрѣля, и здѣсь поселился на долго, такъ что до сихъ поръ Горица остается центромъ моихъ діалектологическихъ изслѣдованій. Я избралъ Горицу по тому, что она находится именно на рубежѣ между двумя этнографическими національностями, словенскою (крайнскою) и фурланскою. Слѣдовательно, пребываніе въ ней даетъ возможность, самымъ легкимъ образомъ знакомиться съ нѣкоторыми изъ конкретныхъ представителей славянскаго и романскаго племени. При томъ же Горица является самымъ удобнымъ пунктомъ для изысканій, имѣющихъ цѣлью точное опредѣленіе границы между двумя названными національностями.

Первою задачей я поставилъ себѣ изслѣдованіе ближайшихъ Горицѣ словенскихъ говоровъ, преимущественно же смежныхъ съ фурланскими, и затѣмъ опредѣленіе западной границы словенскаго нарѣчія. А такъ какъ ни въ одной общественной средѣ нельзя свободно вращаться и удовлетворительно исполнять свое назначеніе, не владѣя прежде всего необходимыми для этого орудіями взаимнаго общенія, то-есть, мѣстными языками, и такъ какъ въ здѣшнихъ краяхъ необходимо владѣть языками словенскимъ и итальянскимъ, то и я, прежде чѣмъ начать самостоятельное изслѣдованіе здѣшнихъ народныхъ говоровъ, долженъ былъ ознакомиться съ

двумя общими языками этой провинціи въ той степени, чтобы безъ затрудненія сообщать другимъ свои мысли и получать желаемые отвѣты. А такъ какъ съ другой стороны я намѣревался начать мои изслѣдованія съ говоровъ словенскихъ, то и все мое усиліе было на первыхъ порахъ обращено на точное практическое изученіе словенскаго языка. Съ этою цѣлью я прилежно посѣщалъ здѣшнюю читальницу и тамъ почти всякій день въ продолженіе отъ одного до трехъ часовъ упражнялся въ живомъ разговорѣ на словенскомъ нарѣчіи. Кромѣ того я предложилъ двумъ господамъ взаимное обученіе: одинъ изъ нихъ училъ меня словенскому, другой — италіянскому языку, я же ихъ обоихъ — русскому. Наконецъ, по общему желанію многихъ молодыхъ людей, я открылъ въ здѣшней читальницѣ уроки русскаго языка. Эти уроки давали мнѣ возможность достигать тройную цѣль: Во первыхъ, я упражнялся въ живомъ употребленіи русскаго языка; а этимъ, по моему, никогда не слѣдуетъ пренебрегать, ибо извѣстно, что съ практическимъ изученіемъ одного прежде практически не извѣстнаго славянскаго языка, въ настоящемъ случаѣ словенскаго, теряется отчасти бѣглость во владѣніи извѣстными до сихъ поръ языками славянскими (явленіе, свойственное изученію нетолько славянскихъ, но и всѣхъ въ такой же степени родственныхъ языковъ). Во вторыхъ, преподаваніе русскаго языка Словенцамъ давало мнѣ возможность, обращать постоянное вниманіе на сходства обоихъ языковъ и, кромѣ того, на отличительныя особенности какъ одного, такъ и другаго. Во третьихъ, наконецъ, ведя мое преподаваніе на словенскомъ языкѣ, я тѣмъ же самымъ былъ принужденъ выражать на немъ свои мысли, придумывать самостоятельные обороты и такимъ образомъ успѣшно упражняться въ столь нужномъ для моего научнаго предпріятія разговорномъ языкѣ.

Руководствомъ служила мнѣ русская грамматика Маяра (Slovnica ruska za Slovence. Spisal Matija *Majar*. Tiskana na Dunaju pri oo. Mehitaristih, 1867. Založil G. Blaž, trgovec v Reki (Fiume), 8°, стр. 172), и я убѣдился, что эта грамматика далеко не удовлетворяетъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ отъ такого рода книгъ. Не говоря о томъ, что въ ней чрезвычайно много опечатокъ, она свидѣтельствуетъ, что ея составитель не усвоилъ себѣ въ достаточной степени формъ русскаго языка, а въ приложенныхъ

образцахъ онъ иногда совершенно неточно переводитъ на словенскій нѣкоторыя попадающіяся въ этихъ отрывкахъ русскія слова. Словенецъ, изучающій русскій языкъ только съ помощью названной грамматики, о нѣкоторыхъ явленіяхъ этого языка долженъ получить самое неточное и невѣрное понятіе. Но, при содѣйствіи опытнаго учителя, можно, за неимѣніемъ лучшей, пользоваться успѣшно и грамматикой Маяра.

Такимъ образомъ я приготовлялся къ моимъ занятіямъ въ теченіе 6-ти недѣль, и въ это время окончилъ еще въ Краковѣ начатыя рецензіи трехъ лингвистическихъ сочиненій. Эти рецензіи напечатаны въ майской, іюньской, августовской и ноябрской книжкахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1872 г.

Постоянное упражненіе въ практическомъ употребленіи словенскаго языка было причиною, что въ продолженіе одного мѣсяца я изучилъ его слишкомъ хорошо. Я говорю *слишкомъ* потому, что, вслѣдствіе хорошаго знанія словенскаго разговорнаго языка, я очень часто подвергался, во время моей первой экспедиціи, разнаго рода непріятностямъ и подозрѣніямъ. Многіе не хотѣли вѣрить, что я не Словенецъ и думали, что я только прикидываюсь прибывшимъ изъ Россіи, но что въ самомъ дѣлѣ я какой-то словенскій проходимецъ, исполняющій, можетъ быть, опасную для Австріи должность шпіона или агента одного изъ сосѣднихъ государствъ.

Въ самомъ началѣ моего пребыванія въ Горицѣ я посѣтилъ здѣшняго ученаго лингвиста и профессора семинаріи, священника Коціянчича, къ которому у меня было рекомендательное письмо отъ русскаго адмирала, А. В. Фрейганга. Коціянчичъ разсказалъ мнѣ о здѣшнихъ этнографическихъ отношеніяхъ и предупредительно предложилъ пользоваться семинарскою библіотекой, которой онъ состоитъ библіотекаремъ. Нѣкоторыя полезныя указанія я получилъ тоже отъ другихъ представителей здѣшней словенской интеллигенціи, въ особенности же отъ знаменитаго политическаго дѣятеля, депутата въ провинціяльный горицкій сеймъ, Карла Лаврича, отъ учителей Эръявца и Левца, отъ редактора газеты „Soča“, Доленца, и др.

Пріобрѣвъ полное практическое знаніе словенскаго языка, и запасшись рекомендательными письмами, я отправил-

ся въ началѣ іюня изъ Горицы съ намѣреніемъ, изучить народные говоры въ направленіи отъ Горицы къ Постойнѣ (Adelsberg). Какъ эта, такъ и всѣ послѣдующія экспедиціи убѣдили меня, что разнообразіе словенскихъ говоровъ весьма велико, такъ что врядъ-ли найдется нѣчто подобное въ другихъ славянскихъ областяхъ. Поэтому и задача діалектолога въ этихъ краяхъ очень сложна, и ея рѣшеніе требуетъ прежде всего чрезвычайно много времени. Такъ и я полагалъ сначала, что въ теченіе какихъ-нибудь трехъ или четырехъ мѣсяцевъ составлю себѣ довольно опредѣленное понятіе, по крайней мѣрѣ, о большинствѣ словенскихъ говоровъ; а между тѣмъ я посвятилъ этому предмету болѣе полгода, и пока успѣлъ изслѣдовать много много десятую долю всѣхъ болѣе выдающихся оттѣнковъ словенской языковой области. Изслѣдованіе каждаго отдѣльнаго діалектическаго оттѣнка требуетъ довольно много времени; и кромѣ того оно обыкновенно замедляется разными независящими отъ изслѣдователя обстоятельствами.

Первое обстоятельство — то, что по большей части чрезвычайно трудно сойтись съ подходящими индивидуумами изъ народа. Въ рабочій день (за исключеніемъ зимы) почти всѣ работаютъ въ полѣ, и для изслѣдованій остается только вечеръ. По воскресеньямъ же и праздникамъ всѣ въ церкви, а въ свободное отъ богослуженія время гуляютъ и, хотя не вездѣ и не всѣ, пьянствуютъ. Впрочемъ тамъ, гдѣ главнымъ образомъ занимаются скотоводствомъ и пастушествомъ, какъ напримѣръ, на безплодныхъ горныхъ пастбищахъ или „планинахъ“ (альпахъ), можно безъ затрудненія вести свои изслѣдованія цѣлый день, разумѣется, подъ открытымъ небомъ. Сверхъ того очень часто одни желали бы разсказывать, но не знаютъ, другіе же знаютъ, но имъ совѣстно разсказывать или же они относятся къ изслѣдователю недовѣрчиво.— Само собою разумѣется, что я почти всѣмъ долженъ былъ платить, или деньгами или же виномъ. Впрочемъ, ради истины, не могу не заявить, что нашелъ между здѣшнимъ народомъ нѣкоторыя личности, разсказывавшія мнѣ совершенно даромъ и не соглашавшіяся ни подъ какимъ видомъ принять вознагражденіе за свой трудъ.

Что̀ касается недовѣрчивости, то въ близкихъ Горицѣ деревняхъ (Първачина, Дорнберкъ, Рихемберкъ и др.) я ея не встрѣчалъ; за то впослѣдствіи мнѣ постоянно случалось

слышать самыя разнообразныя и весьма курьезныя предположенія о моей личности. Я не стану распространяться исчисленіемъ всѣхъ подозрѣній, которымъ я подвергался со стороны словенскаго народа. Здѣсь упомяну только о самыхъ курьезныхъ.

Иные думали, что я чертъ и что, странствуя по бѣлу свѣту въ качествѣ адскаго прикащика (коми-вояжера), скупаю души для Луцифера. Другіе полагали, что я антихристъ, что я прельщаю людей, распространяю новую вѣру и т. п. Опять другіе видѣли во мнѣ предводителя (атамана) разбойничьей шайки и т. д. и т. д. Самымъ же распространеннымъ мнѣніемъ обо мнѣ было то, что я италіянскій или же нѣмецкій шпіонъ, рисующій военныя карты. О русскихъ шпіонахъ здѣсь не думають по причинѣ слишкомъ значительнаго разстоянія отъ русской границы. Все же таки нашлись многіе, которые, хотя и не считали меня обыкновеннымъ военнымъ русскимъ шпіономъ, тѣмъ не менѣе полагали, что я тайный агентъ русскаго правительства, имѣющій порученіе, возбуждать русско-славянскія симпатіи, поддерживать и распространять панславистическія идеи и, наконецъ, подстрекать австрійскихъ Славянъ къ измѣнѣ и неповиновенію законнымъ властямъ. Нѣкоторые полагали, что я посланъ русскимъ правительствомъ съ цѣлью, устраивать въ здѣшнихъ краяхъ русскія школы, и т. д. и т. д.

Подобнаго рода курьезныя идеи раждались въ головахъ нетолько индивидуумовъ изъ простонародія, но даже въ головахъ представителей такъ называемой интеллигенціи.

Еще самыя лучшія или, по крайней мѣрѣ, самыя безопасныя предположенія о моей личности были, съ одной стороны, что я сумасшедшій, помѣшанный на народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, съ другой же стороны, что я изучаю всѣ славянскіе говоры для того, чтобы такимъ образомъ приготовиться къ созданію одного общаго славянскаго языка.

Только весьма немногіе были въ состояніи понять настоящую цѣль моихъ путешествій. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ вообще во всемъ мірѣ чрезвычайно мало, даже высоко образованныхъ, людей, которые были бы въ состояніи понять теоретическій интересъ и теоретическое отношеніе къ извѣстному предмету. Но, что гораздо удивительнѣе, такъ это то, что я, можно сказать, нашелъ болѣе индивидуумовъ, понимающихъ цѣль моихъ экскурсій, между про-

стонародіемъ, нежели въ средѣ такъ называемой интеллигенціи; подобно тому, какъ тоже между простонародіемъ найдется болѣе людей, способныхъ различать тонкіе оттѣнки звуковъ, нежели между такъ называемыми образованными людьми. Впрочемъ у Словенцевъ не можетъ быть рѣчи о простонародіи въ смыслѣ, напримѣръ, русскаго или же польскаго простонародія. Здѣсь почти всѣ члены молодаго поколѣнія грамотны, неграмотныхъ очень мало; потребность читать и образоваться сильно развита (такъ напримѣръ, общество св. Мохора считаетъ почти 20,000 членовъ ([1])). Почти всѣ представители словенской интеллигенціи вышли изъ народа.—Разумѣется, что понимавшіе цѣль моихъ изслѣдованій люди изъ народа (какъ мужчины, такъ и женщины) смотрѣли на этотъ предметъ съ чисто эмпирической точки зрѣнія: по ихъ мнѣнію, я хочу узнать и описать особенности говоровъ такъ, какъ другіе господа узнаютъ и описываютъ, напримѣръ, животныхъ, растенія и т. п.; о какихъ нибудь болѣе общихъ выводахъ эти люди, конечно, не могли имѣть понятія.

Кромѣ общей подозрительности и боязливости, мнѣ мѣшали въ моихъ изслѣдованіяхъ нѣкоторыя другія обстоятельства. Я не говорю о многихъ такъ называемыхъ неудобствахъ и лишеніяхъ (въ родѣ, напримѣръ, того, что я иногда въ теченіе какихъ-нибудь пяти дней долженъ былъ питаться творогомъ, молокомъ и хлѣбомъ, спать на скамьѣ или же на столѣ въ крестьянской избѣ и т. п.), потому что для меня не существуетъ никакихъ неудобствъ и лишеній. Но величайшею помѣхой въ моихъ путешествіяхъ была трудность сообщенія въ гористыхъ мѣстностяхъ. Я почти исключительно совершалъ мои путешествія пѣшкомъ, такъ какъ по большей части иначе и не было возможно тамъ, гдѣ до сихъ поръ не устроены дороги, и единственными путями сообщенія служатъ козлиныя дорожки и узенькія, подчасъ довольно опасныя тропинки. При этомъ въ горахъ нужно обыкновенно употребить цѣлый часъ для пробытія такого безусловнаго разстоянія, которое на равнинѣ не требовало бы болѣе десяти минутъ.

([1]) Это было, впрочемъ, въ 1872 г., теперь же, 1875 г., число членовъ названнаго Общества доходитъ, кажется, до 23-хъ или даже до 24-хъ тысячъ. *Примѣчаніе автора.*

Медленность моихъ изслѣдованій обусловливается тоже принятымъ мною методомъ. Прежде всего я долженъ замѣтить, что я никогда не довольствуюсь поверхностнымъ ознакомленіемъ съ даннымъ говоромъ, но стараюсь изучить его болѣе или менѣе основательно. По этому то я вслушивался въ живой разговоръ жителей данной мѣстности и записывалъ все, что только могъ записать. Но разговоромъ, хотя онъ и есть самый надежный матеріалъ для оцѣнки діалектическихъ оттѣнковъ, только весьма рѣдко можно пользоваться съ полнымъ успѣхомъ; ибо, во первыхъ, обыкновенно разговариваютъ очень скоро, и вслѣдствіе сего чрезвычайно трудно записать то, что говорится; во вторыхъ же, записывая разговоръ, возбуждаешь подозрѣніе, вслѣдствіе чего разговаривающіе стѣсняются и начинаютъ враждебно смотрѣть на тебя.

По всѣмъ этимъ причинамъ я долженъ былъ искать разсказчиковъ, которые разсказывали бы мнѣ сказки, загадки, поговорки, пословицы и, наконецъ, пѣсни.

Что касается пѣсень, то, при характеристикѣ діалектическихъ особенностей, нужно пользоваться ими только съ большою осмотрительностью. Причины этого различны. Прежде всего извѣстно, что пѣсни, созданныя въ одной мѣстности на извѣстномъ діалектѣ, переходятъ въ другую немного измѣненными, и получаютъ, по отношенію къ языку, смѣшанный характеръ. Въ связи съ этимъ находится, съ одной стороны, то, что языкъ пѣсень обусловленъ законами рифма и размѣра, которые, съ измѣненіемъ говора, нерѣдко нарушаются, съ другой же стороны то обстоятельство, что, какъ вообще у всѣхъ народовъ, также точно и у Словенцевъ пѣснямъ свойственъ особый языкъ, болѣе торжественный и обыкновенно отличающійся большею старинностью (архаизмами). Это въ особенности относится къ ударенію словъ, которое въ пѣсняхъ обыкновенно сохранилось въ болѣе старинномъ видѣ, нежели въ живомъ говорѣ, хотя тоже и удареніе измѣняется иногда ради размѣра стиховъ, въ полной независимости отъ развитія языка, что у Словенцевъ совершается безъ большихъ затрудненій, вслѣдствіе непостоянства, перемѣнчивости и переходнаго характера ударенія въ нынѣшнихъ словенскихъ говорахъ. Кто знакомъ съ внѣшнею постройкой хотя бы только русскихъ былинъ, тотъ не найдетъ ничего особеннаго въ упомянутыхъ свойствахъ языка сло-

венскихъ пѣсень. При всемъ этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что текстъ и мелодія народныхъ пѣсень не составляются порознь, но что, напротивъ того, народная пѣсня раждается цѣликомъ, раждается пѣснею въ полномъ смыслѣ этого слова. А извѣстно, что въ пѣснѣ чисто языковыя свойства языка сходятъ на второй планъ, уступая мѣсто музыкальнымъ условіямъ. Въ этомъ легко убѣдиться, заставляя пѣвца прежде пропѣть извѣстную пѣсню и потомъ только говорить ее: въ томъ и другомъ случаѣ языкъ не остается одинъ и тотъ же, но измѣняется, сообразно съ специальными условіями пѣнья или же говора. Поэтому то и я, записывая пѣсни, если только было возможно, заставлялъ прежде всего пропѣть данную пѣсню, потомъ рецитовать одинъ только текстъ и наконецъ еще одинъ разъ пропѣть.— Я очень жалѣю, что, вслѣдствіе незнанія музыки, я былъ лишенъ возможности записать тоже напѣвы, которые иногда казались мнѣ вполнѣ оригинальными и интересными. Впрочемъ, нѣкоторые напѣвы записаны, по моей просьбѣ, г. Хрибаромъ, учителемъ пѣнья въ Горицѣ.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что на пѣсни я не могъ обращать большаго вниманія. За то я тщательно записывалъ сказки, народныя повѣсти, анекдоты, загадки, поговорки и т. д., потому что, за отсутствіемъ у Словенцевъ народнаго эпоса и строго эпическихъ разсказовъ, въ подобнаго рода твореніяхъ языкъ не имѣетъ особенныхъ, ему только свойственныхъ формъ, и предоставляется обширное поле свободѣ разсказчика, который, если только не испортилъ своего діалекта вслѣдствіе вліянія, напримѣръ, школы, путешествій и т. п., именно и разсказываетъ подобныя творенія на чисто мѣстномъ говорѣ.

Все, что я записывалъ, я старался записывать вполнѣ фонетически, съ обозначеніемъ всѣхъ малѣйшихъ звуковыхъ оттѣнковъ слышаннаго въ извѣстный моментъ слова, разумѣется на столько, на сколько мнѣ позволяла моя слуховая способность, моя сообразительность и моя теоретическая подготовка.

Само собою разумѣется, что для этой цѣли я не могъ придерживаться ни одного изъ данныхъ фактически алфавитовъ, но принужденъ былъ создать особый алфавитъ, отличающійся прежде всего подвижностью и тѣмъ, что, по мѣрѣ надобности, онъ можетъ увеличиваться безъ всякаго ограниче-

нія. Если въ извѣстномъ говорѣ я замѣчаю звукъ, котораго до сихъ поръ не встрѣчалъ въ другихъ говорахъ, то, само собою разумѣется, я долженъ придумать для него особый, самостоятельный знакъ. Вслѣдствіе сего то, что я записываю, представляетъ субъективно вѣрнѣйшую фотографію слышаннаго мною въ данное время.

При всякомъ разсказѣ я съ точностью обозначалъ мѣстность, гдѣ я его слышалъ, равно какъ и имя, фамилію, прозвище, возрастъ и родъ занятій разсказчика; это по тому, что и индивидуальный элементъ имѣетъ во всякомъ случаѣ нѣкоторое вліяніе на свойство разсказа.

Кромѣ разсказовъ, я старался повсюду собрать по возможности болѣе названій мѣстностей (горъ, рѣкъ, лѣсовъ, урочищъ и т. д.), прозвищъ, фамилій и т. д. Всѣ эти языковыя явленія важны въ историко-лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніи.

Иногда я увлекался содержаніемъ разсказываемаго и записывалъ гораздо болѣе, нежели было въ самомъ дѣлѣ нужно для приблизительной характеристики даннаго говора. Но, хотя это и было въ ущербъ строго лингвистической цѣли моихъ изслѣдованій, я все же таки утѣшалъ себя мыслію, что такимъ образомъ я, можетъ быть, окажу маленькую услугу миѳологу, этнографу, историку, психологу и, наконецъ, изслѣдователю народной словесности.

Моя первая экспедиція была, какъ я уже прежде сказалъ, въ направленіи отъ Горицы къ Постойнѣ (Adelsberg). Во время этого путешествія я изучилъ народный говоръ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: Дорнберкъ (собирательное названіе для цѣлой общины, состоящей изъ нѣсколькихъ деревень), Първрачина, Рихемберкъ, Мале Жабле, Ѳветъ Крижь, на Цести, Айдовщина, Отлица и Долъ (разбросанныя на разстояніи одной мили хижины пастуховъ на возвышенной плоскости близъ Айдовщины), Випава (Випавскій Торгъ), Подбърье, Шембидъ (S.-Veit), Раздърто и т. д.,— стало-быть, около шести болѣе выдающихся діалектическихъ оттѣнковъ. Всего труднѣе мнѣ шло съ характеристикою дорнберкскаго діалекта, и именно вслѣдствіе моей неопытности въ этомъ отношеніи, такъ какъ Дорнберкскій говоръ былъ вообще первымъ народнымъ говоромъ, который мнѣ пришлось изслѣдывать на моемъ вѣку.

занимательный говоръ, я отправился въ центръословенившихся Нѣмцевъ, въ Корытницу или Нѣмшкъ Рутъ по преимуществу, и тамъ получилъ возможность, изслѣдовать теперешній, новообразовавшійся словенскій говоръ и старый нѣмецкій говоръ Тирольскихъ выселенцевъ. Но мои изслѣдованія въ этой деревнѣ не могли имѣть надлежащаго успѣха вслѣдствіе крайняго недовѣрія и суроваго обращенія со мною черезъ чуръ наивныхъ обитателей, такъ что я волей неволей долженъ былъ оставить это невѣжественное захолустье и отправиться на Грахово.

Подъ Бърдомъ, въ Стържищахъ, Корытницѣ (Нѣмшкомъ Рутѣ по преимуществу) и еще въ нѣсколькихъ другихъ селеніяхъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Нѣмшкаго Рута, живутъ потомки тирольскихъ колонистовъ. Еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Корытница была чисто нѣмецкою деревней; теперешнее же молодое поколѣніе не понимаетъ ни слова на томъ нѣмецкомъ говорѣ, который былъ отечественнымъ, домашнимъ языкомъ его дѣдовъ, и который его отцы хотя и понимаютъ, но не въ состояніи на немъ объясняться. Но въ Корытницѣ (Нѣмшкомъ Рутѣ) и Грантѣ есть еще довольно много стариковъ, разговаривающихъ между собою на ихъ старинномъ нѣмецкомъ діалектѣ, и довольно долго (напримѣръ до 18-и лѣтъ своего возраста) не знавшихъ ни слова по словенски; теперь же даже этимъ старикамъ легче говорить по словенски, нежели по нѣмецки. Въ Стържищахъ словенизація совершилась цѣлымъ поколѣніемъ раньше, такъ что мѣстные старики только понимоютъ старый нѣмецкій діалектъ, на которомъ говорили ихъ отцы, но не могутъ на немъ объясняться. Подъ Бърдомъ словенизація Нѣмцевъ совершилась еще раньше, благодаря особенно вліянію священниковъ и постояннымъ сношеніямъ съ сосѣдними чисто словенскими деревнями.

Всѣмъ этимъ деревнямъ свойственъ особенный словенскій говоръ, представляющій очевидные слѣды нѣмецкаго вліянія, не только въ синтаксисѣ и въ образованіи словъ и формъ, но даже въ фонетикѣ, такъ что, по справедливости, можно назвать его смѣшаннымъ говоромъ. Объ этомъ интересномъ говорѣ я готовлю особое разсужденіе.

Изслѣдовавъ народный говоръ на Граховомъ и въ нижней Корытницѣ (различной отъ верхней, входящей въ составъ Нѣмшкаго Рута и даже составляющей его центръ),

я отправился въ Подмеуцъ, а оттуда въ Тминъ (Tолминъ), и тамъ занялся основательнымъ изученіемъ тамошняго говора въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: село („торгъ") Тминъ, деревни Затминъ (эту деревню, равно какъ и Тминъ, я посѣтилъ кромѣ того еще до моей экспедиціи въ цирклянскую околицу), Чадърхъ, на Равнехъ, Задласъ, Уче, Чьгинь, Каменца и т. д. Только здѣсь я нашелъ то, чего желалъ, именно много знающихъ и общительныхъ, охотно разсказывающихъ людей, такъ что, даже по своему содержанію, записанные здѣсь мною разсказы представляютъ много интереснаго, особенно же въ миѳологическомъ отношеніи. Этимъ я обязанъ какъ содѣйствію образованныхъ людей, также точно и большей довѣрчивости народа, впрочемъ тоже подозрѣвавшаго меня въ разныхъ богопротивныхъ замыслахъ.

На возвратномъ пути въ Горицу я посѣтилъ Каналъ и Морскую, говоръ которыхъ вполнѣ отличается отъ Тминскаго.

Съ тѣхъ поръ я не уѣзжалъ изъ Горицы, но за то отъ поры до времени дѣлалъ небольшія экскурсіи въ сосѣднія деревни Такимъ образомъ я изучилъ народные словенскіе говоры въ слѣдующихъ деревняхъ: Соуканъ (Salcano), Пьюма, Штандержъ (St.-Andreas), Шемпетеръ (St.-Peter), Медана и т. д. Кромѣ того я выписалъ изъ Чьгиня (одной изъ деревень, находящихся въ окрестностяхъ Тмина) разсказчика-спеціалиста, съ которымъ я сошелся еще въ Тминѣ, и который въ теченіе трехъ недѣль наполнялъ мои тетради разнаго рода повѣстями, анекдотами, сказками, пѣснями, загадками и др. плодами народной фантазіи.

Еще прежде я имѣлъ возможность изучать резьянское нарѣчіе на нѣсколькихъ индивидуумахъ, которыхъ мнѣ удалось встрѣтить на Отлицѣ (во время моего перваго путешествія) и въ Горицѣ. Сравнивая это нарѣчіе съ извѣстными мнѣ до сихъ поръ „словенскими говорами", я выработалъ въ себѣ убѣжденіе, что ближайшими этнографическими родственниками Резьянъ слѣдуетъ считать обитателей деревень Соуканъ, Пьюма, Първачина, Богерска и т. д., общій говоръ которыхъ имѣетъ много сходства съ резьянскимъ нарѣчіемъ. Если же есть между тѣмъ и другимъ тоже значительныя различія, то ихъ слѣдуетъ приписать тому

обстоятельству, что со всѣхъ сторонъ окруженные горами Резьяне сохранили свой говоръ въ первоначальной неприкосновенности и могли развить его болѣе самостоятельнымъ образомъ, между тѣмъ какъ обитатели названныхъ мною (близкихъ Горицѣ) деревень, находясь въ постоянной связи съ настоящими Словенцами, должны были, и по отношенію къ языку, подчиняться ихъ вліянію и не могли развить своего говора такъ своеобразно и исключительно, какъ ихъ ближайшіе этнографическіе родственники, Резьяне.

Это ближайшее этнографическое родство Резьянъ съ обитателями названныхъ деревень не представляетъ ничего удивительнаго, если принять въ соображеніе, что предки теперешнихъ Резьянъ шли въ свою теперешнюю родину несомнѣнно черезъ Випавскую долину, и нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, что нѣкоторые изъ нихъ отстали отъ другихъ и поселились въ плодоносныхъ и незанятыхъ подгорицкихъ мѣстностяхъ (1).

Не смотря на всѣ непріятности и затрудненія, я собралъ довольно много — около 250 листовъ — матеріаловъ и изучилъ около 25-и болѣе выдающихся діалектическихъ оттѣнковъ. Теперь я занимаюсь общею характеристикой изслѣдованныхъ мною говоровъ, которую намѣренъ выслать вслѣдъ за этимъ отчетомъ. Кромѣ того я буду, по мѣрѣ возможности, составлять, во первыхъ, отдѣльныя монографіи объ изслѣдованныхъ мною говорахъ и, во вторыхъ, словарь ко всему собранному мною матеріалу. А такъ какъ удареніе словенскихъ говоровъ представляетъ много интереснаго, то я считаю тоже весьма благодарнымъ трудомъ подробное изслѣдованіе этого вопроса.

Пока же, на счетъ словенскаго ударенія, я позволю себѣ замѣтить, что оно представляетъ замѣчательное сходство съ удареніемъ русскаго языка, и отличается отъ него только тѣмъ, что русскій языкъ сохранилъ вообще древнее

(1) Это мнѣніе основано на слишкомъ поверхностномъ ознакомленіи съ резьянскимъ нарѣчіемъ, и вслѣдствіе сего оно совершенно невѣрно. Мой теперешній гипотетическій взглядъ на происхожденіе Резьянъ высказанъ въ сочиненіи «Опыт фонетики резьянских говоров».

Примѣчаніе автора въ 1875 г.

славянское удареніе, измѣненное лишь на столько, на сколько этого требовали спеціально русскіе вторичные звуковые законы, между тѣмъ какъ словенскіе говоры находятся въ періодѣ переходномъ отъ древняго основно-славянскаго состоянія къ новому, обусловленному стремленіемъ произносить съ удареніемъ коренной слогъ ([1]). Но вліяніе ударенія на историческія измѣненія качества звуковъ и на фонетическую формацію языка вообще, можетъ быть, еще сильнѣе въ словенскихъ говорахъ, нежели въ говорахъ русскихъ.

Желая облегчить себѣ задачу, я распрашивалъ воспитанниковъ здѣшнихъ (горицкихъ) учебныхъ заведеній, священниковъ и другихъ образованныхъ людей о народныхъ говорахъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они или родились и первоначально воспитывались, или же въ которыхъ имъ пришлось жить довольно долгое время. Разумѣется, къ сообщаемымъ этими господами даннымъ я долженъ былъ относиться съ большою осмотрительностью и никогда не вѣрить имъ безусловно. Кромѣ того въ № 90 и 106 газеты „Slovenski Narod“ за 1872 г. я напечаталъ два воззванія къ представителямъ словенской интеллигенціи, прося ихъ помогать мнѣ по мѣрѣ возможности и записывать всѣ народныя творенія, равно какъ и особенныя слова и вообще грамматическія особенности доступныхъ имъ мѣстныхъ говоровъ. Чтобы показать имъ путь къ научному собиранію подобныхъ матеріаловъ, я въ тѣхъ же статьяхъ изложилъ вкратцѣ методъ фонетическаго записыванія и другія сюда относящіяся подробности.

Вслѣдствіе этихъ отзывовъ ученики гимназіи и даже простые крестьяне стали присылать мнѣ разнаго рода матеріалы, по большей части записанные весьма добросовѣстно и удовлетворительно, даже съ научно-лингвистической точки зрѣнія. Нѣкоторые не ограничились доставленіемъ однихъ сырыхъ матеріаловъ, но пытались тоже теоретически характеризовать извѣстные имъ говоры. Здѣсь прежде всего заслуживаютъ быть упомянутыми труды: бывшаго ученика горицкой гимназіи, въ настоящее время студента Пражскаго университета, М. Лютмана („особенности Штандержскаго

([1]) Высказанное здѣсь мнѣніе о словенскомъ удареніи не выдерживаетъ критики. *Примѣч. автора въ 1875 г.*

говора"), учениковъ 8 класса горицкой гимназіи, М. Голоба („особенности народнаго говора въ Нѣмшкомъ Рутѣ, преимущественно же въ Облокахъ") и М. Вуги („особенности Соуканскаго діалекта") и т. д.

Независимо отъ сего, инспекторъ народныхъ училищъ въ Грацѣ, г. Клодичъ, обязательно сообщилъ мнѣ свое рукописное разсужденіе о говорѣ Венеціянскихъ Словенцевъ.

Къ настоящему отчету прилагаю №№ 90 и 106 газеты „Slovenski Narod" съ упомянутыми выше воззваніями и кромѣ того №№ 26, 34, 42, 49, 51 и 52 газеты „Soča", въ которыхъ, за исключеніемъ № 26 и 34, или исчисляю присланные мнѣ матеріалы или же дѣлаю замѣчанія о томъ, что̀ мнѣ случилось видѣть и слышать во время моихъ путешествій.

Я заинтересовался разнообразіемъ словенскихъ говоровъ и, руководясь началомъ, что лучше изслѣдовать немного, но основательно, нежели многое поверхностно, я намѣренъ продолжать изученіе словенскихъ говоровъ Горицкой земли и Италіянскаго Королевства, такъ чтобы быть въ состояніи составить полную и безукоризненно точную этнографически-лингвистическую характеристику этой части Славянъ.

Особенное вниманіе я хочу посвятить Резьянамъ и изучить этотъ занимательный народецъ во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, Резьяне, подобно другимъ Славянамъ Италіянскаго Королевства, объиталіянятся въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени.

Горица, 15/27 декабря
1872 г.

По опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань. 1 ноября 1875 г.

Деканъ *Н. Буличъ*.

II.

ОТЧЕТЪ ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ 1873 ГОДА.

Въ теченіе января мѣсяца сего года я занимался изученіемъ нѣкоторыхъ, близкихъ Горицѣ, словенскихъ говоровъ и упорядочиваніемъ собранныхъ мною матеріаловъ. Затѣмъ, въ февралѣ я отправился въ Миланъ, съ цѣлью пользоваться знакомствомъ и лекціями одного изъ знаменитѣйшихъ лингвистовъ, Г. И. Асколи (G. I. Ascoli).

Асколи состоитъ ординарнымъ профессоромъ лингвистики въ миланской Академіи наукъ и словесности (Academia scientifico-letteraria), которая есть ни болѣе ни менѣе, какъ историко-филологическій факультетъ Павійскаго университета. Цѣль ея заключается, съ одной стороны, въ образованіи хорошихъ преподавателей классической филологіи, исторіи и философіи, съ другой же, въ приготовленіи научныхъ дѣятелей, способныхъ заниматься самостоятельно въ области историческихъ и филологическихъ наукъ.

Чтенія въ Академіи распадаются на лекціи (lezioni) и на такъ называемыя конференціи (conferenze). Лекціи открыты тоже для публики и продолжаются только одинъ часъ; къ двухъ-часовымъ же конференціямъ имѣютъ доступъ одни только студенты, потому что на конференціяхъ они обязаны отвѣчать на вопросы профессора и, стало-быть, присутствіе постороннихъ лицъ могло бы быть для нихъ стѣснительнымъ.

Асколи ограничивается одними только конференціями, по крайней мѣрѣ въ теченіе сего, 1872/3, академическаго

года. Слѣдовательно, мнѣ, какъ постороннему, долженъ бы быть закрытъ доступъ къ его преподаваніямъ; однакоже, въ видѣ исключенія, мнѣ дозволили пользоваться ими.

На своихъ конференціяхъ Асколи излагаетъ въ текущемъ году два предмета: 1) сравнительную морфологію индо-итало-греческую (Morfologia comparata indo-italo-greca) и 2) практическія упражненія въ области романскихъ языковъ (Esercitazioni romanze). Но для двухъ этихъ курсовъ нѣтъ опредѣленныхъ часовъ, они ведутся совершенно смѣшанно, такъ что студенты никогда не знаютъ, чѣмъ ихъ будетъ занимать профессоръ во время предстоящей двухчасовой конференціи. Ежекратный выборъ предмета зависитъ вполнѣ отъ его усмотрѣнія. Студенты знаютъ только, что, напримѣръ, въ понедѣльникъ, съ 11—1 часа будетъ читать Асколи; что́ же именно ему угодно будетъ читать, имъ совершенно неизвѣстно: они всегда должны быть приготовлены какъ къ одному, такъ и къ другому чтенію. Иногда двѣ или даже три конференціи подрядъ посвящены одному и тому же предмету, напримѣръ, сравнительной морфологіи, иногда же, напротивъ того,—и это самое обыкновенное,—одна часть конференціи посвящена сравнительной морфологіи, другая же романскимъ упражненіямъ.

Методъ преподаванія „сравнительной морфологіи" есть по преимуществу синтетичный: онъ заключается въ систематическомъ изложеніи отдѣльныхъ явленій санскрита въ сравненіи съ соотвѣтствующими имъ явленіями греческаго и латинскаго языковъ, при чемъ, гдѣ это кажется умѣстнымъ, обращается тоже вниманіе и на другіе индоевропейскіе языки. Тѣмъ не менѣе, профессоръ довольно часто обращается къ студентамъ съ вопросами, имѣющими цѣлью тѣмъ живѣе представить ихъ уму ту или другую прежде изложенную истину, которую необходимо знать для объясненія того, что́ именно излагается въ данную минуту.

Во время моего $2^1/_2$-мѣсячнаго пребыванія въ Миланѣ, Асколи прочелъ слѣдующія части сравнительной морфологіи: суффиксы, служащіе для образованія именъ и глаголовъ, основы (темы) настоящаго времени и ихъ раздѣленіе на классы, различіе временъ спеціалныхъ и общихъ, залоги дѣйствительный (activum) и средній (medium), первичныя и вторичныя личныя окончанія глаголовъ, спряженія временъ спеціальныхъ, какъ то настоящаго, несовершеннаго (imper-

fectum) и повелительнаго наклоненія, и наконецъ, спряженіе временъ общихъ, то есть, совершеннаго (perfectum), будущаго (futurum), аористовъ и т. д., все, разумѣется, какъ въ дѣйствительномъ, такъ и въ среднемъ залогѣ. Всѣ относящіяся сюда формы выписывались профессоромъ на доскѣ.

Упражненіямъ въ области романскихъ языковъ (Esercitazioni romanze) свойственъ почти исключительно аналитическій методъ преподаванія; они являются самостоятельными изслѣдованіями того или же другаго романскаго нарѣчія, производимыми именно во время конференціи профессоромъ съ участіемъ студентовъ или же, говоря точнѣе, студентами подъ руководствомъ профессора. Для того, чтобы дать ясное понятіе о подобнаго рода упражненіяхъ, я опишу тѣ изъ нихъ, которыя совершались въ моемъ присутствіи.

Дѣло шло о научномъ изслѣдованіи и опредѣленіи фонетическихъ особенностей піемонтскаго нарѣчія. Для этой цѣли читалась книга „Il libro de Salmi di David, da Giovanni Diodati, 1840, 'L liber di Salm de David: tradont ën lingua piemounteisa“ (книга псалмовъ Давида, переведенная на языкъ піемонтскій), и при чтеніи обращалось вниманіе на всѣ замѣчательныя въ фонетическомъ отношеніи слова. Фонетически-этимологическіе процессы, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ піемонтскія слова въ ихъ настоящемъ видѣ, представлялись профессоромъ наглядно, на доскѣ, въ чемъ постоянно спрашиваемые и отвѣчающіе студенты должны были принимать активное, дѣйствительное участіе. Но всего этого далеко недостаточно для извлеченія положительныхъ результатовъ изъ подобнаго рода упражненій. Чтобы эти упражненія принесли дѣйствительную, не только преходящую, пользу, у всякаго студента должно быть достаточное количество полулистовъ обыкновенной почтовой бумаги, на которые и записываются изслѣдуемыя слова. Такъ напримѣръ, на одинъ листъ записываются всѣ случаи піемонтскихъ измѣненій основнаго романскаго (то-есть, приблизительно латинскаго) ударённаго *a*, на другой листъ всѣ случаи піемонтскихъ соотвѣтствій латинскому *a* безъ ударенія и т. д., на третій листъ записываются измѣненія ударённаго и долгаго латинскаго *e*, на четвертый—ударённаго краткаго *e*, на пятый—соотвѣтствія неударенному *e* и т. д. Достаточное количество словъ, подведенныхъ подъ ту или же

другую категорію, даетъ возможность вывести общій законъ соотвѣтствія латинскаго звука піемонтскимъ. Въ случаяхъ же, если избранныхъ изъ читаемой книги примѣровъ было недостаточно для точнаго опредѣленія закона, искались подходящія слова въ большомъ піемонтскомъ словарѣ: „Vocabolario piemontese italiano del professore di grammatica italiana e latina Michele Ponza. Edizione quinta. Pinerolo 1859“. —Такимъ образомъ были изслѣдованы въ общихъ чертахъ фонетическія особенности піемонтскаго нарѣчія, и затѣмъ Асколи перешелъ къ подобному-же изслѣдованію нарѣчія геновезскаго (генуезскаго).—Въ концѣ концовъ въ рукахъ каждаго студента очутится имъ-же самимъ составленный курсъ, который передъ экзаменомъ нужно ему только вскользъ просмотрѣть для того, чтобы обладать имъ со всею требуемою вѣрностью и отчетливостью. Польза же подобныхъ упражненій для самостоятельныхъ трудовъ студентовъ, желающихъ посвятить себя діалектологіи, очевидна и не оспорима (¹).

Такъ какъ мои теперешнія занятія преимущественно діалектологическаго свойства, то и за „Романскими упражненіями“ (Esercitazioni romanze) Асколи я слѣдилъ съ живѣйшимъ интересомъ. Кромѣ того я пользовался частными бесѣдами съ этимъ знаменитымъ ученымъ и прилежно читалъ разныя его сочиненія, преимущественно же находящіяся въ непосредственной связи съ занимающими меня въ настоящее время діалектологическими вопросами. Къ этимъ, между прочимъ, принадлежатъ: 1) краткое разсужденіе, напечатанное въ миланскомъ журналѣ „Politecnico“ за мартъ 1867 г. (здѣсь, между прочимъ, говорится о Славянахъ Молизскаго графства въ южной Италіи), затѣмъ, 2) *Studj critici* di *G. I. Ascoli.* I. Cenni sull' origine delle forme gram-

(¹) Въ то время мѣсто преподавателя латинской словесности въ Миланской Академіи было вакантно, и его никакъ не льзя было замѣстить. Вслѣдствіе сего преподаваніе латинскаго языка было временно поручено въ низшихъ двухъ курсахъ профессору древней исторіи, Ильѣ Латтесу (Dott. Elia *Lattes*, prof. straord. della Storia antica ed Archeologia civile), въ высшихъ же курсахъ (3-мъ и 4-мъ)—Асколи. Они начали чтенія по этому предмету во время моего пребыванія въ Миланѣ. Асколи позволилъ мнѣ посѣщать и эти лекціи, на которыхъ онъ читалъ со студентами и объяснялъ Горація, обращая главное вниманіе на метрику.

maticali—*Saggi di dialettologia italiana—Colonie straniere in Italia*—Frammenti albanesi—Gerghi. Dagli Studj orientali e linguistici, Fasc. III. Gorizia. Tipografia Paternolli. 1861, и 3) Archivio glottologico italiano, diretto da G. I. *Ascoli*. Volume primo, con una carta dialettologica. Roma, Torino, Firenze, Ermanno Loescher. 1873. 8°. стр. LVI и 556.—Это послѣднее сочиненіе есть первый томъ сборника, въ которомъ будутъ, кромѣ Асколи, участвовать тоже разные другіе ученые, занимающіеся изслѣдованіемъ италіанскихъ говоровъ или же говоровъ иноплеменныхъ, но живущихъ на итальянскихъ земляхъ (то-есть, кромѣ Италіянскаго Королевства, тоже въ сосѣднихъ провинціяхъ Франціи, Швейцаріи и Австріи, причисляемыхъ Италіянцами къ Италіи). Вышедшій до сихъ поръ первый томъ этого, такъ сказать, діалектологическаго журнала принадлежитъ всецѣло перу Асколи. Это весьма подробная и точная характеристика фонетическихъ особенностей такъ называемой ладинской полосы (Zona Ladina), то-есть, группы тѣхъ романскихъ нарѣчій, которыя, находясь между собою въ довольно близкомъ родствѣ, не могутъ быть причислены ни къ португальской, ни къ испанской, ни къ французско-провенсальской, ни къ итальянской, ни, наконецъ, къ румынской семьѣ романскихъ нарѣчій и говоровъ, и составляютъ особое, самостоятельное цѣлое. Эта особенная романская группа состоитъ изъ такъ называемыхъ Гризоновъ или Гриджьоновъ въ Швейцаріи, изъ Ладиновъ въ Тиролѣ и, наконецъ, изъ Фурлановъ, живущихъ въ сѣверо-восточной части бывшаго Венеціянскаго Королевства (въ провинціи Удине) и въ югозападной части Горицкаго графства. Съ разсмотрѣніемъ фонетическихъ особенностей этихъ ладинскихъ нарѣчій Асколи связалъ тоже изслѣдованіе италіянскихъ говоровъ, носящихъ на себѣ, по его мнѣнію, замѣтные слѣды тѣхъ же вліяній, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ именно ладинскія нарѣчія: это такъ называемые говоры ладино-ломбардскіе и ладино-венетскіе. Меня главнымъ образомъ занимало изслѣдованіе особенностей фурланскаго нарѣчія, такъ какъ именно Фурланы являются ближайшими сосѣдями той части Славянъ, изученіемъ языка которыхъ я преимущественно занимался, и, стало-быть, вслѣдствіе этого сосѣдства должны были и по отношенію къ языку производить значительное вліяніе на только-что упомянутыхъ Славянъ.

Моимъ пребываніемъ въ Миланѣ я воспользовался для того, чтобы довольно основательно ознакомиться съ миланскимъ говоромъ, на которомъ говоритъ не только мѣстное „простонародіе", но даже самые высшіе классы миланскаго общества. Съ этою цѣлью я бралъ частные уроки и читалъ сочиненія знаменитаго миланскаго поэта, Карла Порты (Carlo Porta).

Изъ моихъ самостоятельныхъ трудовъ, составленныхъ въ Миланѣ, я могу указать на довольно подробный разборъ книги Шлейхера „Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprache", приготовленный мною для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" (¹). Кромѣ того я продолжалъ заниматься обработкою и упорядочиваніемъ собранныхъ мною матеріаловъ по части словенскихъ говоровъ.

Въ самомъ началѣ мая я возвратился въ Горицу, съ цѣлью пополнить свои свѣдѣнія объ особенностяхъ говоровъ, свойственныхъ словенскому народонаселенію, проживающему въ такъ называемыхъ Бердахъ, на сѣверо-западъ отъ Горицы; и затѣмъ, я уѣхалъ въ Удине (Udine,—по словенски *Видемъ*), чтобы, по окончаніи моего отчета и нѣкоторыхъ приготовительныхъ работъ, отправиться къ Венеціанскимъ Словенцамъ (Словинамъ) и въ Резію, которую я хочу изучить подробно во всѣхъ отношеніяхъ.

При упорядочиваніи и обработкѣ собранныхъ мною діалектическихъ матеріаловъ я придерживаюсь слѣдующаго метода:

Прежде всего я намѣренъ представить и охарактеризовать отдѣльные діалектическіе индивидуумы, то есть, отдѣльные говоры, на сколько они отличаются отъ другихъ говоровъ достаточно рѣзкими, опредѣленными чертами. Эта задача облегчена въ значительной степени тѣмъ, что именно словенскіе говоры рѣзко отличаются другъ отъ друга, и провести границу между однимъ и другимъ говоромъ не представляетъ почти никакого затрудненія. Выдѣливъ и обособивъ такимъ образомъ любой говоръ, я принимаюсь за его характеристику, какъ отдѣльнаго языковаго цѣлаго. Основаніемъ для подобной характеристики служитъ полный

(¹) Эта статья напечатана въ августовской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Просв. за 1873 г.

Примѣч. автора 1876 г.

словарь всѣхъ записанныхъ мною словъ этого говора. Затѣмъ, изъ этого словаря я выписываю, по категоріямъ, тѣ слова, формы и обороты, которые служатъ примѣрами характеристическихъ чертъ даннаго говора, какъ въ фонетическомъ, такъ же точно въ морфологическомъ и синтаксическомъ отношеніи.

Вездѣ, какъ въ фонетикѣ, такъ же точно въ морфологіи и синтаксисѣ, я отдѣляю тѣ свойства говора, которыя общи ему со всею семьей словенскихъ говоровъ, отъ свойствъ, составляющихъ его исключительную принадлежность или, по крайней мѣрѣ, общихъ ему только съ нѣкоторыми другими словéнскими говорами. Сумма этихъ послѣднихъ свойствъ рѣшаетъ именно индивидуальность говора. Къ этимъ двумъ частямъ я прибавляю третью, посвященную спеціальной діалектологіи въ области самого же говора, то есть, подробному раздѣленію его на болѣе мелкіе діалектическіе оттѣнки.

Какъ образецъ моихъ занятій въ этомъ направленіи я прилагаю здѣсь извлеченіе изъ фонетики бохинско-посавскаго говора.

БОХИНСКО-ПОСАВСКІЙ ГОВОРЪ.

§ 1. Бохинско-посавскій говоръ (bohinjsko-posavski dijalekt) живетъ на всемъ протяженіи Бохинской Савы (Wocheiner Sau) отъ ея источниковъ (Савица, Бохинское озеро) до ея сліянія съ Долинской Савой (Wurzner Sau) вблизи Радольцы (Radmannsdorf), откуда обѣ онѣ продолжаютъ общее теченіе подъ общимъ же, конечно, именемъ Савы (Sau). На этомъ говорѣ говоритъ населеніе славящихся своими прелестями окрестностей двухъ озеръ, Бохинскаго (Wocheiner See) и Бледскаго (Veldes See). Съ сѣвера, запада и юга область этого говора отрѣзана отъ своихъ математически ближайшихъ сосѣдей очень высокими горами и возвышенными плоскостями, такъ что взаимное сообщеніе здѣсь крайне затруднено. На сѣверѣ возвышенныя плоскости (planine, Alpen), разстилающіяся у подножья горъ Триглава и Кермы (Kerma), отдѣляютъ область бохинско-посавскаго говора отъ говора долино-посавскаго, на которомъ говоритъ населеніе, живущее на берегахъ Долинской Савы (Wurzner Sau) и Радовны (Rothwein). На западъ почти непроходимыя горы составляютъ какъ будтобы стѣну между нашимъ говоромъ и совершенно отъ него отличающимися говорами, трентско-бовскимъ, каборидскимъ и толиминскимъ (тминскимъ). На югѣ же горы немножко пониже и доступнѣе, но все таки нужно употребить по крайней мѣрѣ три часа, чтобы отъ послѣдней деревни въ Бохинской долинѣ добраться пѣшкомъ до первыхъ хижинъ на противоположной сторонѣ Бачи или же Черной персти, гдѣ вездѣ живутъ ословенившіеся потомки нѣмецкихъ колонистовъ, говорящіе на онѣмеченныхъ словенскихъ говорахъ.—И такъ, мы видимъ что діалектическая граница вполнѣ совпадаетъ здѣсь съ границею географической. Кромѣ того, она на значитель-

номъ протяженіи совпадаетъ тоже съ границею политической, такъ какъ Бохинская долина есть крайній обитаемый пунктъ Крайны, между тѣмъ какъ граничащія съ нею на западъ и югъ мѣстности принадлежатъ къ Горицкой провинціи.—На сѣверовостокъ бохинско-посавскій говоръ простирается до цѣпи горъ, раздѣляющей Крайну отъ Хорутаніи, такъ что здѣсь опять совпадаютъ границы политическая, географическая и діалектическая. Только на весьма незначительномъ пространствѣ своей сѣверо-восточной границы нашъ говоръ соприкасается непосредственно съ говоромъ долино-посавскимъ, гдѣ границею между ними являются рѣчки Радовна (Rothwein) и Заворница (Savorsnitz), впадающія въ Долинскую Саву. Только деревня Моста по ту сторону Заворницы принадлежитъ еще къ бохинско-посавскому говору, между тѣмъ какъ первую же деревню по ту сторону Радовны, деревню Добрава, слѣдуетъ причислить уже къ говору долино-посавскому. Въ юго-восточной сторонѣ области нашего говора нѣтъ никакихъ большихъ горъ и возвышенностей, и онъ соприкасается здѣсь непосредственно съ другими такъ называемыми верхнекрайнскими (gorenjskimi, oberkrainerisch) говорами.

Изъ всего выше сказаннаго явствуетъ, что въ составъ бохинско-посавскаго говора входятъ прежде всего всѣ села, деревни и поселенія, расположенныя въ Бохинской долинѣ и на покатостяхъ (склонахъ горъ, отлогостяхъ), составляющихъ переходъ отъ этой долины къ граничащей съ нею возвышенной плоскости; затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя хижины, разбросанныя именно на этой возвышенной плоскости (почти 3000 футовъ надъ поверхностью моря), и извѣстныя подъ собирательными названіями Копривника, Горьюшъ и Сламниковъ. У выхода изъ Бохинской долины мы встрѣчаемъ послѣднюю деревню, причисляемую еще къ Бохиню, то-есть, деревню Номень, и затѣмъ, слѣдуя теченію Бохинской Савы по весьма узкой долинѣ, мы на довольно значительномъ, по крайней мѣрѣ 15-верстовомъ, разстояніи не встрѣчаемъ ни одной деревушки, пока, наконецъ, не дойдемъ до большой деревни, Бохинской Бѣлы, откуда опять отправляемся въ разныя деревни, лежащія у Бледскаго озера и извѣстныя подъ общимъ именемъ Бледа (Veldes). На лѣво отъ Бледа, въ углу, образуемомъ рѣками Долинской Савой и Радовной, лежатъ нѣсколько деревень, называемыхъ

вообще деревнями горьянскими; на право же, въ углу, образуемомъ обѣими Савами, Бохинской и Долинской, двѣ-три деревушки, принадлежащія, по отношенію къ языку, къ бледскому оттѣнку бохинско-посавскаго говора. — Всѣ, до сихъ поръ исчисленныя, мѣстности находятся на правомъ берегу Долинской Савы. На лѣвой сторонѣ этой рѣки къ бохинско-посавскому говору принадлежитъ еще какихъ-нибудь 15—20 селъ, деревень, деревушекъ и поселеній. Всего на всего на долю нашего говора приходится около 50—55 населенныхъ мѣстностей.

§ 2. Прежде чѣмъ начать характеристику фонетическихъ особенностей этого говора, я долженъ представить здѣсь таблицу сокращеній и буквъ, мною употребляемыхъ (1).

1) Сокращенія названій отдѣльныхъ мѣстностей или же собирательныхъ названій разныхъ оттѣнковъ бохинско-посавскаго говора:

Begn.—Бѣгни (Begnje, Vigaun); деревня на лѣвомъ берегу Долинской Савы;

Bel.—Бохинская Бѣла (Bohinjska Bela, Wocheiner Vellach), деревня на пути изъ Бледа въ Бохинь;

Bist.—Быстрицкій говоръ, употребляемый въ селѣ Быстрицѣ и деревнѣ На Равныхъ;

Bistr. — село Быстрица (Bistrica, Feistritz), главная мѣстность Бохиня;

Bitn.—Битни (Bitnje, Vittnach), деревня въ Бохинѣ;

Bl.—Бледскій говоръ, употребляемый вблизи Бледскаго озера;

Bled.—Бледъ (Bled, Veldes), собирательное названіе для всѣхъ деревень, лежащихъ у Бледскаго озера;

Boh.—Бохинь (Bohinj, Wochein), собирательное названіе для всѣхъ деревень Бохинской долины, отъ Бохинскаго озера до Номеня включительно;

Brod.—дер. Бродъ въ Бохинѣ;

Buk.—Буковскій говоръ, употребляемый жителями бохинскихъ деревень, расположенныхъ надъ Бохинской Савой, отъ озера до Брода включительно;

---

(1) Для упрощенія и облегченія корректуры, при печатаніи я похѣрилъ всѣ эти сократительныя сочетанія буквъ въ самомъ текстѣ этого разсужденія. Равнымъ образомъ я старался приводимыя мною бохинско-посавскія слова ограничить по возможности меньшимъ числомъ (minimum).

Примѣч. автора въ 1876 году.

Češ.—дер. Чешенца (Češenca, Kirschdorf) въ Бохинѣ;

Gor.—Горьянскій говоръ, на сѣверѣ отъ Бледа, между Долинской Савой и Радовной;

Gorj.—дер. Горьюше, расположенная на возвышенной плоскости на сѣверъ отъ Бохинской Савы и на сѣверо-востокъ отъ Бохиня;

Gr.—дер. Бледскій градъ (Grad, Veldes), центръ Бледа;

Hr.—дер. Храше (Hraše, Hruschach) на лѣвомъ берегу Долинской Савы;

Jir.—дер. Ирека (Jireka) между Чешенцей и Копривникомъ;

Kopr.—Копривникъ (Koprivnik), собирательное названіе для многочисленныхъ хижинъ, разбросанныхъ на возвышенной плоскости между Горьюшами и Бохинемъ;

Ml.—дер. Млино (Mlino, Seebach) у Бледскаго озера;

NBoh.—Номенско - Бохинскій оттѣнокъ бохинско-посавскаго говора (главныя деревни: Номень, Битни и Нѣмецкій Ротъ);

Nom.—дер. Номень (Nomenj, Neuming);

NRot.—дер. Нѣмецкій Ротъ (Nemšk Rout, Deutschgereuth) въ Бохинѣ;

Plan.—Планинскій говоръ, употребляемый на возвышенной плоскости (Копривникъ, Горьюше) и на покатости, ведущей отъ этой возвышенной плоскости въ Бохинь (Подъелье, Ирека, Чешенца);

Podj.—дер. Подъелье (Podjelje) на сѣверѣ отъ Иреки;

Pol.—дер. На Поляхъ (Na Poljeh, Feld) въ Бохинѣ;

Polš.—дер. Польшица (Polšica, Pogetschitz), принадлежащая къ циклу горьянскихъ деревень, на сѣверѣ отъ Бледа;

RLaz.—Рыбчевъ Лазъ (Ribčev Laz), двѣ-три хижины у Бохинскаго озера;

Rovn.—дер. На Равныхъ (Na Ravnéh) близъ Бохинской Быстрицы;

Smok.—дер. Смокучь (Smokuč) на лѣвомъ берегу Долинской Савы;

Srw.—дер. Средняя весь (Srednja vas, Mitterdorf), прежде Стара фара въ Бохинѣ;

Sted.—дер. Стодоръ (Stedor, Studorf) въ Бохинѣ;

Stf.—старофарскій говоръ, заключающій въ себѣ дер. Среднюю весь, Стодоръ и Старую Фужину;

Stfr.—дер. Старая Фужина (Stara Fržina, Althammer) въ близи Бохинскаго озера;

Str.—Странскій говоръ, свойственный жителямъ деревень на лѣвомъ берегу Долинской Савы;

Žel.—дер. Железче (Želeče, Schalkendorf) у Бледскаго озера.

2) Особенныя буквы и знаки принятаго мною научнаго алфавита:

ń—задне-язычный („гортанный") носовой согласный;

h—согласный *x* (ch);

v—чистый согласный зубно-губной v (в);

w—исключительно губной согласный (средній между u и v), выражаемый въ англійскомъ правописаніи именно этою буквой, w;

ł—чистый твердый согласный *л* (по русско-польскому произношенію);

š, ž, č—ш, ж, ч;

ś, ź, ć—средніе между звуками š, ž, č и непосредственно мягкими ś, ź, ć, почти однозвучные съ польскими ś, ź, ć;

ϑ (греческое theta)—придувной согласный звукъ, выражаемый въ англійскомъ правописаніи сочетаніемъ буквъ th, въ новогреческомъ же именно съ помощью ϑ (theta);

δ (греческое delta)—соотвѣтствующій предшествующему звонкій согласный того же органа (звукъ англійскаго th (dh) въ нѣкоторыхъ словахъ);

φ (греческое phi)—чисто губное f;

ъ—полугласный, средній, въ качественномъ отношеніи, между o и u (y);

ь—полугласный, средній, въ качественномъ отношеніи, между e и i;

å—звукъ гласный, средній между a и o, но гораздо ближе подходящій къ a, нежели къ o;

ω—гласный, средній между a и o;

ɷ—гласный, средній между o и u (y);

ů—гласный, тоже средній между o и u, но ближе подходящій къ u, нежели къ o;

ä—гласный, средній между a и e, но ближе подходящій къ a, нежели къ e;

æ—гласный, средній между a и e;

ϵ—гласный, средній между e и i;

iᵉ—гласный, тоже средній между e и і, но ближе подходящій къ і, нежели къ e;

ʹ надъ начертаніемъ согласнаго обозначаетъ непереходное (непосредственное) смягченіе соотвѣтствующаго согласнаго (ń, tʹ и т. п.);

ʹ же надъ знакомъ гласнаго обозначаетъ полное удареніе гласнаго средней долготы, напр. á, é, ú и т. п.;

¯ʹ надъ знакомъ гласнаго обозначаетъ полное удареніе долгаго гласнаго, напр., āʹ, ūʹ, ēʹ и т. п.;

¯ надъ начертаніемъ гласнаго обозначаетъ его долготу, но безъ ударенія, напр., ū, ā и т. п.;

˘ надъ знакомъ гласнаго обозначаетъ его полугласность, то-есть, при неизмѣненномъ растворѣ рта, по возможности краткое его произношеніе, но безъ ударенія, напримѣръ, ă, ŭ и т. п. (для полугласныхъ, среднихъ качественно между o и u и между e и і, я употребляю простыя начертанія ъ и ь);

ˋ надъ начертаніемъ гласнаго обозначаетъ усѣченное удареніе, то-есть, произношеніе полугласнаго (въ количественномъ отношеніи) съ удареніемъ;

^ надъ знакомъ гласнаго обозначаетъ долгій гласный, ударенный въ началѣ и неударенный въ концѣ, такъ что онъ кажется соединеніемъ двухъ гласныхъ, тожественныхъ качественно, но различныхъ по отношенію къ напряженію (своего рода дифтонгомъ) (это такъ называемый accentus circumflexus, ˜, Грековъ).

Дифтонги выражаются у меня сопоставленіемъ начертаній, обозначающихъ два крайніе раствора рта дифтонга.

Маленькое начертаніе гласнаго, поставленное надъ строкой между начертаніями двухъ согласныхъ, обозначаетъ количественное minimum гласнаго, то-есть, продолжительность гласнаго, среднюю между исчезновеніемъ и полугласностью, напримѣръ, tᵇmá и т. п.

Такое же маленькое начертаніе гласнаго, поставленное рядомъ съ начертаніемъ другаго гласнаго обыкновенной величины, обозначаетъ вмѣстѣ съ нимъ дифтонгъ, одна часть котораго гораздо короче другой и почти, такъ-сказать, поглощается ею, напримѣръ, ⁱe, oᵘ, ᵘo и т. п.

Подобное же назначеніе выраженія *minimum* звука имѣютъ маленькія начертанія согласныхъ, напр., ʷo, zᵈa и т. п.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ФОНЕТИКИ БОХИНСКО-ПОСАВСКАГО ГОВОРА.

А. Фонетическія свойства, общія всѣмъ словенскимъ говорамъ, составляющія отличительныя, характеристическія черты словенскаго языка вообще.

I. Согласные.

§ 3. 1. Какъ во всѣхъ вообще словенскихъ говорахъ, такъ и въ бохинско-посавскомъ первично-славянскому сочетанію dj соотвѣтствуетъ согласный j. Такъ напримѣръ, рядомъ съ стсл. межда, серб. међа, рус. межа, поль. miedza, чеш. míze и т. д., мы встрѣчаемъ здѣсь méja; точно также préja, rójen- р. съ стсл. пражда, рожденъ, серб. пређа, рођен, рус. пряжа, *рожен-, поль. przędza, rodzen-, чеш. příze, rozen и т. д.

2. Первичное южно-славянское сочетаніе согласныхъ vł-(вл-) замѣнено на всемъ пространствѣ, занимаемомъ Словенцами, простымъ согласнымъ ł или же его законными представителями. Такъ и въ нашемъ говорѣ, стсл.-у власъ, влахъ, русск.-у волос, волох, поль. włos, włoch и т. д. соотвѣтствуютъ wás, wáh и т. д. или же lás, láh и т. д. (ср. бохинско-посавскія соотвѣтствія первичному славянскому ł (л), § 29).

3. *Примѣчаніе.* Формы jédu (ѣлъ), mjétu (мелъ), ubódu (боднулъ), cúdu (цвѣлъ), krádu (кралъ), pádu (палъ), kwádu (клалъ) р. съ kwáu (клалъ), pádwa (пала), krádwa (крала), je mjétwa (помела), kwáls (клали) и т. д. ставятъ, по видимому, этотъ говоръ въ противорѣчіе съ тѣмъ общимъ свойствомъ всѣхъ южныхъ и восточныхъ нарѣчій славянскихъ, что первично-славянское dł (дл) перешло въ нихъ въ простое ł (л). Но это только по видимому, такъ какъ приведенныя формы суть формы вторичныя, аналогическія, развившіеся на спеціальной почвѣ нашего говора и многихъ другихъ говоровъ словенскихъ.

II. Удареніе.

§ 4. Большинства явленій въ области гласныхъ (и отчасти даже согласныхъ) словенскихъ говоровъ нельзя понять, не принимая во вниманіе свойственныхъ имъ удареній. Можно смѣло сказать, что почти всѣ отношенія глас-

ныхъ въ словенскихъ говорахъ основаны на противоположности гласныхъ (и, слѣдовательно, слоговъ) ударенныхъ и неударенныхъ, полноударенныхъ и усѣченно-ударенныхъ (1).

И такъ, во всѣхъ словенскихъ говорахъ замѣчается стремленіе къ пространственному съуженію, временному удлиненію и дифтонгаціи гласныхъ полноударенныхъ, и, наоборотъ, къ пространственному расширенію, временному сокращенію и полугласности гласныхъ неударенныхъ и усѣченно-ударенныхъ. Чтó касается этихъ послѣднихъ (усѣченно-ударенныхъ), иногда трудно рѣшить, полугласность-ли ихъ вызвана усѣченнымъ удареніемъ, или же, наоборотъ, обусловлена-ли усѣченность ихъ ударенія ихъ полугласностью.

Всѣ эти свойства словенскихъ говоровъ замѣтны тоже и въ бохинско-посавскомъ; хотя, съ другой стороны, стремленіе, напримѣръ, къ съуженію полноударенныхъ гласныхъ въ немъ ощутительно гораздо менѣе, нежели во многихъ другихъ, въ особенности же штирскихъ, нижне-крайнскихъ и красскихъ, говорахъ.—Чтобы не повторять два раза одного и того же, я не стану приводить здѣсь примѣровъ, и указываю на тѣ отдѣлы моего очерка, гдѣ говорится объ удареніи бохинско-посавскаго говора вообще и о свойственныхъ ему измѣненіяхъ гласныхъ неударенныхъ въ различіи отъ усѣченно-ударенныхъ и полно-ударенныхъ (§§ 8—19, 73—76).

§ 5. Такъ какъ неударенные и усѣченно-ударенные гласные подверглись количественному, временному сокращенію, то въ словенскихъ говорахъ совершился новый, спеціально-словенскій процессъ развитія вторичныхъ полугласныхъ, совершенно различныхъ отъ тѣхъ первичныхъ полугласныхъ славянскихъ, историческихъ представителей которыхъ мы видимъ въ старославянскихъ ъ и ь. Этотъ вторичный, спеціально-словенскій процессъ развитія полугласныхъ гораздо всестороннѣе, нежели первичный, общеславянскій; такъ какъ этому послѣднему подверглись только краткія u (у) и i лит-

(1) Въ настоящее время я вовсе не раздѣляю моихъ тогдашнихъ взглядовъ на сущность и многія частныя отношенія крайно-словенскихъ ударенiй. Тѣмъ не менѣе я оставилъ первоначальную редакцію, такъ какъ передѣлка стоила бы мнѣ слишкомъ много времени, и кромѣ того придала бы моему отчету въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно другой, *не подлинный*, видъ. *Примѣч. автора въ 1876 году.*

во-славянской эпохи, развившіеся именно въ полугласные ъ и ь, между тѣмъ какъ вторичный, спеціально-словенскій процессъ захватываетъ всѣ неударенные гласные. Съ другой стороны нельзя не обратить вниманія еще на два важныя различія того и другаго:

1) Первичный, общеславянскій процессъ развитія полугласныхъ основывался на противоположности долгихъ и краткихъ гласныхъ литво-славянскаго періода,—вторичный же, спеціально-словенскій процессъ развитія полугласныхъ основывается на противоположности ударенныхъ и неударенныхъ основнославянскаго и другихъ дословенскихъ періодовъ.

2) Первичному, обще-славянскому (основно-славянскому) процессу развитія полугласныхъ свойственно строгое этимологическое различеніе обоихъ полугласныхъ: ъ развилось только изъ краткаго u и находится въ подъемныхъ, морфологическихъ отношеніяхъ только съ гласными этимологическаго разряда u (у), то-есть, съ y (ы), u (у), ov (ов-), av (ав-) и т. п., ь же развилось исключительно только изъ краткаго i и находится въ морфологическихъ, подъемныхъ отношеніяхъ только съ гласными разряда i, то-есть, i (и), ѣ, a, oj, aj и т. д. Совершенно другое зрѣлище представляютъ намъ вторичные полугласные словенскихъ говоровъ: въ нихъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, смѣшаны безразлично разные гласные, e съ i, a съ e, a съ o, o съ u и т. д., а о сохраненіи опредѣленныхъ, отчетливыхъ морфологическихъ, подъемныхъ отношеній и говорить нечего.

§ 6. Подобное же могущественное вліяніе ударенія, какъ въ словенскихъ говорахъ, мы встрѣчаемъ тоже въ говорахъ великорусскихъ. И здѣсь значительная часть отношеній гласныхъ основана на противоположности ударенія и отсутствія ударенія, и здѣсь удареніе (или, лучше сказать, его отсутствіе) является виновникомъ качественныхъ измѣненій гласныхъ, и здѣсь, наконецъ, всѣ безъ различія неударенные гласные переходятъ въ разрядъ полугласныхъ, и переходятъ въ него смѣшанно, безъ соблюденія предшествующихъ этимологическихъ различій. Однакоже, различіе въ этомъ отношеніи между обѣими группами говоровъ весьма значительно; оно, между прочимъ, сводится къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Въ словенскихъ говорахъ мы рядомъ съ полнымъ удареніемъ встрѣчаемъ удареніе усѣченное, свойственное полугласнымъ, тогда какъ ничего подобнаго нѣтъ въ великорусскомъ, послѣдовательно соединяющемъ удареніе съ полногласностью, неударенность же съ полугласностью.

2) Въ великорусскомъ удареніе предохраняетъ гласный отъ всякихъ качественныхъ измѣненій, которымъ подвергаются только гласные безъ ударенія; въ словенскомъ же какъ съ ударенностью, такъ и съ неударенностью связаны соотвѣтственныя качественныя измѣненія, впрочемъ совершенно противоположнаго свойства.

3) Великорусскіе говоры сохранили почти неприкосновеннымъ первобытное славянское удареніе, на сколько, конечно, этому не мѣшали разные вторичные процессы, какъ-то разныя вторичныя сокращенія и связанныя съ ними замѣнительныя растяженія, дѣйствія аналогіи, и т. д.; тогда какъ говоры словенскіе находятся въ періодѣ смѣшенія удареній и развитія новыхъ стремленій, иногда діаметрально противоположныхъ основно-славянскимъ стремленіямъ. Между отдѣльными словенскими говорами мы видимъ въ этомъ отношеніи значительныя различія: одни изъ нихъ довольно близки къ старому общеславянскому состоянію, другіе же представляютъ по преимуществу совершенно новыя явленія. Бохинско-посавскій говоръ принадлежитъ къ говорамъ, довольно вѣрно сохранившимъ древнее состояніе.

4) Необходимымъ слѣдствіемъ противоположныхъ качественныхъ измѣненій ударенныхъ и неударенныхъ гласныхъ является въ словенскихъ говорахъ почти полная потеря чутья этимологической общности тѣхъ и другихъ. Вслѣдствіе сего только что названное появленіе вторичнаго ударенія на прежде неударенномъ слогѣ (см. 3) вызываетъ въ словенскихъ говорахъ появленіе другихъ, въ качественномъ отношеніи, гласныхъ, нежели тожественные съ ними этимологически гласные, сохранившіе первичное общеславянское удареніе. Такъ напримѣръ, если основно-славянское ѣ или же е, сохраняя первичное удареніе, развивается въ гласный, средній между е и і, или же въ какой-нибудь дифтонгъ, напримѣръ, ѣ въ éі, е въ іé и т. п., то полугласный (ь, ё и т. п.), развившійся изъ тѣхъ же гласныхъ ѣ или же е, но только неударенныхъ,—получивъ, вслѣдствіе вторичнаго процесса, удареніе, или сохраняетъ свою полугласность, обу-

ѐловливая этимъ усѣченность ударенія (ь̀, ѐ), или же, если съ измѣненіемъ ударенія связано тоже своего рода замѣнительное или же морфологическое растяженіе, принимаетъ видъ гласнаго болѣе широкаго, напр., é или же ǽ (1).— Между тѣмъ въ великорусскомъ, при живомъ чутьѣ соотвѣтствія и морфологическихъ отношеній гласныхъ ударенныхъ и неударенныхъ, и при качественной опредѣленности звука ударенныхъ гласныхъ, вторичное удареніе вызываетъ появленіе основнаго гласнаго; такъ напримѣръ, вторичное удареніе, появляющееся на полугласномъ, среднемъ качественно между о и а, и развившемся изъ неударенпаго о, измѣняетъ его въ чистое, опредѣленное о.

Изъ всего этого видно, что, хотя словенская и великорусская группы славянскихъ говоровъ отличаются между остальными славянскими именно преобладающимъ вліяніемъ ударенія на отношенія гласныхъ, все же таки они совершенно расходятся въ подробностяхъ этого вліянія и связанныхъ съ нимъ явленій: гласные словенскихъ говоровъ подверглись гораздо болѣе значительнымъ измѣненіямъ вслѣдствіе вліянія ударенія, которое опять съ своей стороны отошло отъ основно-славянскаго состоянія; въ велико-русскомъ же и вліяніе ударенія произвело гораздо меньшія перемѣны въ составѣ гласныхъ языка, и само же удареніе осталось вѣрнѣе древнему, праславянскому состоянію.

III. Гласные.

§ 7. 1. Благодаря особеннымъ отношеніямъ ударенія, разнымъ степенямъ сокращеній гласныхъ на пути къ minimum и къ исчезновенію, и, что̀ съ этимъ въ связи, благодаря основной полугласности неударенныхъ гласныхъ и т. д., мы находимъ во всѣхъ словенскихъ говорахъ 8 слѣдующихъ количественныхъ оттѣнковъ (степеней) одного и того же, въ качественномъ отношеніи, гласнаго (2):

ᵃ, ă, ȁ, a, á, ā́, â.

(a служить здѣсь общимъ знакомъ для всѣхъ качественныхъ оттѣнковъ гласныхъ).

---

(1) Эти толкованія не выдерживаютъ критики.
Примѣчаніе автора въ 1876 году.

(2) И эти нижеслѣдующія соображенія далеко не точны.
Примѣч. автора въ 1876 году.

Если же къ этимъ 8 количественнымъ степенямъ гласнаго прибавить еще разные дифтонги, въ составъ которыхъ онъ входитъ, то число степеней окажется гораздо больше.

2. Выше я замѣтилъ, что неударенные гласные перешли въ словенскихъ говорахъ въ полугласные и смѣшались между собою. Эти смѣшенія развились въ каждомъ говорѣ болѣе или менѣе своеобразно, но все таки общій типъ ихъ во всѣхъ одинъ и тотъ же. Стало быть, представленіе этихъ смѣшеній подходитъ именно къ настоящему отдѣлу моего очерка фонетики бохинско-посавскаго говора, то-есть, къ отдѣлу свойствъ, общихъ ему со всѣми остальными говорами словенскими. Чтобы дать понятіе объ этихъ смѣшеніяхъ въ нашемъ говорѣ, я представлю по очереди бохинско-посавскія соотвѣтствія старославянскимъ гласнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда заключающіе ихъ слоги являются неударенными. И такъ:

§ 8. 1) Неударенному а (а) соотвѣтствуютъ:

а) передъ ударённымъ слогомъ:

a: rasé (ростетъ), nardí (сдѣлаетъ), s pwanín (съ полонинъ, съ альпъ) и т. д.;

звукъ, средній между a и o или даже o: kokó (какъ), tokó (такъ), Sovíca (рѣка Савица) и т. д.;

въ соединеніи съ предшествующимъ r или же j, или же съ слѣдующимъ j, звукъ средній между a и e: to ńí nьč strähú (въ этомъ нѣтъ вовсе страха), fräncós (французъ), räzwъčíts (разлучить), präšíu sæ m jæ′ (мнѣ порошилось), gräšína (градъ, помѣщичій домъ) и т. д.; jälíca (яловица), jäsén (ясень) и т. д.; näjlúb moj môš (мой милѣйшій мужъ) и т. д.;

б) послѣ ударённаго слога:

a: kráwa (корова), káusa (зобаетъ), pьr ríbah (при рыбахъ) и т. д.;

гласный, средній между a и o: pútω (кокошь), čístω (чистая), z rájω (изъ рая) и т. д.;

гласный, средній между a и e: ŭčéräj (вчера), w`ъndär (однакоже), kowórät (веретено) и т. д.

Итакъ, мы видимъ, что, вслѣдствіе перехода въ звукъ, средній между a и o, неударенное a смѣшивается съ неудареннымъ o, переходя же въ звукъ, средній между a и e, оно смѣшивается съ неудареннымъ e.

§ 9. 2) Смѣшеніе неударенн наго о съ неударенным ą (ж) слѣдуетъ, па сколько мнѣ кажется, принять основнымъ для всѣхъ словенскихъ говоровъ. Этимъ звукамъ въ бохинско-посавскомъ говорѣ соотвѣтствуютъ:

а) передъ ударенн ымъ слогомъ:

o: wodá (вода) и т. п.;

kosíwo (завтракъ), robá (скалы, gen. s.) и т. п.;

полугласный звукъ ъ, средній между o и u (у): wъdá (вода), prъsó (просо), kъpíta (копыта), kъlésa (колеса), u sъbótъh (по субботамъ) и т. п.; pъdæ'm, pъdemó, pъdewá, pъdestá, pъdestæ', pъdejó (пойду, пойдемъ, пойдемъ мы два, пойдете вы два, пойдете, пойдутъ) р. съ повелит. pojdè, powá, pomó (пойди, пойдемъ мы два, пойдемъ), ъtrók (utrók) (дѣтей) и т. д.; rъčé (руки), gъsí (гуси), gъsják (gǒsják, гусенокъ) р. съ gosjáčě (гусята) и т. д.;

a: adь'n, aná, anó (одинъ, одна, одно), adnájst Bl. (одиннадцать), od Garjůš (отъ Горьюшъ) и т. п.;

исчезновеніе: bdæ'm (пойду), tčæ' (толчетъ), mlék sæ mzæ' (молоко доится, *молзется) (ср. соотвѣтствія стсл.-имъ лъ, ъл, § 71) и т. д.;

б) послѣ ударенн наго слога:

o, ǒ: kosíwo (завтракъ), nǎ'rbǒl (наилучше) и т. д.;

gwáwo (голову), bjéwo kóžo (бѣлую кожу), róko (руку) и т. д.;

a: pod grádam (подъ замкомъ), s pájkam (съ паукомъ), и вообще во всѣхъ творительныхъ пад. ед. ч. муж. (и средн.) рода, вѣроятно вслѣдствіе вліянія слѣдующаго m [1], и т. д. Ср. тоже выраженіе U' kanco (мѣстность этого имени), замѣну отрицанія ne (не) словечкомъ na (на) и т. д.;

исчезновеніе, являющееся преимущественно въ именит. винит. пад. существительныхъ средняго рода, которыя такимъ образомъ вполнѣ сливаются съ существительными мужескаго рода, напримѣръ, djéu (дѣло, работа), písьm (письмо), mlék (молоко), an lét (одно лѣто, одинъ годъ), žít (жито, хлѣбъ) и т. д.

---

[1] Это а въ творит. пад. развилось не изъ о, но изъ ъ (ср. прим. къ § 11). *Примѣч. автора въ 1876 г.*

Это находится въ связи съ постепенною затратой особыхъ формъ для существительныхъ средняго р., въ пользу отчасти мужескаго, отчасти же женскаго рода.

Исчезновеніе неудареннаго ą (ж) мы видимъ, напримѣръ, въ словѣ pajk (паукъ) и т. п.; pte (будете): čé pte końa prædáłь (если продадите лошадь,—собств. *будете продали) и т. п.

Итакъ, переходя въ а, неударенное о смѣшивается съ неудареннымъ а, переходя же въ ъ, оно смѣшивается съ неудареннымъ u (у).

§ 10. 3) Въ неударенномъ е слились безразлично 3 гласные звука: неударенное е, неударенное ѣ и, наконецъ, неударенное ę (ѧ). Этимъ тремъ звукамъ, слившимся въ словенскихъ говорахъ въ одинъ, въ бохинско-посавскомъ говорѣ соотвѣтствуютъ:

а) передъ ударенныъ слогомъ:

е, ě: wečérja (ужинъ), wečír (вечеръ) и т. п.; wělík soldátou (много солдатовъ) и т. д.;

obrezъwátě (обрѣзывать) и т. п.; sěngá (снѣга) и т. п.; stá sь zaletíwa (ринулись) и т. п.;

jězíka (языка) и т. п.;

гласный или же полугласный, средній между е и а:

prædíwo (пряжа), græwá (*грядемъ, т. е., идемъ мы два) и т. п.;

гласный или же полугласный, средній между е и і:

mьník (межа, граничное знамя) р. съ mæ'ja (межа, граница), s рьčí (изъ печи, изо скалы) и т. п.;

dьwíca (дѣвица), cьsté (дороги) р. съ césta (дорога), cьpíts (колоть, напр., дрова), z lьsá (lěsá) (изъ лѣсу, изъ дерева), w lьsjénь kámrě (въ деревянной комнатѣ), lьpó (красивое), jьwá, jьmó, jьdó (мы два ѣдимъ, мы ѣдимъ, они ѣдятъ), wsé te jьdí (всѣ эти яствы), bьlák (b'lák) (бѣлокъ въ яйцѣ), lьsníka (родъ груши) и т. п.;

grьdó (gredó) (грядутъ, идутъ), pьté (пяты) р. съ pjéta (пята), mьhkó (мягко), dwję pьtíc (два пятачка) и т. п.;

исчезновеніе: s'nó (snó) (сѣно) р. съ sénam (съ сѣномъ), s'nóžet (лугъ), ž'bé (žьbé) (жеребенокъ), s'čæ'mo (сѣчемъ, косимъ), ščæ'jo (сѣкутъ, косятъ), ščíra (сѣкира), zdí (сидитъ) и т. п.; čpína (черепокъ, голова,—ср., по отношенію къ переходу значенія, романское testa) и т. д.;

narьdí, nardí, nardím, nardít (нарядитъ, наряжу, нарядить, то есть, сдѣлаетъ, сдѣлаю, сдѣлать) и т. п.;

б) послѣ ударенныхъ слоговъ:

звукъ, среднiй между е и а: djétæla (дятлина), od mátæræ (отъ матери), jæst rjéžæm (я рѣжу), ʷóčæm (хочу), tǽčæ (течетъ) и т. п.;

télæ (теленокъ) и т. п.;

звукъ, среднiй между е и i: kámьn (камень), jǽčmьn (ячмень), pótlь, pótlĕ (потомъ), réwьžam (убогимъ, нищимъ) и т. п.;

u pjéščьh Begn. (въ пятницахъ, по пятницамъ) и т. п.;

pámьtna (умная), stá sь zaletíwa u kъ̀p (kòp) (ринулись другъ на друга) и т. п.;

исчезновенiе: zdí na kámno (сидитъ на камнѣ) р. съ kámьn (камень), mórtæ dьnárja dátь (вы можете, то-есть, вы должны дать денегъ) и т. д.; raj (охотнѣе) и т. п.;

ʷórh (орѣхъ) р. съ oréha (орѣха), wjíttĕ (видѣть) и т. п.;

zájc, zäjc, zéc (zæ̀c) (заяцъ) и т. п.

Слово je (есть) обыкновенно лишается гласнаго, въ особенности же передъ начальными гласными слѣдующихъ за нимъ словъ, напримѣръ: pótlĕ jó j pa wъ̀ndăr an soldát končáu (послѣ ее однакожь одинъ солдатъ убилъ), pótle j pa rôko u lъ̀ft ωzígnuwa (послѣ подняла руку въ воздухъ), súkńo, k jó j obôku (платье, которое надѣлъ), sьrcá j hьdóbьnga (у него злое сердце) и т. п.; но рядомъ съ этимъ: je ótu wjíttĕ (хотѣлъ видѣть) и т. п.

Передъ j слово je иногда вовсе не произносится, напримѣръ: pótlĕ jo pá ubódu (потомъ ее прокололь) и т. п.;

§ 11. в) Особеннаго вниманiя заслуживаетъ переходъ неударенннаго е въ а. Такъ, между прочимъ, отрицанiя *не* и *нѣтъ* являются въ словенскихъ говорахъ въ видѣ nă или же na. Вотъ примѣры изъ разбираемаго бохинско-посавскаго говора:

отрицанiе при глаголахъ: na máhaj (не маши), na šprásam (я не шучу), na kadíjo tud nèč (они не курятъ, то-есть, вы не курите тоже ничего), na bóm powjédawa (не скажу), gá na smjé čwóuk jjést (его не смѣетъ человѣкъ ѣсть), káj pa jæ u círklь, kæ̀ p tréba na bwó? (чтó же есть въ церкви, чего не было бы нужно, то-есть, безъ чего можно бы обой-

тись?), na zwóžьm (не сложу), nă bó (не будетъ), kъ b jǽst na mь̀r-u nǽ (еслибъ я не умеръ) и т. п.;

въ сложеніи съ существительными и прилагательными: naródnĕž, da ní pьrpráwьn ćwóuk (непроворный, то-есть, не способный человѣкъ), najewólьn, nawólьn (досадующій), nă-zwjést (невѣрный), nazræćén (несказанно), naćístьn gréh (нечистый грѣхъ); naúmьnga ćowéka (глупаго человѣка), namjírьn swjít (безпокойный свѣтъ), nadóužьn (невинный), u nasrééĕ (въ несчастіи), jæ̀st sьn nasréćьn (я несчастливъ) и т. д.;

Это отрицаніе, выражая *нѣтъ*, произносится съ удареніемъ, благодаря которому гласный равняется качественно не гласному а, но гласному, среднему между а и е: nǽ, nắ; kъ b jǽst na mь̀r-u nǽ и т. п. Но иногда и удареніе не предохраняетъ здѣсь гласнаго отъ измѣненія въ а: al wjéš, ćé sь? práwь: nà! (знаешь ли, гдѣ ты? говоритъ: „нѣтъ“), nā, jæ šú h naúko, u círku, ćé u Féldeš (нѣтъ, онъ пошелъ къ ученію, въ церковь, туда въ Фельдесъ) и т. п.

Этого перехода гласнаго е въ а причиною здѣсь, кажется, сочетаніе съ носовымъ согласнымъ n (н). Ср. тоже, напримѣръ, žǽnă (3 л. ед., гонитъ) и т. п.; съ другой же стороны, творит. пад. ед. ч. муж. и средн. р., гдѣ гласные о и е окончанія измѣняются, вѣроятно вслѣдствіе вліянія слѣдующаго m (м), въ а, напримѣръ: s tém móžam (съ этимъ мужемъ, человѣкомъ) и т. п. (примѣры перехода о въ а въ творит. пад. приведены выше, § 9) (¹).

Впрочемъ, по крайней мѣрѣ въ восточной половинѣ нашего говора, замѣтно стремленіе, всякое неударенное е въ концѣ словъ измѣнять въ а или же хотя бы только въ звукъ, средній между е и а. Сюда слѣдуетъ, напримѣръ, отнести родит. падежи ед. и именит. множ. существительныхъ женскаго рода съ имен. ед. на а, 3 лице ед. ч. наст. вр. глаголовъ съ характеристичнымъ гласнымъ е и т. д.

Переходомъ въ а или же въ звукъ, средній между а и е, неударенное е (е, ę, ѣ) смѣшивается съ неударенным а, переходя же въ звукъ, средній между ẹ и і, оно смѣшивается съ неударенным і и ь.

(¹) Это а въ творит. пад. развилось не изъ о или же е, но изъ ъ или же ь (ср. примѣч. къ § 9). *Прим. автора въ 1876 г.*

§ 12. 4) Неударенное u развилось въ бохинско-посавскомъ говорѣ въ слѣдующіе гласные и полугласные:

а) передъ ударенным слогомъ:

полугласный ъ, средній качественно между u и o: hъdí (худые), hъdó (худо), hъdóbьnga (злаго) р. съ huϑ (злой, худой), kъpjítĕ (купить), kъpъwát (покупать), so kъpjíle (купили), kъpь̀c, kъpcь̀ (купецъ, купцы), po stárem pa kъplínk, za tó, kó je kúpleno (по старому же это называлось kъplínk, потому что куплено), sæ' jæ wsæ' sъkáwo (все вертѣлось), sъhó (сухо), sъší (сухіе), sъšít, sъšítь (сушить) р. съ súh (сухъ, сухой), gъší (глухіе) р. съ gúh (глухъ, глухой), dъhóunĕ (духовные, священники), zgъbjí (потеряетъ), zgъblén (потерянный), šъmétь, šъmjí (шумѣть, шумитъ) и т. п.;

полугласный ĕ: stĕdénc (источникъ), jĕnáka (молодца), jĕníca (jъníca) (молодая корова) и т. д.;

исчезновеніе: sténc (источникъ), kná (куна), čé mæ lä p'stæ' (если только пустите меня), spstí (спуститъ), sæ' mь mdí = ńímam cájta (у меня нѣтъ времени), zak'rítĕ (закурить, затопить въ печкѣ), tlæ' (здѣсь,—изъ: tulé), potlæ'j (потомъ) и т. д.;

б) послѣ ударенныхъ:

ъ: bo hъdó za nájъ (будетъ дурно для насъ двоихъ), k ammó stjéncъ (къ одному источнику) и т. п.;

исчезновеніе: wárhat (сторожить), po mrás hodítĕ (по морозу ходить), sьm réku р. съ sьm rék (я сказалъ) и т. п.

О стремленіи, всякое, какъ ударенное, такъ и неударенное, u въ концѣ слова замѣнять гласнымъ o или же гласнымъ, среднимъ между u и o, я говорю при разборѣ исключительныхъ свойствъ бохинско-посавскаго говора (§ 69).

И такъ мы видимъ, что неударенное u смѣшивается въ своихъ видоизмѣненіяхъ съ неударенным o и съ неударенным ъ.

§ 13. 5) Бохинско-посавскія соотвѣтствія неударенному i, которое въ словенскомъ является безразличнымъ замѣнителемъ общеславянскихъ i и y (ы):

а) передъ ударенным слогомъ:

полугласный ь, средній качественно между i и e: tьší (тихіе) р. съ tíh (тихъ), šьróko (широко), zьdówĕ (стѣны) р.

съ zíϑ (стѣна), tísta jьh jæ pokončáwa (эта ихъ убила), ьz gńízda (изъ гнѣзда), so bьlí (были), dá jo bь kæ'i mógu ubóstě (чтобы ее какъ нибудь могъ проколоть), nьcój (сегодня вечеромъ) и т. д.;

исчезновеніе: s'nóčь (вчера вечеромъ), m'rít (мирить), u wsóčьh goráh (въ высокихъ горахъ), čés to sóko góro (черезъ эту высокую гору), djé, djá (дикій, дикая), djína, tó jæ ta djá žiwáu (дичь, то-есть, дикія животныя) р. съ díwjь (дикіе), díwjæ (дикія), petélin díwjь, púta díwja (дикій пѣтухъ, дикая курица) и т. п.;

б) послѣ ударенныхъ:

ь: wjélьk jézьro (большое озеро), nósьt (supinum: носить); jæ'zьk (языкъ), wjídьm (вижу) и т. п.; sónčnь práh (солнечная пыль) и т. п.;

исчезновеніе: Zâsp (имя одной деревни) и т. п., hódь tjæ' mpa sь'm (ходишь туда и сюда) и т. п., ta mál pь'rst (малый палецъ), po čæ'l ál pa po gwálь (по челу или же по головѣ), pьr čelúst (при челюсти), po nóč -р. съ po nóčě (ночью), čé so welíć (если они велики) р. съ če so májhně (если они малы), tlæ' jě bléšč kræ'j (здѣсь есть бледское мѣсто, Бледъ), ga na pôt sréča (на пути его встрѣчаетъ) р. съ na pótь, só pa ón græšíno dobílь (они получили имѣніе), kokó só ón dobílь grăšíno? (какъ они, то-есть, вы получили имѣніе?), pótle j pьršú h an cérklь (послѣ пришелъ къ одной церкви), h an híše (къ одному дому), mo j nь'č mógwa ustréč (не могла удовлетворить его), k ste u botrín (такъ какъ вы въ кумовствѣ другъ съ другомъ) р. съ s tem sosjédam sta bwá u botrínь (съ этимъ сосѣдомъ онъ состоялъ въ кумовствѣ), dá m boš powjédωu (что ты будешь мнѣ разсказывать), tám hít'r prídæ o podób an kózu (тамъ скоро придетъ съ виду козелъ) и т. д.; májhьn tíčě (малыя птицы), sódьn dán (день страшнаго суда), u tmólæ žákьl (въ этомъ мѣшкѣ), so ræ'kьl (сказали) и т. д.

О стремленіи, замѣнять, какъ ударенный, такъ и неударенный, гласный і въ концѣ словъ гласнымъ е или же среднимъ между і и е, я говорю въ отдѣлѣ отличительныхъ особенностей бохинско-посавскаго говора (§ 70). Измѣненіямъ же, которымъ подвергаются всѣ неударенные гласные въ томъ числѣ и і) въ сочетаніи съ находящимися въ томъ

же слогѣ согласными r, n, l, посвящена тоже особая глава (§§ 22, 23).

Изъ предыдущаго видно, что неударенное і своими видоизмѣненіями смѣшивается съ неударенным е и ь.

§ 14. 6) Измѣненія неударенного ъ:

ъ: bъčéwa (пчела), od dъžjá, рьг dъžjò, dъžújæ (отъ дождя, при дождѣ, дождь идетъ) и т. п.;

a: fútramo žьwjíno s sénam pa za swámo (мы питаемъ скотъ сѣномъ и соломою) и т. п.; takát (тогда);

исчезновеніе: zasujǽ ál pa zaspǽ (засыплетъ), thór, dwa thóra (хорекъ, два хорька) изъ *dъhor- и т. п.

7) Неударенное ь или остается ь, или исчезаетъ, или же, наконецъ, во вторичныхъ формаціяхъ (напримѣръ, отъименныхъ глаголахъ) является въ видѣ а, какъ напримѣръ: sь daňí (день начинается) и т. п.—Ср. тоже wohkà р. съ wóhka (легко) и т. п.

§ 15. 3. Точно также, какъ неударенные гласные, и гласные съ усѣченнымъ удареніемъ представляютъ во всѣхъ словенскихъ говорахъ болѣе или менѣе одинаковыя отношенія, которыя только въ отдѣльныхъ подробностяхъ носятъ на себѣ отпечатокъ діалектической индивидуальности того или же другаго говора. По этому то и разсмотрѣніе усѣченно-ударенныхъ гласныхъ подходитъ болѣе къ этому отдѣлу моего очерка, посвященному тѣмъ свойствамъ бохинско-посавскаго говора, которыя общи ему съ другими говорами, нежели къ отдѣлу, занимающемуся его спеціальными, отличительными чертами.

Усѣченное удареніе является или на послѣднихъ слогахъ многосложныхъ словъ (на сколько мнѣ кажется, почти исключительно какъ вторичное удареніе), или же, по преимуществу, на односложныхъ словахъ (1). Но далеко не всѣмъ односложнымъ словамъ свойственно усѣченное удареніе; такъ напримѣръ, полное удареніе имѣютъ слова král (король), wráh (врагъ, то-есть, чертъ), dráh (дорогой), gráh Bl. (горохъ), odwán (ладонь), náh (нагой) и т. п.

§ 16. Усѣченность ударенія сопряжена почти всегда тоже съ качественнымъ измѣненіемъ гласнаго. Вотъ примѣры:

(1) Этотъ взглядъ на такъ называемое «усѣченное удареніе» не выдерживаетъ критики. *Примѣч. автора въ 1876 г.*

1) Гласный a подъ вліяніемъ усѣченнаго ударенія принимаетъ обыкновенно полугласный звукъ, средній въ качественномъ отношеніи между a и e: ràk (ракъ), bràt, brä̀t (братъ) р. съ brátou (братьевъ), pàč (напротивъ того), čàs (время) р. съ čása (времени), Blàk (городъ Бѣлякъ въ Хорутаніи или Каринтіи, по нѣм. Villach) р. съ родит. B'láka, hræ̀st (дубъ) р. съ hrăstóulă (собраніе дубовъ), kàrf (карпъ) р. съ kárfĕ и т. д.; ræ̀j (рай) и т. д.; даже mrä̀s (морозъ) р. съ od mráza (отъ мороза) и po mrás hodítĕ (по морозу ходить) и т. п.

2) a) Усѣченно-ударенное u (у) развивается въ полугласный ъ или же è: u kъ̀p (kòp) (вмѣстѣ), krъ̀h (хлѣбъ) р. съ kós krúha (кусокъ хлѣба), jъϑ (жидъ), grъnt (grènt) (грунтъ, земля) р. съ родит. grúnta, мѣстн. na grúnto, pènt (pъnt) (бунтъ, мятежъ) р. съ родит. púnta, lъft, lèft (воздухъ) р. съ мѣстн. u lúfto, Matъ̀h, pъr Matúše (фамилія) и т. п.

б) Усѣченно-ударенное o и

в) усѣченно-ударенное ъ являются въ томъ же болѣе или менѣе видѣ, что и усѣченно-ударенное u:

б) ò: bъl, bòl, bèl (лучше, болѣе), od dъ̀l, od wéč cájta (съ давнихъ поръ), dowъ̀l (dowèl) (довольно) и т. п.;

в) ъ: dъ̀š, dь̀š (дождь) р. съ родит. dъžjà, dьžjà и т. п.; wъn, wùn (вонъ) и т. п.

§ 17. 3) Усѣченно-ударенныя i (вмѣщающее въ себѣ общеславянскія i и y (ы)), ь и ѣ подвергаются болѣе или менѣе тожественнымъ измѣненіямъ:

a) ì = ь̀: rьt (задница), nьt (нить) р. съ nítĕ и т. д., tьč (птица) р. съ tíća, nьč (ничто), h nьm (къ нимъ), dьm (дымъ) р. съ od díma (отъ дыма), glьn (глина) р. съ glína, klьn (родъ рыбы) р. съ множ. klínĕ, zádьn štьh (дословно: „послѣдній ударъ“, родъ карточной игры, изъ нѣмецкаго „Stich“) и т. п.; adь̀n (одинъ), dekь̀ĺć (дѣвушка) р. съ родит. deklíća, родит. мн. deklíćou, mьrlь̀č (покойникъ) р. съ имен. множ. mьrlíč, род. ед. mьrlíča, konь̀č (лошадка) р. съ множ. koníčь (лошадки) и т. д.;

ì (изъ y) = ъ̀: mъ̀š (мышь).

б) ь̀ = ь̀, è: mèč (mьč) (мечъ), pès, pьs (собака) р. съ pъs и р. съ родит. psa, имен. мн. psь, psíca (сука) и т. п.; wès (весь) р. съ wъ̀s (вслѣдствіе вліянія согласнаго w) и т. п.

в) ѣ̀ = ь̀: swь̀t (свѣтъ) р. съ ot swéta, prь̀ϑ (прежде), jьϑ (яства, блюдо), žlь̀φ (водосточная труба), s'mь̀n, smь̀n

(ярмарка и церковный праздникъ), brъ'h (берегъ, гора), na tlь'h (мѣст. мн.: на полу, на землѣ) р. съ имен. twá и т. д.

г) Примѣръ усѣченно-ударенпаго замѣнителя общеславянскаго ę (ѧ) мы встрѣчаемъ въ wèč (болѣе) р. съ wéč и т. п., gæ̀r (хвостъ) и т. п.

И такъ, оказывается, что, благодаря усѣченному ударенію, сливаются безразлично въ однихъ и тѣхъ-же усѣченно-ударенныхъ полугласныхъ, съ одной стороны, гласные u (y), o и полугл. ъ, съ другой же стороны, гласные i (изъ i и y (ы), ѣ и полугл. ь.

§ 18. 4. Изъ полноударенныхъ гласныхъ я разберу здѣсь бохинско-посавскихъ замѣнителей общеславянскихъ a, u, i, ь, ъ, такъ какъ эти гласные и полугласные подверглись во всѣхъ словенскихъ говорахъ болѣе или менѣе тожественнымъ измѣненіямъ. Индивидуальность словенскихъ говоровъ въ области полноударенныхъ гласныхъ выражается своеобразными измѣненіями, съ одной стороны, гласныхъ o и ą (ѫ), съ другой же, e, ę (ѧ) и ѣ (1).

1) Представителями полноударенпаго a служатъ въ бохинско-посавскомъ говорѣ слѣдующіе гласные:

á, ā': dáwь (сегодня утромъ), jágoda (ягода, земляника), tráwa (трава), otáwa (отава), kráwa (корова), na tístьmo grádo (на томъ же градѣ, замкѣ), gwáwa (голова), swáma (солома), obwák (туча), ápno, ápьn (известь), májhьn (малый), adnájst (одиннадцать), dwanájst (двѣнадцать), od Gorján (отъ Горьянъ), kozják (козлиный хлѣвъ), máu dьrgáč (немножко иначе) и т. д.;

ώ, ó: h wώm græwa (къ вамъ идемъ мы два), grώf, gróf (графъ) р. съ gráfna (графиня), tónc (танецъ), kókær (какъ), kók, tók (такъ, какъ) — и вообще въ словахъ съ вторичнымъ удареніемъ на замѣнителѣ прежде неударенпаго a, и т. д.;

æ', é: zdæ'i (теперь), næ'j, néj (пусть, въ повелит. накл.) и т. п.; dwæ'jset (двадцать) и т. п.; næ'rbǒl (наилучше, наиболѣе) и т. п.; næ'bъl (наиболѣе), næ'wěč (наиболѣе) и т. д.; zéc (zæ'c) и т. п. (заяцъ) и т. д.; jæ'st (я) и т. д.; jæ'da, jéda, jéda (гречиха) и т. д.; préšč, præ'šьč (поросенокъ) и т. д.

---

(1) Эти положенія не совсѣмъ вѣрны.

Примѣч. автора въ 1876 г.

Итакъ, мы видимъ, что, кромѣ случаевъ вторичнаго ударенія (о чемъ впослѣдствіи), переходъ полноударённаго á въ ώ (звукъ, средній между á и ó) или же въ ó встрѣчается только въ односложныхъ словахъ, изъ которыхъ усвоенныя изъ нѣмецкаго имѣютъ подобный же звукъ уже въ нѣмецкомъ, wóm (вамъ) же получило о вм. а вслѣдствіе вліянія w. Переходъ á въ ǽ или же é обусловливается сосѣдствомъ r или же j, или произносимыхъ по настоящее время, или же хотя бы только произносившихся прежде и затѣмъ исчезнувшихъ.

Какъ переходъ á въ ó, такъ и переходъ á въ é не составляютъ общей принадлежности всѣхъ словенскихъ говоровъ, и поэтому о нихъ слѣдовало бы говорить въ отдѣлѣ спеціальныхъ свойствъ бохинско-посавскаго говора. Но я помѣстилъ ихъ здѣсь, чтобы заразъ представить всѣ видоизмѣненія одного и того же звука, á.

§ 19. 2) Полноударенное u сохраняется въ нашемъ говорѣ неизмѣненнымъ: súkúa (платье), júnc (быкъ), jútre (завтра), júžna (завтракъ), wúža (лужа, грязь), wúna (луна), trúϑ (трудъ), krúha (хлѣба) и т. д.

Во многихъ словенскихъ говорахъ полноударенное u развилось въ ü, то-есть, въ гласный, средній между u и i, похожій на французское u или же на нѣмецкое ü. Поэтому сохраненіе бохинско-посавскимъ говоромъ неизмѣненнаго ú представляетъ не свойство, общее всѣмъ словенскимъ говорамъ, но только сохраненное нѣкоторыми отъ древняго періода, въ противоположность другимъ, его измѣнившимъ.

3) Переходя къ полноударенному i, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, общее всѣмъ словенскимъ говорамъ, полнѣйшее смѣшеніе древняго y (ы) съ i, такъ что, напримѣръ, въ нашемъ говорѣ между bítě, bit (бить) и bítě, bit (быть) нѣтъ ни малѣйшаго различія.

Это полноударенное í, обогатившееся на счетъ исчезнувшаго гласнаго y (ы), сохраняется во всей своей чистотѣ (въ видѣ í или же ī́), какъ во всѣхъ словенскихъ говорахъ вообще, такъ и въ бохинско-посавскомъ въ особенности; напримѣръ: nosjíts (носить), kosjíwo (обѣдъ), lípa (липа), níska góra (низкая гора) и т. п.; plítwa wodà (мелкая вода), metíl (бабочка) и т. п.

Только въ соединеніи съ слѣдующимъ r (р), полноударенное i переходитъ нерѣдко въ гласный, средній между e и i, напримѣръ, ščéra (сѣкира) и т. п.

§ 20. 4) и 5) Отношенія словенскихъ замѣнителей древнеславянскихъ полугласныхъ ъ и ь очень запутаны, и я пока еще не составилъ себѣ о нихъ яснаго понятія. Поэтому и ограничиваюсь приведеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ, безъ всякихъ выводовъ.

4) Замѣнители старославянскаго ъ.

Wáš (ложь) р. съ множ. wžé (лжи) и р. съ ón se wážæ (онъ лжетъ), máh (мохъ) р. съ родит. od mǎhú, и т. п.

5) Соотвѣтствія старославянскому ь:

wás (деревня), táša (теща) и т. д.; dónʼs р. съ dώnʼs (dώn's) (сегодня) и т. д.; cérku, círku (церковь) и т. д.

Итакъ, мы видимъ, что, въ случаяхъ полноударенности, древнеслав. ъ и ь по большей части сливаются въ словенскомъ въ одномъ безразличномъ a.

О замѣнителяхъ ъ и ь съ усѣченнымъ удареніемъ я говорилъ уже на своемъ мѣстѣ (§§ 16, 17).

О переходѣ же полноударенныхъ ȋ и ȗ въ концѣ словъ въ é и ó буду говорить послѣ, разбирая спеціальныя свойства бохинско-посавскаго говора (§§ 69, 70).

§ 21. 5. Къ морфологически-фонетическимъ явленіямъ, общимъ всѣмъ словенскимъ говорамъ, слѣдуетъ причислить слѣдующія окончанія существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ:

1) Твор. пад. ед. ч. муж. и средн. родовъ на -am (см. §§ 9 и 11).

2) Родит. падежъ ед. числа муж. и средн. р. прилагательныхъ на -ga [1].

3) 1 лице множ. ч. глаголовъ на -mo.

IV. Явленія, представляющія результатъ взаимодѣйствія гласныхъ и согласныхъ и, такъ сказать, не касающіяся исключительно ни гласныхъ, ни согласныхъ, но цѣлыхъ слоговъ.

§ 22. 1. *Измѣненія неударенныхъ слоговъ, въ составъ которыхъ входятъ согласные* r, n, l.

---

[1] Это спеціальное серб-словенское окончаніе развилось путемъ аналогіи или уподобленія къ существительному склоненію.

Примѣч. автора въ 1876 г.

Вслѣдствіе вторичнаго процесса развитія спеціально-словенскихъ полугласныхъ, гласные, входяніе въ составъ названныхъ слоговъ, смѣшиваются по большей части въ одномъ безразличномъ полугласномъ ь, и, не смотря на прежнее свое положеніе въ слогѣ, по совершеніи этой перемѣны, предшествуютъ согласному r или же n или же, наконецъ, l. Но иногда приходится слышать слова съ обратнымъ упорядоченіемъ составныхъ элементовъ названныхъ слоговъ: согласный предшествуетъ, гласный же слѣдуетъ за нимъ ([1]).

1) Неударенные слоги съ r принимаютъ по большей части видъ ьr (ьр), иногда тоже rь (рь).

а) Измѣненіе сочетанія ri (ри) въ ьr (ьр) или же rь (рь):

pьršû (пришелъ), pьrwjézan (привязанъ), pьrpoudъwálĕ (разсказывали), kьrwjícæ (обиды), Tьrgwóu (гора Триглавъ) и т. д.; fábьrka (фабрика) и т. д.; prь cesárjo (при императорѣ), prьjéwo (приняло) и т. д.

б) Измѣненіе rě (рѣ) въ ьr (ьр) или же rь (рь):

ьrčíca (мѣстность Рѣчица), ьrsníca, rьsníca (истина), ьrsníčьn, rьsníčna (истинный, истинная), tьrbúha (брюха), sьrdíca (середина, мякишъ) и т. д.; hítьrš (скорѣе) и т. д.

в) Измѣненіе ru (ру) въ ьr (ьр) или же rь (рь):

dьrgáčĕ, dᵇrgáčь, dьrgáč, drьgáčь, drьgáč, drьgák (иначе), drьjé (другіе), stьrpjéna (ядовитая), ьrdéč, rьdéč (красный), čé pa má bjéwo pa rdéčo dwáko (если у него бѣлая и красная шерсть), čé j pa rdéča, jí pa práwьjo r-déčьca (если она красна, ее называютъ *рудячица*—имя коровы), ьrména (желтая) и т. д.;

г) Измѣненіе rъ (ръ) въ ьr (ьр):

dьrwà (дрова), kьrwáu (кровавый) р. съ krí (кровь), и т. д.

([1]) Это взглядъ совершенно невѣрный. «Гласный» (тоническій) элементъ, состоящій въ дрожаніи голосовыхъ связокъ и, кромѣ того, въ извѣстномъ уложеніи полости рта, какъ наставной трубы (Ansatzrohr), произносится въ подобныхъ случаяхъ *одновременно* съ согласнымъ r, n или же l, и никакого особаго, ни предшествующаго, ни слѣдующаго, гласнаго или же «полугласнаго» здѣсь вовсе не имѣется.

Примѣч. автора въ 1876 г.

д) Измѣненіе ra (ра) въ ьr (ьр):

ьrspnǽm, ьrspjéts (распну, распять) р. съ rasрnǽ (распнетъ) и р. съ rãzbjíjæ (разобьетъ), tó sæ j ьrzl'égwo (вотъ раздалось) и т. д.; даже, съ перестановкою (metathesis), zьrbjít (разбить) и т. д. [1].

Подобнымъ-же измѣненіямъ подвергаются усѣченно-ударенные слоги, въ составъ которыхъ входитъ r, напримѣръ, kь'rh, krúha (хлѣбъ) р. съ kr'ъh (ср. выше), ь'rš, r'ьš (рожь).

Съ этимъ можно сравнить измѣненіе древне-славянскаго ь въ полноударенномъ слогѣ и въ сочетаніи съ слѣдующимъ r въ словѣ cérku, ícrku (церковь) и т. п.

§ 23. 2) Измѣненіе неударенныхъ слоговъ съ согласнымъ n (н) въ ьn (ьн):

ьńkól (никогда), léšьńk (орѣхъ), souráž̌ьńka (врагą), uzdígьnts (воздвигнуть, поднять), kráwæ so cь'rkьnlæ (коровы околѣли), dróbьńga, hъdóbьńga, léńga (дробнаго, то-есть, щедущнаго, злаго, лѣниваго) и т. д.; даже ьn dwá, 'n dwá (мы два), ьn dwé, 'n dwé (мы двѣ), изъ mi dwá, mi dwé, и т. п.

3) Измѣненія неударенныхъ слоговъ, въ составѣ которыхъ входитъ согласный l:

а) въ ьĺ или же lь: práwьlca (сказка), ьlšníčnьk (лѣсная яблонь), ьldjé, lьdjé р. съ lъdjé (люди), ьldí, lьdí (людей), lьdém (людямъ) и т. п.; u církьl (въ церкви) и т. п.

б) въ ъl или же lъ: Ъlbl̓ána (Любляна), мѣстн. пад. u Lъbl̓áně, Ъlbъ'l (городъ Леобель, нѣм. Leobl) и т. д.

Сюда можно подвести тоже случай усѣченно-ударенного ъ'l вм. l̀i: so šъ'l (шли) и т. п.

§ 24. 2. *Вліяніе согласнаго* w (замѣняющаго въ нашемъ говорѣ v и ł) и почти однозвучащаго съ нимъ гласнаго u (у), обусловливающее направленіе всѣхъ гласныхъ къ раствору u и ъ.

Это вліяніе обнаруживается такъ или иначе во всѣхъ словенскихъ говорахъ, и поэтому я считаю умѣстнымъ поговорить о немъ подъ рубрикой общихъ свойствъ.

---

[1] Здѣсь rz («ьrz», «rъz») является отраженіемъ не raz, но riz, развившагося подъ вліяніемъ аналогіи предлога iz (изъ) и т. п. и, слѣдовательно, должно быть поставлено подъ а) ri=ьr, rь. Ср. «Опыт фонетики резьянских говоров», § 282.

Примѣч. автора въ 1876 г.

1) Согл. w предшествуетъ гласному:

а) wь и усѣченно-ударенное wѣ (вѣ) измѣняются въ w'ъ: w'ъs (весь), w'ъndär, w'ъndьr (однакожь) и т. п.

б) о подъ вліяніемъ предшествующаго ł (л) развивается въ ú, ū', ł же, измѣнившись въ нашемъ говорѣ въ w, здѣсь исчезаетъ: zwó, zū', zú (очень, весьма) изъ zełó и т. п.

2) Вліяющій согласный или же гласный слѣдуетъ за гласнымъ, подвергающимся вліянію:

а) согласный принадлежитъ къ слѣдующему слогу: sæ m jæ posjilüwa (она мнѣ предложила себя) изъ posílila и т. п.;

б) гласный u (у) обусловливаетъ измѣненіе принадлежащаго къ одному съ нимъ дифтонгу гласнаго і въ о: jóu, jъu (илъ) р. съ род. jíwa, jæ pribóu, prьbóu (прибилъ), dóujĕ, dóuja (дикій, дикая) и т. д.

§ 25. 3. *Вокализація согласныхъ, то-есть, развитіе согласныхъ въ гласные.*

Этому измѣненію подвергаются только согласные ł и v, замѣненные въ нашемъ говорѣ согласнымъ w, и слоги, въ составъ которыхъ входятъ эти согласные. Часть относящихся сюда процессовъ совершается одинаково во всѣхъ словенскихъ говорахъ, остальнымъ же свойственно индивидуальное, особенное развитіе, сообразное съ природою того или же другаго говора. Поэтому я разсмотрю здѣсь только процессы перваго рода, откладывая остальные до отдѣла особенныхъ свойствъ бохинско-посавскаго говора. Стало-быть, оставляя въ сторонѣ своеобразное измѣненіе древнихъ сочетаній łъ, ъł (лъ, ъл) въ серединѣ словъ, вокализацію ударенныхъ конечныхъ слоговъ, въ составъ которыхъ входилъ прежде именно одинъ изъ согласныхъ ł (л) или же v (в), и наконецъ, вокализацію въ серединѣ словъ неударенныхъ слоговъ, состоявшихъ изъ согласнаго v и какого-нибудь гласнаго или же полугласнаго, я ограничусь пока разборомъ вокализаціи неударенныхъ конечныхъ слоговъ и образованіемъ дифтонговъ, какъ въ концѣ, такъ и въ серединѣ словъ, черезъ соединеніе въ одинъ слогъ первичнаго гласнаго съ такимъ именно вторичнымъ гласнымъ, развившимся или изъ согласныхъ v и ł (л) или же изъ цѣлыхъ слоговъ, первый звукъ которыхъ былъ когда-то одинъ изъ согласныхъ: v (в), ł (л) или же l' (мягкое л) (о смѣшеніи твердаго ł съ мягкимъ l я говорю впослѣдствіи, §§ 29—32).

1) Вокализація конечныхъ согласныхъ или же неударенныхъ слоговъ:

а) вокализація v въ u (у):

čèr-u (червь) р. съ родит. čьrwà и т. п.;
предлогъ u, развившійся изъ vъ (въ) и т. п.;

б) вокализація согл. ł или же неудар. слога съ этимъ согласнымъ:

mógu (могъ), wь̀rgu (почти úrgu) (бросилъ) и т. п.;
je póču (лопнулъ), kósū (ѣлъ), ustrášū (испугалъ), jæ cь̀rknu (околѣлъ) и т. п.; kótu (котелъ) р. съ род. kótwa, kózu (козелъ), pósu (посолъ, слуга) и т. п.;
zíbu (колыбель) изъ zíbel' и т. п.

§ 26. 2) *Образованіе дифтонговъ.*

а) въ концѣ словъ и съ удареніемъ:

kráu (kráw) (коровъ), kьrwáu (кровавый) и т. п.;
máu (мало, немножко), h máu (вскорѣ) и т. п.; gnáu (гналъ) и т. п.;
Tьrgwóu, Trigwóu (гора Триглавъ) р. съ ot Trigwáwa, zróu (здоровъ) р. съ zráwo (здорово) и т. п.;
gnώu (гналъ), znώu (зналъ), sæ jæ štьmώu (хвастался), ostóu (остался) и т. п.;
žьwáu (животное) и т. п.;
žώu (жаль) и т. п.
róu (скажи), nóu (новый), strahóu (страховъ), sedwóu (сѣделъ) и вообще всѣ родит. пад. множ. на *-овъ* и т. д.;
góu (голый), wóu (волъ), šóu (школъ) и т. п.;
prьjéu (принялъ), wzjéu (взялъ), bjéu (бѣлый) и т. д.;
jéu, jь́u (ель) р. съ jь́uka (елка) и т. п.;
od níu (отъ нивъ, отъ полей) и т. п.;
bíu (былъ), dobíu (получилъ), pjíu (пилъ) и т. д.; kosíu (обѣдъ) и т. п.

Въ сочетаніи съ предшествующимъ u не можетъ образоваться дифтонгъ, и потому мы встрѣчаемъ, напримѣръ, sьn ssú (s'sú) (я высыпалъ) и т. п.

Въ словѣ prō' (справедливо, ладно) и т. д. отъ прежняго дифтонга осталась только первая его половина, впрочемъ удлиненная, взамѣнъ за исчезновеніе второй.

Изъ предыдущаго видно, что при образованіи дифтонговъ смѣшиваются въ одномъ безразличномъ u (у) неударенныя созвучія, въ составъ которыхъ входитъ v (в), съ созвучіями, составленными изъ твердаго ł (л) и какого-нибудь гласнаго, и наконецъ, съ созвучіями, въ составъ которыхъ входитъ мягкое l′ (л). Другими словами, здѣсь происходитъ полнѣйшее смѣшеніе сочетаній неударенныхъ гласныхъ съ согл. v (в), ł (л) и l′ (ль). Съ этимъ можно сравнить смѣшеніе l съ ł, то-есть, переходъ l въ ł, вслѣдствіе смѣшенія ь съ ъ въ одномъ безразличномъ a, и т. п.

§ 27. Такое же смѣшеніе созвучій съ v, ł и l мы встрѣчаемъ и въ другихъ родахъ дифтонговъ. Итакъ:

б) неударенные дифтонги въ концѣ словъ:

premágau (побѣдилъ), pomágωu (помогалъ), žwízdωu (свисталъ), sé pa zmájωu (пошатнулся), metílou (бабочекъ) и т. п.; —вообще въ родит. пад. множ., въ причастіи прошедшаго времени и т. д.

в) Ударенные дифтонги въ серединѣ словъ:

prā′ut (говорить, разсказывать), zdráut (лечить), dā′uk (пóдать), stā′uwa sta (они два бились объ закладъ, держали пари) и т. п.;

čwóuk (человѣкъ), ńegóuga (его, въ значеніи притяжательномъ) р. съ имен. ńegóu (его), wóus, ówьs (ō′us) (овесъ), родит. óusa, и т. д.;

póᵘnæ, pō′næ (полдень) и т. п.;

bóun (боленъ) и т. д.;

bjéūša (имя коровы, взятое отъ ея бѣлизны), bjéuka (имя овцы) и т. д.;

krī′uga (виноватаго) и т. д.

г) Неударенные дифтонги въ серединѣ словъ:

pьrpoudъwálĕ (разсказывали) и т. п.;

žiuwá (žьuwá), žiutá (žьutá), žьmó (мы два живемъ, вы два живете, мы живемъ) и т. д.

Подобной же вокализаціи, какъ w въ u, подвергается тоже j въ i, и образуетъ съ предшествующими гласными настоящіе дифтоиги, напримѣръ: zdä′i (теперь), nazái (назадъ) и т. п.

6*

B. Фонетическія свойства, сохраненныя отъ древняго состоянія бохинско-посавскимъ говоромъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими говорами, въ противоположность остальнымъ говорамъ, подвергшимся въ этомъ отношеніи разнымъ вторичнымъ измѣненіямъ.

§ 28. **Такъ какъ эти свойства остались ненарушенными только въ нѣкоторыхъ говорахъ, въ другихъ же измѣнились, то ихъ слѣдуетъ причислить къ характеристическимъ чертамъ каждаго говора въ отдѣльности, между прочимъ тоже нашего говора.**

I. Согласные.

1. Бохинско-посавскій говоръ сохранилъ древнее произношеніе согласнаго g (г), какъ мгновеннаго (взрывнаго) звонкаго согласнаго. Это произношеніе свойственно тоже всѣмъ верхне-крайнскимъ, нижне-крайнскимъ и хорутанскимъ говорамъ. Въ говорахъ же Средней Крайны, Горицкой провинціи и итальянскихъ Словенцевъ [1] первобытное славянское g (г) перешло въ придувной (продолжительный) согласный, тожественный съ соотвѣтствующими ему звуками, напримѣръ, въ нарѣчіяхъ малорусскомъ, чешско-словацкомъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія и т. д.

Объ измѣненіи g въ концѣ словъ въ h (х) я говорю въ отдѣлѣ вторично развившихся отличительныхъ свойствъ нашего говора (§§ 51—56).

§ 29. 2. Въ нѣкоторыхъ словенскихъ говорахъ произошло смѣшеніе твердыхъ слоговъ съ мягкими въ области согласныхъ качественнаго характера l (л): какъ твердое ł (л), такъ и мягкое l′ (ль) слились въ этихъ говорахъ въ одномъ безразличномъ среднемъ l. Но этотъ вторичный процессъ ограничивается, на сколько мнѣ извѣстно, кромѣ общаго, литературнаго, впрочемъ далеко не установившагося, говора, говорами итальянскихъ Словенцевъ [1], большинствомъ говоров-

---

[1] Точнѣе будетъ сказать: «сѣверо-италіянскихъ Славянъ», то-есть, св.-Петровцевъ, Сербо-Хорватовъ Тарчентскаго и Джемонскаго уѣздовъ (*distretti di Tarcento e di Gemona*) и, наконецъ, Резьянъ. Впрочемъ въ одномъ изъ резьянскихъ говоровъ имѣется g, точно также какъ и въ говорѣ бохинско-посавскомъ (см. «Опыт фонетики резьянских говоров», §§ 24, 285). *Примѣч. автора въ 1876 г.*

ровъ Горицкой провинціи и вообще говорами, непосредственно соприкасающимися съ романскимъ племенемъ. Въ значительномъ же большинствѣ словенскихъ говоровъ живетъ до сихъ поръ древнее общеславянское строгое различіе твердыхъ слоговъ съ согласнымъ ł (л) и мягкихъ слоговъ съ согласнымъ l' (ль). Но не вездѣ твердое ł сохранило свое старинное, первобытное славяно-литовское произношеніе. Это первобытное произношеніе сохраняется во всей своей чистотѣ, между прочимъ, въ средне-крайнскихъ и нижне-крайнскихъ говорахъ, въ которыхъ твердое ł (л) вполнѣ тожественно съ соотвѣтствующимъ ему звукомъ, напримѣръ, въ русскомъ и польскомъ языкѣ. Въ говорахъ же хорутанскихъ и верхне-крайнскихъ, къ которымъ принадлежитъ тоже и нашъ бохинско-посавскій, твердое ł (л) развилось въ звукъ, приближающійся къ губному согласному v и гласному u (у), то-есть, въ чисто-губной согласный w или же, по крайней мѣрѣ, въ звукъ переходный, средній между ł и w.

Иногда впрочемъ и въ области бохинско-посавскаго говора можно слышать первобытный славянскій звукъ твердаго ł (л), преимущественно же въ деревнѣ Ирекѣ и въ другихъ сосѣднихъ деревняхъ (Чешенца, Подъелье, Копривникъ). Такъ напримѣръ, sjáła (свѣтила), jæ bíła zrjéła (она была зрѣла), ʷłága (влажность, сырость), dowèl ʷłájæ (довольно сырости) и т. п.

Самое же общее произношеніе твердаго ł (л) есть въ нашемъ говорѣ w или же что-то среднее между ł и w. Впрочемъ эти два звука, w и средній между ł и w, такъ незамѣтно отличаются другъ отъ друга, фонетическая разница между ними такъ неуловима, что мнѣ кажется гораздо цѣлесообразнѣе не различать ихъ въ правописаніи, употребляя для обоихъ букву w. Вотъ примѣры: wádja (лодка), wádiše (пристань), dwáka (шерсть), wúkńa, wúkna (дыра), wúža (лужа, грязь), hwástouka, hwástouca (ласточка), twáčits (тѣснить, прижимать), swáma (солома), zwáto (золото), gowóφ (голубь), swába wúč (плохая свѣча), wъbóko (глубоко), mwáda (молодая), bwáto (грязь) и т. д.

§ 30. При этомъ развитіи ł въ w происходитъ замѣна дѣйствія языка на зубахъ болѣе легкимъ сближеніемъ губъ, впрочемъ въ остальномъ при тѣхъ-же условіяхъ. Подобная же болѣе или менѣе замѣна дѣйствія языка на зубахъ дѣйствіемъ нижней губы на зубахъ (а не на верхней губѣ) являет-

ся въ замѣнѣ греческаго зубнаго ϑ въ нѣкоторыхъ греческихъ говорахъ зубно-губнымъ f.—Какъ уже согласному ł, такъ тѣмъ болѣе замѣнившему его согласному w свойственъ тонъ гласнаго u (у), и поэтому, съ одной стороны, иногда очень трудно различить другъ отъ друга эти два звука, гласный u и согласный w (подобно тому, какъ иногда трудно различить гласный i и согласный j), съ другой же стороны, нѣтъ ничего болѣе естественнаго, какъ вокализація согласнаго w, то-есть, переходъ его въ u (у) и или увеличеніе даннаго слова новымъ слогомъ, или же развитіе дифтонга (ср. выше, гдѣ говорится какъ объ одномъ, такъ и о другомъ явленіи, §§ 25—27).

Такому же измѣненію въ w подверглось твердое ł (л) въ говорахъ сербо-лужицкихъ, кашубскихъ, нѣкоторыхъ польскихъ и т. д.

Это w вм. ł мы встрѣчаемъ въ нашемъ говорѣ не только въ коренно-славянскихъ словахъ, но тоже въ усвоенныхъ, преимущественно же изъ нѣмецкаго, напримѣръ: bó̦h wónaj p. съ bó̦h ónaj (богъ награди,—нѣмец. lohne), wójtra (лѣстница,—leiter), Worénc (имя Лоренцъ) и т. п.; но soldát (солдатъ) и т. п.

Въ усвоенныхъ же изъ литературнаго словенскаго языка мы видимъ l, напримѣръ: labút (лебедь), tьló (тѣло), slowénsk (словенскій), Slowénc (Словенецъ) и т. п.

§ 31. Говоря о смѣшеніяхъ гласныхъ, общихъ всѣмъ словенскимъ говорамъ, я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣшались въ одномъ безразличномъ гласномъ (а или др.) оба древне-славянскіе полугласные ъ и ь. Это смѣшеніе вызвало замѣну мягкаго l', сочетавшагося прежде съ ь, твердымъ ł или же его законными замѣнителями въ отдѣльныхъ говорахъ. Такъ напримѣръ, и въ бохинско-посавскомъ говорѣ встрѣчаемъ: wán (ленъ), z wanú (изо льна), wohkà, wóhka (легко) и т. п.; bówъn, bóuna (боленъ, больна), jь̀u, jь̀uka (ель, елка) и т. д. (ср. выше вокализацію согласныхъ и образованіе дифтонговъ, §§ 25—27) (¹).

(¹) Въ настоящее время это толкованіе мнѣ кажется не совсѣмъ точнымъ, такъ какъ и въ сочетаніи съ ь было возможно твердое ł (л). *Примѣч. автора въ 1876 г.*

Это явленіе находитъ себѣ аналогію въ малорусскомъ нарѣчіи, гдѣ, вслѣдствіе смѣшенія гласныхъ і и у (ы) въ пользу у (то-есть, по крайней мѣрѣ, съ усвоеніемъ отверживающаго вліянія этого гласнаго тоже гласному і), произошло отвердѣніе прежде мягкаго согласнаго l, сочетающагося съ слѣдующимъ гласнымъ і, напримѣръ, łіра (липа) вм. l'іра и т. п.

§ 32. Вслѣдствіе отвердѣнія согласнаго l, сочетающагося съ замѣнителями древнеславянскаго полугласнаго ь, объемъ твердаго ł расширился. Но за то, съ другой стороны, произошло его съуженіе, вслѣдствіе другаго смѣшенія гласныхъ, смѣшенія съ совершенно противоположнымъ вліяніемъ. Я говорю о смѣшеніи во всѣхъ словенскихъ говорахъ гласныхъ і и у (ы) въ пользу і, то-есть, о сообщеніи гласному і даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ развился изъ у, смягчающей силы первичнаго, древне-славянскаго і. Вотъ примѣры изъ бокинско-посавскаго говора:

mlín (мельница), plítwa wodà (мелкая вода), blísk (молнія), sæ blíska (сверкается), líska (плѣшь), šlíšьm, šlíšatь (слышу, слышать) и т. д.

Въ малорусскомъ совершился обратный процессъ, то-есть, процессъ отвердѣнія l передъ первичнымъ і, а не смягченія ł передъ замѣнителемъ у (ы).

Достойцы вниманія pošlúšam (послушаю), pošlúšau (послушалъ), šlúžba bóžja (богослуженіе), zašlúžьk (заработокъ) р. съ sū́žba (служба), zaswužítь и т. п. Это, по всей вѣроятности, формы, усвоенныя изъ другихъ говоровъ (¹). Онѣ не представляли бы ни малѣйшаго затрудненія въ красскихъ, випавскихъ и средне-крайнскихъ говорахъ, гдѣ полноударенное ú (у) съузилось въ звукъ, средній между u и і (иногда впрочемъ почти не отличающійся отъ u), и производящій смягчающее вліяніе на предшествующіе согласные.

При всемъ этомъ слѣдуетъ замѣтить, что строгое различіе твердаго ł и мягкаго l' выдержано далеко не на всемъ

(¹) Гораздо вѣроятнѣе слѣдующій ходъ звуковаго (фонетическаго) развитія этихъ словъ: s слога -słu- и т. п., подъ вліяніемъ ž и т. п. слога слѣдующаго, замѣнилось согласнымъ š (ср. «Опыт фонетики резьянскихъ говоровъ», § 77), и, затѣмъ, это вторично развившееся š обусловило переходъ сочетающагося съ нимъ твердаго согласнаго ł въ мягкій l' (ср. § 83). *Примѣч. автора въ 1876 г.*

пространствѣ нашего говора. Въ Бохинѣ мы видимъ его постепенное исчезновеніе, такъ что, наконецъ, въ Быстрицкомъ оттѣнкѣ живетъ одно только l. Объ этомъ я буду говорить обширнѣе при разсмотрѣніи діалектическихъ оттѣнковъ бохинско-посавскаго говора (§§ 81—87).

§ 33. 3. Бохинско-посавскій говоръ, вмѣстѣ со многими другими словенскими говорами, сохранилъ въ склоненіи и спряженіи первичное переходное смягченіе согласныхъ k и g въ c (ц) и z (з), тогда какъ въ остальныхъ говорахъ первичныя формы съ этимъ смягченіемъ замѣнены аналогическими формами (въ которыхъ мѣсто согласныхъ c и z занимаетъ или основной твердый согласный или же продуктъ какого-нибудь вторичнаго смягченія). Но даже и въ нашемъ говорѣ область этого первичнаго смягченія k въ c (ц) и g въ z (з) крайне ограничена. Вотъ примѣры:

1) Склоненіе:

u mócь, u mócĕ р. съ u móčĕ (въ мукѣ), h mócь (къ мукѣ); na dwácĕ (на шерсти); na rócь, na rócĕ р. съ na róčĕ (на рукѣ), dwje rócь, dwjɛ rócĕ, dwjь rócь, dwjь rócь (двѣ руки) и т. д.;

otrók (ребенокъ), otrócь (дѣти), z otrócĕ (съ дѣтьми) и т. п.

2) Спряженіе:

ræ̀cĕ, ræcí, ræ̀c (скажи), ьrcíwa (скажемъ мы два), ьrcíta (скажите вы два), ьrcímo (скажемъ), ьrcítæ (скажите); pjæ̀cь, spæ̀cь, pécь (пеки, спеки), pecítæ (пеките); sécĕ (сѣки); tócĕ (толочи) и т. п.;

wь̀rzĕ, wь̀rzь (брось) и т. п.

Это, кажется, всѣ случаи первичнаго переходнаго смягченія. Въ остальномъ, въ склоненіи напримѣръ, мы встрѣчаемъ формы съ вторичнымъ смягченіемъ č (ч). Такъ напримѣръ, кромѣ выше приведенныхъ: na róčĕ, u móčĕ можно отмѣтить: jezíčĕ (языки), naslétčĕ (послѣдствія) р. съ единст. naslédьk и т. п., dwje žénščь, dwjɛ žæ̀nščĕ (двѣ женщины), h Mjíččĕ (къ Маріи) и т. п.

Сверхъ того, въ склоненіи осталось только первичное переходное смягченіе согласнаго k, то-есть, c (ц), между тѣмъ какъ твердымъ g и h (х) соотвѣтствуютъ, въ сочетаніи съ узкими (небными) гласными, исключительно вторичныя смягченія j и š (ш); первичныхъ z (з) и s (с) нѣтъ здѣсь ни малѣйшаго слѣда.

§ 34. 4. Въ нѣкоторыхъ словенскихъ говорахъ, на основаніи чутья, что согл. j есть мягкій для твердаго d, то-есть, что въ нѣкоторыхъ словахъ формамъ съ согл. d паралельны формы съ согл. j, развилось j въ 3 л. множ. ч. вм. кореннаго d слѣдующихъ глаголовъ: bójo (будутъ), gréjo (идутъ), véjo (знаютъ), jéjo (ѣдятъ) и т. п. [1]. Въ бохинско-посавскомъ говорѣ ничего подобнаго не произошло, и онъ сохранилъ древній согласный d:

bódo (будутъ); gredó, grædó, grédo, grǽdo, рядомъ, впрочемъ, съ græjó и grǽjo (вѣроятно, вслѣдствіе вліянія другихъ говоровъ) (идутъ); wedó, udó, ъdó (знаютъ); jedó, jьdó (jĭdó) (ѣдятъ) и т. д.

II. Удареніе.

§ 35. Такъ какъ бохинско-посавскій говоръ принадлежитъ къ словенскимъ говорамъ, сохранившимъ довольно вѣрно древнее состояніе славянскаго ударенія, и такъ какъ многіе другіе говоры подверглись въ этомъ отношеніи гораздо болѣе значительнымъ измѣненіямъ, то мнѣ кажется умѣстнѣе всего разсмотрѣть бохинско-посавское удареніе въ отдѣлѣ свойствъ, сохраненныхъ этимъ говоромъ отъ древняго періода, и измѣненныхъ другими говорами.

1. *Первичное удареніе*,

вполнѣ согласное съ удареніемъ русскаго языка.

1) Существительныя:

wodà (вода), bohà (блоха), stьzà (стезя, тропинка), tьmà (тьма, темнота), mьgwà (мгла, туманъ) и т. п.;

ríba (рыба), žába (жаба, лягушка), ńíwa (нива), kráwa (корова) и т. д.;

---

[1] Это объясненіе слишкомъ искуственно и просто неосновательно. Согласный j вм. d появился въ 3 лицѣ множ. ч. названныхъ глаголовъ подъ вліяніемъ аналогіи громаднаго большинства глаголовъ, въ которыхъ съ гласнымъ концомъ основы сочетается j, чувствуемое принадлежащимъ къ окончанію 3 лица множ. ч.; d же здѣсь какъ будто чувствуется совершенно лишнимъ, при безсознательномъ сравненіи 3 лица множ. ч. съ другими лицами, въ которыхъ оно (то-есть, d) исчезло передъ согласнымъ окончаніемъ, напримѣръ, vem (знаю), veš (знаешь) и т. д.

Примѣч. автора въ 1876 г.

pьkû (пекло, адъ), pьrò (перо, листь), sĕknò (сукно), jäcè (яйцо) и т. п.;

rõko (руку), mõko (муку) и т. д.; u wódo, čєz wódo (въ воду, черезъ воду) и т. д.;

mostà (моста), psà (пса, собаки) и т. д.;

pьkwà (ада) и т. д.; jäcà (яйца) и т. д.;

z rokó (рукою), z nogó (ногою), pod goró (подъ горою), z gwawó (головою), z mьtwó (метлою), nad wodó (надъ водою) и т. д.; z ríbo (рыбою), nad ńíwo (надъ нивою) и т. д.;

u pьklè (въ аду), po stьzè (по тропинкѣ) и т. д.;

dъmû (домой) и т. д.;

dьrwà (дрова) и т. д.;

mostóu (мостовъ), wozóu (возовъ), stogóu (стоговъ) и т. д.;

rokám (рукамъ), nogám (ногамъ), sestrám (сестрамъ), h gorám (къ горамъ), metwám (метламъ), h wodám (къ водамъ, къ рѣкамъ) и т. д.;

na goráh (на горахъ), na gwawáh (на головахъ), pьr sestráh (при сестрахъ), na nogáh (на ногахъ) и т. д.;

na ríbah (на рыбахъ) и т. д.

§ 36. 2) Числительное „одинъ":

adь'n р. съ ádьn, ádĕn (одинъ), anà р. съ ána и ana (одна), anò (одно), aṅgà (одного), h anmò (къ одному), z aném (съ однимъ), u anь'm (въ одномъ), anó р. съ áno (одну), u anè (въ одной) и т. д.

3) Мѣстоименія:

а) z mьnó, z m'nój (со мною), od mьné (отъ меня), mьnæ' (меня), za m'næ' (для меня) и т. д. р. съ mь'n (мнѣ) и т. д.;

s tьbó (съ тобою) и т. д.;

pot sьbój (подъ собою), s sьbó, s'bó (съ собою) и т. д.; но: h ńémъ, h nému (къ нему) и т. д.

б) tьgà, tĕgà (того), h tmò (къ этому), tmò (этому) и т. д.;

в) mojьmò (моему) и т. д.;

г) komú? Bl. (кому?), kogà (кого? почему?), za čьmò? za káj? = za kogà? (почему?), čьgà? (čgà?) (чего? чье?) и т. д.

4) Причастія:

pьršû, pьršú (пришелъ), pьršwà (пришла), pьršwò (пришло), pьršlè (пришли); jьmû, imú (имѣлъ), na jmû (не имѣлъ), sьdû, zdû (сидѣлъ), ъpьhnû (отпихнулъ, оттолкнулъ), ubû

(убилъ), upû (вопилъ, кричалъ); končáu (кончалъ, умертвилъ), pokončáwa (умертвила), jьgrωu (игралъ); uhodíu (обходилъ), dobíu (получилъ) и т. д.;

je úmru Smok. (умеръ) и т. д.;

но тоже: so bьlí (были) и т. п.

§ 37. 5) Неокончательное наклоненіе:

z^w^onít (звонить), zak'rítě (закурить), dobít (получить); pomagátь (помогать) и т. п.;

jьtè, jitè, jьtь' (идти) р. съ jít na móræm (идти не могу) и т. д.

6) Окончательныя формы глагола:

а) повелительное наклоненіе:

uzmjè (возьми), pojdè р. съ pójdě и р. съ pój (пойди), kadí (кади, то-есть, кури, напримѣръ, трубку и т. п.) и т. д.;

б) настоящее время:

tlæ' jmám (здѣсь имѣю), jьmá р. съ jíma (имѣетъ), mozá (доитъ) и т. п.;

sъsæ', s'sæ' (сосетъ), umьrjæ' (умретъ), rasé (ростетъ), padæ'm (паду), začnæ', začné (начнетъ), kujæ' (куетъ); točæ' (толчетъ), pojdæ' (пойдетъ), gńьjæ' (гніетъ), sæ pasæ' (пасется) и т. д.;

lьží (лежитъ), lьtí (летитъ), z^w^oní (звонитъ), zdí (сидитъ), žьwjí (живетъ), mь bolí (болитъ меня), jæst zbolím (я заболѣю) и т. д.;

7) Корни: jágoda (ягода, земляника) и т. д.

8) Суффиксы: kъpèc, kъφcà, kъφcь' (купецъ, купца, купцы) и т. д.

2. *Особенное, общесловенское удареніе.*

§ 38. 1) Существительныя:

s'nò (сѣно), prъsò (просо), gьrwò (горло), d^e^rwò (dьrwò) (плугъ), okò (глазъ), uhò (ухо), něbò (небо), tьlò (тѣло), kowò (колесо); ráuno pŏlè (равное поле) р. съ pólæ (поле) и т. п.;

strahú (страха), wanú (льна), mahú (мха) и т. п.; možá (мужа, человѣка) и т. п.; od gъsjí (отъ гуся), ot kьrwjí (отъ крови);

lъdjé, l'ьdjæ' (люди) и т. п.;

nojè, nojæ' (нóги), sestrè (сёстры), wodè (воды), gorè (горы), metlè (метлы), ročè (руки), kъzè, kozè (козы), ženè

(жены. женщины), bradè (бороды), gwalè (головы) и т. п.; gъsjí (гуси), kostí (кости) и т. д.;

родит. множ. жен. (и средн.): kozá (козъ), gorá (горъ), mjetwá, metwá (метелъ), wodá (водъ), gwawá (головъ), bohá (блохъ), bradá (бородъ), sestrá (сестеръ), tьmá (темнотъ), mьgwá (тумановъ); cьrkwá (церквей) и т. д.; даже jäcá (яицъ) и т. п.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отношенія ударенія кажутся здѣсь діаметрально противоположными русскимъ. Такъ напримѣръ, въ русскомъ ед. гора́, горы́, множ. го́ры, здѣсь же ед. góra, góræ, множ. gorè и т. п. Точно также взаимное отношеніе удареній родит. ед. и мѣстн. ед. въ обоихъ языкахъ иногда совершенно противоположно: въ русскомъ родительному свойственно удареніе на корнѣ, мѣстному же — на окончаніи; въ словенскомъ родительному на окончаніи, мѣстному же — на корнѣ.

3. *Вторичное удареніе.*

§ 39. Случаевъ въ родѣ góra (гора), kóza (коза), bráda (борода), ʷóuca (овца) и т. п. очень много, и ихъ напрасно было бы здѣсь приводить. Но за то достойны особеннаго вниманія случаи, въ которыхъ прежнее первичное отсутствіе ударенія на извѣстномъ слогѣ вызвало качественное измѣненіе (расширеніе, сокращеніе, полугласность) гласнаго, и затѣмъ, когда этотъ слогъ сдѣлался вторично ударенным, его гласный получилъ качественный характеръ, существенно различный отъ характера, развившагося въ гласномъ, этимологически тожественномъ съ даннымъ гласнымъ, но находившемся подъ продолжительнымъ вліяніемъ первичнаго ударенія. Вотъ примѣры:

1) Вторичное удареніе на прежде неударенномъ замѣнителѣ первичнаго (съ общеславянской точки зрѣнія) гласнаго а:

tók (такъ) р. съ ták (такой), kók (какъ) р. съ tóko и р. съ tokó (такъ), kokó (какъ); wóhka р. съ wohkà (легко) и т. п.

2) Первичное неудар. о въ видѣ вторично-ударяннаго ώ: gώra (гора), ʷώgьń (огонь), ʷώkno (окно), mώkro (мокро), ώčæ р. съ óčä (отецъ) и т. д.

3) præ'stor (пространство, мѣсто), præ'past (пропасть) и т. д.

4) Первичное неударенное е (е, ę) въ видѣ вторично-ударенннаго ǽ: žǽna (жена), na čǽlь (на челѣ), je wǽlьk (онъ великъ), sæ dǽræ (дерется, кричитъ), tǽčæ (течетъ), nǽsæ (несетъ), so nǽslĕ (несли), nǽstь (нести), pjǽčæ (печетъ), tǽbæ (тебя) и т. д.; tǽlæ (теленокъ), rǽčĕ (сказать), so rǽkъl (сказали), pьr sǽbĕ (при себѣ), ^{w}čǽrä^{i} (вчера), jæ lǽžωu (лежалъ), rǽbra (ребра), jǽlen (олень), stá sæ tǽrpwa (двое дралось), kъrǽna (морковь), jьmǽn, jьmǽna (именъ, имена) и т. д.; jǽzьk (языкъ), jǽčmьn (ячмень) p. съ род. jæčména, imǽ p. съ jíme (имя), plǽsat (плясать) и т. д.

Въ какіе звуки развиваются первично-ударенные е (е, ę, ѣ) и о (о, ą = ж), мы увидимъ при разборѣ спеціальныхъ свойствъ бохинско-посавскаго говора и его раздѣленіи на діалектическіе оттѣнки.

§ 40. 4. Въ концѣ этого краткаго очерка отношеній ударенія въ нашемъ говорѣ, я позволю себѣ обратить вниманіе на нѣкотораго рода морфологическую подвижность ударенія именъ существительныхъ муж. рода, состоящую въ томъ, что въ именит. пад. ед. числа съ удареніемъ произносится предпослѣдній слогъ, въ другихъ же падежахъ, впрочемъ тоже ихъ предпослѣдній слогъ, но который однакожъ, вслѣдствіе увеличенія числа слоговъ гласнымъ окончаніемъ, тожественъ съ послѣднимъ слогомъ именит. падежа. Вотъ примѣры:

čwóuk — čwowjéka (человѣкъ), jǽzьk — jezíka (языкъ), jǽčmьn — jæčmjéna (ячмень), trébъh — tьrbúha (животъ, брюхо), prǽšьč — вин. мн. prešíčæ (поросенокъ), préstar — prestóra (пространство, мѣсто), médus — medwjéda (медвѣдь), žíwos, žéwъϑ р. съ žьwós — žьwóda, dwa žьwóda (желудь), sóseϑ, soséϑ — s sosjédam, sosjéda (сосѣдъ) и т. д.; télæ — telǽta (теленокъ) и т. д.; s'nóžet, s'nóžьt — s'nožétь, s'nožétĕ (лугъ) и т. п.

Въ тѣсной связи съ удареніемъ находится временное количество, долгота гласныхъ и слоговъ. Но такъ какъ долгота свойственна далеко не всѣмъ словенскимъ говорамъ (¹), и такъ какъ, съ другой стороны, ея отношеній нельзя было бы понять надлежащимъ образомъ безъ сравненія съ другими говорами, то я пока отказываюсь отъ рѣшенія этой

(¹) Это не вѣрно: относительная долгота гласныхъ встрѣчается во всѣхъ словенскихъ говорахъ. *Примѣч. автора въ 1876 г.*

(хлѣвъ)] ([1]). Но здѣсь можно возразить, почему мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго въ мягкихъ слогахъ, соотвѣтствующихъ твердымъ съ согласными p (п), b (б), m (м), хотя вѣдь тоже имѣются древнія переходныя смягченія pl изъ pj и т. п. Не знаю же, можно-ли при этомъ ссылаться на особенную природу согласнаго w, который, вслѣдствіе своей близости ко гласному u (у), весьма легко подвергается вокализаціи и даже исчезновенію.

Изъ выше приведенныхъ примѣровъ видно, что замѣна мягкаго v′ согласнымъ l есть далеко не общая. Она ограничивается только формами склоненія, да и то не всѣми: мы встрѣчаемъ ее преимущественно въ существительныхъ женскаго рода съ подвижнымъ удареніемъ, то-есть, въ тѣхъ существительныхъ, однимъ падежамъ которыхъ свойственно удареніе на коренномъ слогѣ, другимъ же на корнѣ ([2]). Существительныя съ постояннымъ удареніемъ на коренномъ слогѣ, какъ напримѣръ, tráwa (трава), níwa (нива) и т. п., чужды названнаго явленія: въ нихъ мы встрѣчаемъ w какъ передъ широкими, такъ и передъ узкими (небными) гласными окончаній. Въ спряженіи мы не видимъ даже малѣйшаго намека на соотвѣтствіе мягкаго l твердому w (= v). Точно также въ коренныхъ созвучіяхъ мягкое v′ (w′), въ сочетаніи

([1]) Это предположеніе не имѣетъ ни малѣйшаго смысла.

Примѣч. автора въ 1876 г.

([2]) При этомъ какъ будто бы совершилось безсознательное рѣшеніе цѣлаго ряда пропорцій съ одной неизвѣстной, или, точнѣе говоря, замѣна четвертаго не подходящаго члена подобныхъ пропорцій другимъ, вполнѣ совпадающимъ съ общимъ характеромъ данной пропорціи. Такъ напримѣръ, въ пропорціи

métwa: gwáwa = metlé: gwavé

четвертый членъ gwavé считается (конечно, безсознательно) несоотвѣтственнымъ, и поэтому замѣняется членомъ gwalé. Другими словами, въ безсознательной области умственной жизни народа происходитъ слѣдующаго рода разсужденіе: Если основѣ metw- съ именительнымъ métwa, винит. metwó и т. д. соотвѣтствуетъ передъ гласными e, i и т. п. окончаній основа metl-, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія не упрочить передъ тѣми же узкими гласными окончаній основы gwal- для существительнаго, основа (тема) котораго передъ широкими гласными, a, o и т. п., является въ видѣ gwaw-, и которое въ остальномъ, какъ по отношенію къ ударенію, такъ и въ прочихъ отношеніяхъ, склоняется точно такъ же, какъ и существительное съ основою metw- — metl-.

Примѣч. автора въ 1876 г.

съ слѣдующими узкими (небными) гласными, сохранилось ненарушеннымъ.

§ 44. Сочетаніе твердаго w (изъ ł) съ узкими гласными, какъ напримѣръ, множ. им. skawé (скалы), ǵów, ǵówe (голые, голыя) и т. п., есть явленіе чисто аналогическое, вторичное. Можетъ быть тоже, что и w (изъ v) въ сочетаніи съ такими же узкими гласными появилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ только подъ вліяніемъ аналогіи, и что прежде здѣсь было l.

Вторичное, аналогическое смягченіе w въ l распространено не на всю область бохинско-посавскаго говора. Въ діалектическихъ оттѣнкахъ этого говора, въ которыхъ w вм. ł уступаетъ мѣста согласному l, и названное смягченіе все рѣже встрѣчается, такъ что, наконецъ, въ быстрицкомъ оттѣнкѣ, гдѣ мы видимъ исключительное употребленіе l вм. ł, оно почти совершенно исчезаетъ. Можетъ быть, что въ этомъ слѣдуетъ признать совершенно вторичное явленіе, развившееся подъ вліяніемъ аналогіи и возвращеннаго чутья строгаго различія согласныхъ l и v. Можетъ быть однакожъ, что въ названномъ, быстрицкомъ, говорѣ никогда и не было аналогическаго смягченія w въ l, что тамъ среднее l развилось еще изъ чистаго ł (л), и что, слѣдовательно, тогда еще не было никакой причины къ смѣшенію v съ ł. Это послѣднее предположеніе, а именно что Быстричане никогда не употребляли w или хотя бы даже согласнаго, средняго между ł и w, вм. ł, и что, слѣдовательно, у нихъ не могло быть тоже связи w съ l на основаніи отношеній твердости и мягкости, подтверждается въ особенности еще въ настоящее время иногда слышнымъ ł р. съ w въ нѣкоторыхъ другихъ бохинскихъ деревняхъ (ср. выше). Объ этомъ предметѣ, какъ объ отличительномъ свойствѣ нѣкоторыхъ діалектическихъ оттѣнковъ, я буду говорить обширнѣе, представляя діалектическое подраздѣленіе бохинско-посавскаго говора (§§ 87, 88).

Только что разобранное свойство (аналогическое смягченіе w въ l) бохинско-посавскій говоръ раздѣляетъ съ нѣкоторыми другими верхнекрайнскими и хорутанскими, въ противоположность тѣмъ говорамъ, въ которыхъ или сохранились первобытныя ł и v̑ (обыкновенно рядомъ съ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ v въ w), или же въ которыхъ твердое ł замѣнено среднимъ l.

2. *Вторичное переходное смягченіе* k въ č, g въ j, h въ š.

§ 45. Я только что указалъ на вторичное смягченіе w въ l, вызванное анологіею и смѣшеніемъ звуковъ. Теперь же приходится разобрать чисто физіологическіе процессы вторичнаго переходнаго смягченія согласныхъ k, g и h, въ сочетаніи или съ слѣдующимъ согласнымъ j или же съ узкими (небными) гласными, въ č, j и š.

1) Смягченіе k въ č:

а) kj = č: čé и т. п. (гдѣ?) изъ основно-словенскаго kje, это послѣднее же изъ основнославянскаго *kъdje, стсл. *къжде; čéŕ (гдѣ) изъ kjer, это же изъ *kъdje-že;

б) осн.-слав. ky′ (кꙑ) = осн.-словенское kí = бох.-пос. čí: čî (палка, колосъ), род. číja — ст.-сл. кꙑи, čídat (бросать) — ст.-сл. кꙑдати и т. д., číjcě (колосья) — стсл. *кꙑици, číta (пукъ, коса) — стсл. кꙑта, čísu и т. д. (кислый) — стсл. кꙑслъ и т. д., číhatь (чихать, чихнуть) и т. д.; ščíra, ščéra (сѣкира) (é изъ í подъ вліяніемъ слѣдующаго r) — стсл. сѣкꙑра и т. д.; bьrščě (хороши собою) (ср. главу объ измѣненіи въ концѣ словъ і въ е, § 70) и т. д.; swaščь` (сладкіе) и т. д.

То же измѣненіе произошло и въ усвоенныхъ словахъ: číkla (юбка) — нѣм. kittel и т. п.

в) ké (развившееся въ склоненіи изъ ky′ (кꙑ) по аналогіи темъ съ мягкимъ конечнымъ согласнымъ темы, стало-быть, заставляющее предполагать фиктивное стсл. сочетаніе кѧ) = čé, čæ′: множ. rocě (руки) — стсл. ржкꙑ = *ржкѧ, neščě и т. п. (ночвы, корыта, въ которыхъ купаютъ дѣтей) и т. п.

čé изъ ké въ усвоенныхъ словахъ: cétna (цѣпь) — нѣм. kette, čéudar (погребъ) — нѣм. keller и т. п.

г) ke = če, čæ: hrŭšče (груши), méšče р. съ mьščé (мягки), множ. smríče р. съ ед. smríka (сосна), táče (такіе), žéńšče (женщины) р. съ žéńska (женщина), iz róče (изъ руки), móče (муки), od dwáče (отъ шерсти), z Bohíńšče Sáwe (изъ Бохинской Савы), mьrtwášče kostí (мертвецкія кости), welíče ríbe (большія рыбы) и т. д.; множ. rínče р. съ ед ríńka (кольцо) — нѣм. ring, и т. д.

ke = čě въ усвоенномъ словѣ čěglát (играть въ кегли) — нѣм. kegeln, и т. д.

d) ke, ki = čь, čě: множ. им. strócь р. съ вин. stróče и р. съ имен. ед. strók (струкъ), множ. cwéčě р. съ ед. cwék

(zatyčka), ráčě (раки), мн. им. gosjáčь — вин. gosjáče — им. ед. gosják (гусенокъ), им. множ. kúčnьč — им. ед. kúčnьk (коренной зубъ), štóčь (ульи) — нѣм. stock, и т. д.;

wélčь (большой, великій), mesárščь (мясничій), žénščь (женскій), rúsouščě (русскій), táčь (такой), žwjíščь (скотскій), kofétarščě (кофейный) и т. д.; sodáščь (солдатскіе) и т. д.;

pьr hrúščě (при грушѣ), u móčě (въ мукѣ), na Poklúčь (на Поклюкѣ, мѣстность), u fabríčь (во фабрикѣ), u wsáčь fárь (во всякомъ приходѣ), h Mjíččě (къ Машѣ) и т. д.;

o pjéščьh, u pjéščьh (въ пятницахъ, по пятницамъ), u ʷsóčьh goráh (въ высокихъ горахъ) и т. д.;

swáščьga (сладкаго), táčьga (такого), wsáčьga (всякаго) и т. д.;

na Koróščьm (въ Хорутаніи), pred wánščьm (въ запрошломъ году) и т. д.;

na wsáčьmo krájь (на всякомъ мѣстѣ), o bléščьmo krájě (въ Бледскомъ краѣ, въ Бледскомъ мѣстѣ, въ Бледѣ) и т. д., táčьmo (такому) и т. д.

ь, развившееся изъ i въ концѣ словъ, обыкновенно исчезло, но, разумѣется, оставило слѣдъ своего существованія въ смягченіи согласнаго, напримѣръ:

fúrmanšč wɷs (фурманская, извощичья телѣга), móšč gwánt (мужское платье), bléšč kràj (бледскій край, бледское мѣсто, Бледъ), Wášč Rɷ́t (Лашкій Ротъ, мѣстность), só welíč (они большіе, велики) и т. д.

§ 46. 2) Смягченіе g въ j:

а) žgé = žjé: žjém (жгу), zažjé (сожжетъ) и т. п. Но здѣсь j родилось вѣроятно изъ ž или же dž, вслѣдствіе диссимиляціи и аналогической замѣны первичнаго смягченія смягченіемъ вторичнымъ; ср. drožjé (дрожжи) и вообще замѣну первобытнаго dj словенскимъ j.

б) gí = jí, jé (ср. о замѣнѣ въ концѣ словъ гласнаго i гласнымъ e, § 70): rojè (рогà) и т. п.

в) gě = jé (замѣна первичнаго смягченія вторичнымъ): na rojéh (на рогахъ) и т. п.;

г) gé (gа) = jé, jǽ: nojè (ноги), drьjé (другія) и т. д.;

д) ge = je, jæ: множ. šéje — ед. šéga (обычай), drúje (другія), мн. вин. wráje (чертей), ед. род. nóje (ноги), мн. им. strúje — мѣст. po strúgah (русло) и т. д.

e) ge, gi, gь=jь, je: мн. им. wrájě (черти), ед. им. ta drújě (другой) и т. д.; мн. им. drújь (другіе) и т. д.;

u ta drújь dolínĕ (въ другой долинѣ), na nójь (на ногѣ) и т. д.; pьr žájь—žága (пильная мельница)—нѣм. säge, и т. д.;

nájьga, nájьmo, nájьm (нагаго, нагому, нагимъ), u ta drújьm (въ другомъ) и т. д.

Разумѣется, что, и по исчезновеніи ь, все же таки остается вызванное его вліяніемъ j: ta drúj dan (другой день), drúj stráh (другой страхъ), drúj wěčír (другой вечеръ) и т. д.; drújga (другаго), ta drújmo (другому), z rojmí (рогами), drújka (двухлѣтняя кобыла) и т. д.

Рядомъ съ этимъ смягченіемъ g въ j встрѣчается тоже другое вторичное смягченіе, g въ ž, и именно въ нѣкоторыхъ усвоенныхъ словахъ: мн. им. šténže, мѣст. na šténgah, ед. им. šténga (ступень) — нѣм. stange, wórenže, po órenže (собственно, какъ слѣдуетъ), им. wóreng (порядокъ)—нѣм. ordnung и т. п.

§ 47. 3) Смягченіе h въ š:

а) ст.-сл. хы=hí=ší: mьšír (пузырь), gъší (глухіе), sъší (сухіе), sъšíh (сухихъ) и т. д.;

б) hé=šé: ед. род. bošé — им. bohà (блоха), sъšé (сухія) и т. д.;

в) swjét Mьšû, Mьšú, Mьšóu, твор. pret swjétьm Mьšélam (святой Михаилъ) и т. п.;

г) he=še, šæ: múše (мухи), súše (сухія), мн. им. rjúše — ед. им. rjúha (простыня), z máuše (изъ мѣшка), мн. potpájšše—ед. potpájsha (пазуха), zě stréše (съ крыши), gúše (глухія), мн. вин. oréše (орѣхи), gráše (горохи) и т. д.;

д) hi, he=šь: grášь (горохи), ta gúšь (глухой), súši (сухіе), tьrbúšě (животы, брюха) и т. д.;

pьr múše (при мухѣ), na stréšь (на крышѣ), u šprášь (въ языкѣ) и т. д.

По исчезновеніи ь: s twójmě sъšmè hrúškamě (твоими сухими грушами) и т. д.

§ 48. 4) Рядомъ съ этими вторичными смягченіями, k въ č, g въ j, h въ š, живутъ въ спряженіи и словообразованіи первичныя смягченія, k въ č, g въ ž, h въ š, и, во всѣхъ частяхъ языка, первично-словенскія смягченія, tj въ č, dj въ j. Изъ первичныхъ же смягченій согл. k, g, h другаго періода, именно k въ c, g въ z (изъ dz), h въ s, живутъ въ нашемъ говорѣ только c изъ k и z изъ g, да и то

въ довольно ограниченномъ количествѣ формъ: c изъ k въ спряженіи и въ нѣкоторыхъ именахъ тоже въ склоненіи, z изъ g исключительно только въ спряженіи (ср. выше § 33, гдѣ говорится именно объ этомъ первичномъ переходномъ смягченіи). Смягченіе z изъ g въ склоненіи замѣнено въ бохинско-посавскомъ говорѣ только-что разобраннымъ вторичнымъ смягченіемъ g въ j, которое вообще весьма распространено въ этомъ говорѣ. Точно также въ большинствѣ именъ и первичное смягченіе k въ c (ц) замѣнено въ склоненіи новымъ смягченіемъ k въ č (ч). Чтó же касается первичнаго соотвѣтствія согласнаго s, какъ мягкаго, твердому согласному h, то отъ него въ бохинско-посавскомъ говорѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда.

§ 49. Если сравнить древнія смягченія tj въ č и dj въ j съ только-что разобранными бох.-пос. смягченіями k въ č и g въ j, то окажется, что между t и d, съ одной стороны, и между k и g, съ другой, имѣется полнѣйшая паралель: tj и k измѣняются въ č, dj же и g въ j. Какъ совершился переходъ dj въ j, дѣло нерѣшеное; чтó же касается развитія g въ j, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что оно совершилось черезъ стадіумъ dž или точнѣе dź (хорват. dj, gj, серб. ђ). Въ пользу этого предположенія говоритъ, съ одной стороны, аналогія паралельнаго перехода согласнаго k въ č, съ другой же стороны, сравненіе съ другими словенскими говорами, въ которыхъ роль вторичныхъ смягченій k и g играютъ не č и j, но c (ц) и z;—переходъ же отъ g къ z, при данныхъ условіяхъ словенскихъ говоровъ, возможенъ только черезъ dž и затѣмъ dz или же ž, какъ паралельный переходъ k въ c только черезъ č (1).

§ 50. Если хорошо обдумать всѣ эти обстоятельства, необходимо прійти къ заключенію, что вѣроятность предположенія Даничича о томъ, что развитіе основнаго dj въ j совершилось въ словенскомъ просто вслѣдствіе исчезновенія d, становится весьма сомнительною. Гораздо правдоподобнѣе, что tj и dj перешли въ словенскомъ прежде всего въ очень мягкіе č (ч) и dž (дж), которые живутъ до сихъ поръ въ

(1) По настоящему, исходною точкой для этихъ вторичныхъ звуковъ слѣдуетъ принять c′ (хорват. ć, серб. ћ) и dz′ (хорват. dj, gj, серб. ђ). *Примѣч. автора въ 1876 г.*

сербско-хорватской языковой области и выражаются въ сербскомъ правописаніи съ помощью ћ и ђ, въ хорватскомъ же — съ помощью ć и dj или же gj. Это предположеніе подкрѣпляется еще двумя слѣдующими обстоятельствами:

1) что въ нѣкоторыхъ словенскихъ говорахъ, преимущественно же въ говорахъ италіянскихъ Словенцевъ ([1]), согласный, служащій замѣнителемъ основнаго tj, есть не č (ч), но именно звукъ, выражаемый въ сербскомъ правописаніи съ помощью ћ;

2) что вторично-развившееся сочетаніе tj во многихъ словенскихъ говорахъ перешло тоже въ звукъ, средній между č (ч) и непереходно-мягкимъ ć (ць) (этотъ звукъ живетъ тоже въ восточной половинѣ бохинско-посавскаго говора, какъ мы это вскорѣ увидимъ).

Примѣръ перехода мягкаго dž′ (дж) въ j представляетъ намъ, между прочимъ, венеціянскій говоръ италіянскаго языка, гдѣ именно мягкое dž′ (gi) развилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ j, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ оно замѣнено согласнымъ z (з), общеиталіянскому же č (ч) соотвѣтствуетъ здѣсь по большей части c (ц).

Разобранное въ этой главѣ вторичное переходное смягченіе, k въ č, g въ j, h въ š, встрѣчается тоже во многихъ другихъ словенскихъ говорахъ, какъ то во всѣхъ почти верхне-крайнскихъ, хорутанскихъ, въ толиминскомъ (тминскомъ), цирклянскомъ, въ нѣкоторыхъ красскихъ, и т. д. и т. д.

3. *Переходъ (развитіе) согласныхъ* d, b, g *въ концѣ словъ въ* ϑ, φ, h.

§ 51. 1) —d = —ϑ, то-есть согласному -d-, произносящемуся отчетливо между двумя гласными или же вообще въ серединѣ слова, въ тѣхъ же словахъ, но въ формахъ, въ которыхъ этотъ согласный находится въ концѣ слова, соотвѣтствуетъ придувной согласный, который въ англійскомъ правописаніи обозначается сочетаніемъ начертаній th, или же который въ новогреческомъ развился изъ древняго придыхательнаго ϑ

([1]) Совокупность всѣхъ отличительныхъ чертъ говоровъ сѣверо-италіянскихъ Славянъ заставляетъ насъ причислить ихъ не къ словенскимъ (крайно-словенскимъ), но къ сербо-хорватскимъ говорамъ.

Примѣч. автора въ 1876 г.

(th). Другими словами: конечный согласный -d перешелъ въ -ϑ. Вотъ примѣры:

gáϑ (змѣя), gráϑ (градъ, зáмокъ) р. съ род. gráda, káϑ (ванна) р. съ род. kadí, ráϑ (радъ), mwáϑ (молодъ), мн. род. bráϑ (бородъ) р. съ ед. им. bráda, и т. д.;

gospóϑ (господинъ), powsóϑ (повсюду), spóϑ (внизу) и т. д.; otkóϑ (откуда) и т. п.;

préϑ (прежде), bléϑ (блѣденъ) р. съ жен. bléda (блѣдная), Blèϑ (Бледъ) р. съ род. Bléda и уменьшит. Blédьc (холмъ того имени), jèϑ (яства, блюдо) р. съ род. jьdí, léϑ (ледъ) р. съ мѣст. na lédъ и р. съ lés, na léso (лѣсъ, то-есть, дрова), gréϑ (снѣгъ, упавшій съ крыши) р. съ род. gredí, sosèϑ (сосѣдъ) р. съ род. sosjéda, gowéϑ (говядо, рогатая скотина) р. съ gowéjo mьsó (говядина), и т. д.;

trúϑ (трудъ), húϑ (сердитъ) р. съ множ. hъdí, jъ'ϑ, jèϑ (жидъ) р. съ род. júda, labúϑ (лебедь) р. съ род. labúda, búϑ (удодъ, лат. upupa) р. съ род. búda, мн. род. rúϑ (рудъ) р. съ ед. им. rúda (руда), и т. д.;

zíϑ (стѣна) р. съ род. zída, zidú, и т. д.;

médweϑ, mjédwьϑ р. съ medwéϑ (медвѣдь), и т. д.;

stь'rϑ (медъ) р. съ род. stьrdí, tь'rϑ (твердъ), gъ'rϑ (дуренъ собою), z Bь'rϑ (изъ Бердъ) и т. п.;

pèlϑ (рь'lϑ) (картина) — нѣм. bild и т. д.

Даже въ словахъ, утратившихъ конечный гласный только въ довольно позднее время, уже на почвѣ самаго говора, произошло обыкновенно то же самое измѣненіе: spóϑ (внизу), zā'ϑ (позади) и т. д. (1).

Предлоги и другія слова, тѣсно соединяющіяся съ слѣдующими за ними словами, или сохраняютъ древнее d или t, или же тоже представляютъ упомянутое вторичное развитіе d въ ϑ. Такъ напримѣръ, съ одной стороны, мы видимъ ʷót twa (отъ земли), nàt híšo (надъ хижиною, надъ домомъ), pot híšo (подъ домомъ), pret híšo (передъ домомъ), od méne (отъ меня), pret kárnar (передъ помѣщеніе, въ которомъ сохраняются кости мертвецовъ) и т. д., съ другой же стороны, oϑ twá (отъ земли), meϑ kráucam (между мякишемъ), naϑ kákšnьm mlín (надъ какою-нибудь мельницей),

---

(1) Это предположеніе сомнительно.

Примѣч. автора въ 1876 г.

poϑ káp, poϑ kápam (подъ кровельный жолобъ, подъ кровельнымъ жолобомъ), préϑ hkáuca (передъ ткача), préϑ híšo (передъ хижиною), oϑ čmь'rlou (отъ шмелей) и т. д.

§ 52. Горьянскій діалектическій оттѣнокъ бохинско-посавскаго говора подвинулся на пути измѣненій еще дальше: въ немъ мы находимъ вмѣсто конечнаго d уже не ϑ, но просто чистое обыкновенное s. Вотъ примѣры:

grás (градъ, зáмокъ), mwás (молодъ), pomwás (весна) р. съ род. pomwádь, rás (радъ); gospós (господинъ, священникъ); lés (ледъ), вполнѣ однозвучное съ lés (дрова), prés, poprés (прежде); hús (сердитъ), zís (стѣна); žíwos и žьwós (желудь) р. съ род. žьwóda, médus (медвѣдь) р. съ род. mědwjéda; gь'rs (дуренъ собою) и т. д.

Иногда однакожъ мнѣ казалось, что я и въ этомъ діалектическомъ оттѣнкѣ слышу ϑ или же что-то среднее между ϑ и s.

Это различіе между оттѣнками слѣдовало бы собственно разобрать при представленіи діалектическаго подраздѣленія нашего говора; но я предпочелъ исчерпать его уже здѣсь для того, чтобы дать полную картину этой въ высшей степени занимательной особенности разбираемаго мною говора.

§ 53. 2) —b=—φ, то-есть, согласному b въ серединѣ словъ соотвѣтствуетъ въ концѣ словъ согласный φ (чисто-губное f, отличающееся отъ чисто-губнаго w только отсутствіемъ дрожанія голосовыхъ связокъ, въ остальномъ же вполнѣ съ нимъ тожественное).

Впрочемъ, я долженъ сознаться, что на чисто-губную природу согласнаго, развившагося изъ конечнаго -b, меня навело сравненіе съ паралельнымъ развитіемъ: —d=—ϑ (не —s). При записываніи собранныхъ мною матеріаловъ мнѣ не пришла въ голову возможность подобнаго явленія (чисто-губнаго φ вм. b), акустическое же различіе между чисто-губнымъ и зубно-губнымъ f слишкомъ ничтожно для того, чтобы оно само собою навязывалось не особенно тонкому уху. Въ одномъ только горьянскомъ оттѣнкѣ, гдѣ —d=—s, точно также и зубно-губное f и теоретически на своемъ мѣстѣ. Все же таки даже неотмѣченіе различія между чисто-губнымъ и зубно-губнымъ f ни въ чемъ не нарушаетъ общаго закона, что взрывный согласный b развился въ концѣ

словъ въ придувной, производящій акустическое впечатлѣніе f.

Примѣры:

swaφ, slaφ, swaf (слабъ, дуренъ), мн. род. bаφ, baf р. съ ед. им. bába (баба), мн. род. žaφ, žaf (жабъ, лягушекъ), и т. п.;

boφ, bof (бобъ) р. съ род. bóba, zoφ, zof (зубъ) р. съ род. zobà, zóba, множ. zobjé, roφ, rof (сгибъ, рубецъ скалы) р. съ мѣст. na róbo, gowóφ, gowóf (голубь) р. съ род. gowóba, мн. род. goφ, gof (грибовъ) р. съ ед. им. góba (грибъ) и р. съ góbʼc (рыло, морда), groφ, grof (грубый) — нѣм. grob, rъφ, rъf (мальчикъ) р. съ двойств. dwa róba — нѣм. bube, и т. д.;

žlєφ, žlєf (желобина, жолобъ), hlєφ, hlєf (булка хлѣба) р. съ род. hléba, järéφ, järéf (рябчикъ) — множ. järébe, и т. д.;

hríφ, hríf (холмъ) р. съ множ. hríbe, мн. род. riφ, rif (рыбъ) р. съ ед. им. ríba, и т. д.;

мн. род. murφ, murf р. съ ед. им. múrba (шелковичное дерево), skьrφ, skьrf (скорбь) р. съ род. skьrbí, škьrφ, škьrf (щербатый, зазубристый) р. съ жен. škьʼrba; welφ, welf (сводъ) р. съ множ. wélbe — нѣм. gewölbe, и т. д.;

k ъφ tó prídæ, kar jьmá ráϑ (когда лишится того, что ему дорого) и т. п.

Въ словѣ jástrof, мн. им. jástrofe (ястребъ) подъ вліяніемъ аналогіи именительнаго пад. ед. ч. появилось f тоже въ другихъ падежахъ.

3) —g = —h, то-есть, согласный g развился въ концѣ словъ въ глухой придувной того же органа, h:

prah (порогъ) р. съ род. prága, wrah (чертъ) р. съ род. wrága, drah (дорогъ, дорогой), nah (нагой) — жен. nága, множ. муж. им. nají (§ 46), и т. д.;

bôh (богъ), roh (рогъ), stoh (стогъ) — творит. pot stógam, bьrwóh (берлога) — мѣст. na bьrwógo, okróh (вокругъ) — мѣст. na okrógo, мн. род. noh (ногъ) и т. д.;

brєh (берегъ), sńєh, snьh (снѣгъ) — род. snьgà и т. д.;

doh (дологъ) — жен. dóga и т. д.

§ 54. 4) Я воздерживаюсь отъ подробнаго физіологическаго объясненія только-что разобранныхъ фонетическихъ процессовъ, совершившихся въ области бохинско-посавскаго говора, и только позволю себѣ высказать слѣдующія соображенія:

Вслѣдствіе исчезновенія конечнаго гласнаго, звонкіе согласные d, b, g очутились сами въ абсолютномъ концѣ словъ. Въ такомъ положеніи имъ невозможно было сохранить свою звонкую натуру, и они должны были лишиться своей звонкости и сдѣлаться соотвѣтствующими имъ глухими согласными, t, p, k. Но глухихъ согласныхъ, производящихъ акустическое впечатлѣніе t, p, k, есть два рода: при однихъ изъ нихъ дѣйствіе органовъ рѣчи въ полости рта сопровождается полнымъ сжатіемъ голосовыхъ связокъ и, затѣмъ, ихъ внезапнымъ, взрывнымъ раздѣленіемъ, одновременнымъ со взрывомъ во рту, при другихъ же голосовыя связки совершенно страдательны и во все время основнаго физіологическаго процесса въ полости рта безучастно раскрыты. Перваго рода согласные преобладаютъ, напримѣръ, въ языкахъ славянскихъ, романскихъ, мадьярскомъ и т. д., другаго же рода—преимущественно въ нѣмецкомъ. Эти послѣдніе безусловно легче тѣхъ. Поэтому то мы и видимъ, напримѣръ, въ языкахъ романскихъ и славянскихъ, съ одной стороны, и въ нѣмецкихъ (германскихъ), съ другой, совершенно противоположныя измѣненія согласныхъ: тамъ глухіе развиваются въ звонкіе (на сколько этому не мѣшаютъ спеціальныя обстоятельства), въ нѣмецкомъ же наоборотъ, звонкіе въ глухіе, какъ это извѣстно изъ теоріи такъ называемаго перебоя или передвиженія нѣмецкихъ согласныхъ (lautverschiebung). Но въ безусловномъ концѣ словъ, какъ въ одной, такъ и въ другой группѣ языковъ, звонкіе согласные только съ большимъ трудомъ могутъ произноситься, и они должны, по физіологической необходимости, замѣниться глухими. А такъ какъ взрывные глухіе съ раскрытыми голосовыми связками, преимущественно же въ концѣ словъ, несравненно легче другой категоріи взрывныхъ глухихъ, сопровождающихся тоже взрывомъ голосовыхъ связокъ, то и нѣтъ ничего удивительнаго, что, напримѣръ, во многихъ словенскихъ говорахъ звонкіе согласные развились въ концѣ словъ въ глухіе съ раскрытыми голосовыми связками. Переходъ отъ этого рода глухихъ къ придыхательнымъ дается самъ собою; и въ самомъ дѣлѣ въ нѣкоторыхъ словенскихъ (крайно-словенскихъ) говорахъ слышатся въ концѣ словъ вм. g, d, b придыхательные kʿ (kh), tʿ (th), pʿ (ph) (въ особенности это замѣтно при tʿ). Извѣстно же, что къ самымъ естественнымъ измѣненіямъ звуковъ принадлежитъ развитіе

придыхательныхъ, черезъ переходную степень согласныхъ, слитныхъ изъ взрывнаго и придувнаго элемента, kh, ts (прежде всего того же мѣста артикуляціи, чтò и зубное t, сталобыть, tϑ), pφ (съ чисто губнымъ f), и вслѣдствіе исчезновенія перваго взрывнаго элемента,—въ чистые придувные h, ϑ (и затѣмъ s) и f (1).

§ 55. Въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ нашего говора, и въ соединеніи съ слѣдующими придувными глухими согласными, звонкіе (и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ глухіе) согласные замѣняются именно только-что названными h, ϑ (s), f. Причина и здѣсь ясна: придувные глухіе произносятся съ раскрытыми голосовыми связками; слѣдовательно, гораздо легче соединить съ ними взрывные, которымъ свойственно тоже страдательное раскрытіе голосовыхъ связокъ, нежели глухіе взрывные, сопровождаемые тоже взрывомъ голосовыхъ связокъ. Чтó же развивается изъ такихъ глухихъ взрывныхъ

(1) Возможно тоже другое объясненіе, а именно: Быть можетъ, въ древній періодъ развитія словянскихъ языковъ не было вовсе такихъ звонкихъ взрывныхъ или мгновенныхъ согласныхъ b (б), d (д), g (г), каковы существуютъ въ настоящее время, и эти мгновенные согласные развились изъ болѣе древнихъ придувныхъ, β (согласный, средній между b (б) и чисто губнымъ w), δ (въ родѣ звонкаго англійскаго th, dh, новогреческаго δ) и γ (звонкое h, малорус. г, новогреч γ). Затѣмъ, въ громадномъ большинствѣ словянскихъ говоровъ произошло измѣненіе ихъ въ звонкіе мгновенные b, d, g, еще до исчезновенія конечныхъ краткихъ гласныхъ («полугласныхъ»), ŭ (ъ) и ĭ (ь). Но въ нѣкоторыхъ говорахъ, то-есть, въ говорахъ, представляющихъ теперь соотвѣтствіе мгновенныхъ b, d, g въ серединѣ словъ продолжительнымъ («придувнымъ») глухимъ φ или f, ϑ или s, h въ концѣ словъ, исчезновеніе упомянутыхъ краткихъ гласныхъ ŭ и ĭ могло совершиться раньше перехода β, δ, γ въ b, d, g. Вслѣдствіе сего въ словахъ и формахъ, гдѣ прежде за согласными β, δ, γ слѣдовали конечные краткіе гласные ŭ и ĭ, названные согласные, вслѣдствіе исчезновенія этихъ гласныхъ, очутились въ концѣ словъ, и должны были перейти въ глухіе придувные φ, ϑ, h. Когда же и до этихъ говоровъ дошла очередь измѣнить β, δ, γ въ b, d, g, то это измѣненіе могло совершиться только въ серединѣ словъ. Въ концѣ же словъ глухіе придувные φ, ϑ и h, развившіеся изъ прежнихъ придувныхъ звонкихъ β, δ, γ, не подвергались вовсе подобнымъ измѣненіямъ и такимъ образомъ выработалось въ склоненіи и вообще въ словообразованіи соотвѣтствіе глухихъ придувныхъ въ концѣ словъ звонкимъ мгновеннымъ въ серединѣ словъ. *Примѣч. автора въ 1876 г.*

съ раскрытыми голосовыми связками, мы уже видѣли. Наконецъ, подобныя же измѣненія взрывныхъ звонкихъ (и даже глухихъ) въ сочетаніи съ слѣдующимъ слитнымъ согласнымъ č (ч) объясняются тѣмъ, что и первый составный элементъ слитнаго č (tš), то-есть, нѣкотораго рода t, тоже произносится съ раскрытыми голосовыми связками, ибо только такимъ образомъ возможно такое тѣсное слитіе обоихъ элементовъ, взрывнаго и придувнаго.

Съ этими измѣненіями бохинско-посавскаго говора, d въ ϑ и s, b въ φ и f, g въ h, можно сравнить прежде всего общеизвѣстный нѣмецкій перебой звуковъ (lautverschiebung), состоящій въ томъ, что звонкій взрывный согласный переходитъ въ глухой съ раскрытыми связками, затѣмъ, этотъ послѣдній развивается въ слитный изъ мгновеннаго (взрывнаго) и продолжительнаго (придувнаго) и, наконецъ, въ чистый придувной согласный соотвѣтствующаго органа. Кромѣ того, эти бохинско-посавскія измѣненія можно сравнить еще тоже съ нѣмецкимъ звуковымъ закономъ, по которому сочетанія bt и pt переходятъ въ ft, dt и tt—въ st, kt и gt — въ ht (cht) и т. п., съ происходящимъ почти во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ измѣненіемъ зубныхъ взрывныхъ согласныхъ (d, t), въ сочетаніи съ слѣдующимъ t, въ s (tt = st), передъ d же — въ z (dd = zd), съ русско-польскимъ хт (ht) вм. кт (kt), хк (hk) вм. кк (kk) (кто, никто, мягкій и т. п.), съ древне-греческою замѣною конечнаго t (τ) согласнымъ s (ς), и т. д. и т. д.

§ 56. Возвращаясь еще разъ къ нашему, бохинско-посавскому, говору, нужно замѣтить, что названныя измѣненія -d въ -ϑ (s), -b въ -f, -g въ -h, такъ срослись съ природою его представителей, то-есть, говорящихъ на немъ индивидуумовъ, что они распространяются ими далеко за предѣлы живой, говоримой рѣчи. Даже читая или поя искусственно заученныя пѣсни, составленныя не на ихъ говорѣ, жители Бохиня, Копривника, Бледа и т. д. замѣняютъ каждое конечное d, b, g согласными ϑ, f, h, не смотря на то, что, какъ читая, такъ и поя эти искуственныя пѣсни, они въ другихъ отношеніяхъ усваиваютъ себѣ чуждое имъ произношеніе, чужія формы и слова. Такъ напримѣръ, въ одной пѣснѣ, рядомъ съ чуждыми бохинско-посавскому говору „tíčke“ вм. „tíčče“ (птички), „lépo“ вм. „lьpó“ (прекрасно), „pojó“ вм. „pojéjo“ (поютъ), „pь̀ršwa“ вм. „pьršwà“ (пришла) и т. д.,

все же таки я постоянно слышалъ только „spomwáϑ", а не „spomwát" (весна) и т. п. Даже тѣ, которые на столько навострились, что, поя или читая, совершенно свободно произносятъ чуждое имъ l вм. w, по отношенію однакожь къ замѣнѣ -d, -b, -g согласными -ϑ (-s), -f, -h, остаются вѣрными своему говору. И это вовсе не удивительно, если сообразить, что при чтеніи всегда происходитъ своего рода усваиваніе чужаго языковаго матеріала, который и приноравливается болѣе или менѣе къ даннымъ физіологическимъ и фонетически-морфологическимъ условіямъ языка читающаго индивидуума.

Въ рукописи, содержащей въ себѣ пѣсню, озаглавленную „Sim slovenska deklica" (я словенская дѣвушка), списанную одною дѣвушкой изъ Бохинской Быстрицы, я нашелъ слѣдующее двустишіе:

„Polej *grof* mu venčala
I junaka vriskala"

(потомъ она увѣнчала цвѣтами его могилу и оплакивала героя). *grof* здѣсь стоитъ вм. *grob* (могила), и т. д.

Мало того. Наши Бохино-Посавцы заносятъ свойственную имъ замѣну конечныхъ d, g, b согласными ϑ (s), h, f, даже въ произношеніе иностранныхъ языковъ, между прочимъ, нѣмецкаго.

Приводя примѣры перехода -d въ -ϑ (s), я указалъ на случаи, въ которыхъ даже d, очутившееся въ концѣ словъ только въ новѣйшее время, вслѣдствіе совершенно вторичныхъ сокращеній, подвергается точно такому же измѣненію. Здѣсь однакоже я могу указать на одну область языка, въ которой измѣненіе или же неизмѣненіе конечныхъ d, b, g въ ϑ, f, h служитъ признакомъ древняго или же позднѣйшаго исчезновенія конечнаго гласнаго. Это — различіе прилагательныхъ простаго, существительнаго и сложнаго, мѣстоименнаго склоненія: въ именит. ед. по существ. склоненію мы встрѣчаемъ названныя измѣненія, въ именит. ед. муж. же по сложному склоненію ϑ, f, h замѣнены или самими же -d, b, g, или же соотвѣтствующими имъ взрывными глухими согласными. И такъ, съ одной стороны, tьrϑ krъ̀h (твердый хлѣбъ), tó je tь̀rϑ l'és (это твердый лѣсъ, твердое дерево), swáf krъ̀h (плохой хлѣбъ) и т. д., съ другой же стороны: ta tь̀rt krъ̀h (этотъ твердый хлѣбъ), ta tь̀rd lés

(это твердое дерево), ta swáp krъ'h (этотъ плохой хлѣбъ) и т. д. Ср., напримѣръ, an debéu čwō'k (одинъ толстый человѣкъ) и ta debél čwō'k и т. д.

§ 57. Чтó касается измѣненій другихъ согласныхъ въ концѣ словъ, то они не составляютъ характеристической особенности бохинско-посавскаго говора, и раздѣляются имъ тоже съ другими словенскими говорами и даже, по крайней мѣрѣ отчасти, со всѣми индоевропейскими языками. Такъ напримѣръ, согласный звонкій z (з) въ концѣ словъ не возможенъ и онъ замѣняется соотвѣтствующимъ ему глухимъ s (с), согласные w и j (это послѣднее впрочемъ не всегда) вокализуются, и или составляютъ съ предшествующимъ гласнымъ дифтонгъ, или же (w по крайней мѣрѣ) даютъ начало новому, вторично развившемуся, слогу.

Это, только что разобранное, свойство, каждое конечное d, b, g замѣнять придувнымъ согласнымъ, ϑ (s), f, h, мы встрѣчаемъ тоже въ нѣкоторыхъ другихъ говорахъ, преимущественно же въ толиминскомъ (тминскомъ), въ образовавшемся подъ его вліяніемъ онѣмеченномъ словенскомъ говорѣ ословенившихся жителей Горицкаго Нѣмецкаго Рота, и т. д. Въ цирклянскомъ же говорѣ только-что названнымъ звукамъ соотвѣтствуютъ придыхательные t и p. Что касается конечнаго g, то оно и здѣсь развилось въ h, такъ какъ цирклянскій говоръ принадлежитъ, вмѣстѣ съ толиминскимъ, къ числу говоровъ, замѣнившихъ вообще взрывное g въ придувной звукъ, тожественный съ соотвѣтствующимъ ему звукомъ въ чешскомъ и малорусскомъ нарѣчіи; а, какъ извѣстно, этотъ придувной звонкій согласный долженъ перейти въ концѣ словъ именно въ глухое придыхательное h (x), подобно тому, какъ z переходитъ въ s.

§ 58. 4. Согласный k (g, k), въ сочетаніи съ слѣдующимъ k, t, p и т. п., переходитъ въ h, напримѣръ, mjéhkъ, mjъhkó (мягко), nóht (ноготь), nъhčé (никто), и т. п.

Такое же измѣненіе въ h произошло тоже съ предлогомъ k (къ), когда ему приходилось сочетаться съ согласными, обусловливающими переходъ предшествующаго k въ h. Въ этой вторичной формѣ (h) онъ распространился на всѣ случаи его употребленія, но только въ восточной половинѣ нашего говора, тогда какъ западной предлогъ k въ видѣ h свойственъ только въ случаяхъ, обусловленныхъ фи-

зіологическою необходимостью. Примѣры я приведу при представленіи діалектическихъ подраздѣленій бох.-пос. говора (§ 76).

5. tk = hk, tt = ht, то-есть, t въ сочетаніи съ слѣдующимъ k или же t измѣняется въ h: hkát; hkál so (ткать, ткали), shkátь (соткать), preϑ hkáuca (передъ ткача), kráhkъ (кратко), sírahka (сыворотка), и т. д., oh tьrbúha (отъ брюха), oh tьgà (отъ того) и т. д., sé jæ uhtájωu præ'č (оттаялъ прочь), ohtь'rgou (оторвалъ) и т. д.

Впрочемъ, и здѣсь имѣется нѣкотораго рода разнообразіе въ отдѣльныхъ діалектическихъ оттѣнкахъ говора. Ср., напримѣръ, síroϑka Srw. (сыворотка), krášk, krátk Srw. (краткій) и т. п.

Формы, какъ bō'tæ (будете) вм. bóstæ, bóta (вы два будете) и т. п., развились не вслѣдствіе фонетическихъ процессовъ, но подъ вліяніемъ аналогіи.

6. bc = fc, bč = fč, то есть, b (б), прійдя въ соприкосновеніе съ слѣдующимъ c (ц) или же č (ч), измѣняется въ f: žébьc (жеребецъ)—žéfca, h' žéfco, мн. им. žéfcь; báfca р. съ bápca (самка); hlébьc (булка хлѣба,—родъ цвѣтовъ) — мн. им. hléfcē, и т. д.; hrífčьk (холмикъ) р. съ hríf, род. hríba (холмъ), Grábьč — род. z Gráfča (названіе мѣстности) и т. д.

Иногда встрѣчается тоже pc = fc, то-есть, измѣненіе и этимологическаго p (п) въ сочетаніи съ c (ц) въ f, напримѣръ: hwápьc (слуга, батракъ) — ед. род. hwáfca, мн. вин. hwáfce, и т. д. Но это измѣненіе есть далеко не общее въ нашемъ говорѣ.

§ 59. 7. čk = šk, то-есть, согласный č (ч), въ сочетаніи съ слѣдующимъ k, лишается своего взрывнаго элемента и переходитъ въ š (ш): máčьk (котъ)—род. máška, жен. máška (кошка) и т. п.

8. hč = šč, то-есть, h (х), въ соединеніи съ слѣдующимъ č (ч), переходитъ въ š (ш): mjéšče (мягкія), bьršči (красивые), swáščьga (сладкаго) и т. д.

9. Обще-слав. sły-(стсл. слы) = sli- = šli-, то-есть, s (с), въ соединеніи съ мягкимъ l (ль), смягченнымъ подъ вліяніемъ развившагося изъ y (ы) гласнаго i, переходитъ въ š (ш): šlíšau, šlíšωu, šlíšawa (слышалъ, слышала) и т. д. (¹).

(¹) Измѣненіе начальнаго s въ š въ словѣ šlíšau, šlíšawa и т. п. произошло подъ вліяніемъ согласнаго š слѣдующаго слога. См. Опыт фонетики резьянских говоров И. Бодуэна-де-Куртенэ. Варшава. Петербург. 1875. § 77. *Примѣч. автора въ 1876 г.*

10. čr̃ = č, то-есть, изъ первоначальнаго словенскаго čr̃ (чр), живущаго до сихъ поръ во многихъ словенскихъ говорахъ, въ бохинско-посавскомъ осталось одно только č (ч), r (р) же исчезло: čés (черезъ), čéšna, čéšńa (черешня), čéwьl, čéul, čéwъl' и т. п. (башмакъ, футъ) и т. д.

žr = ž, то-есть, изъ сочетанія согласныхъ žr (жр) остается только ž (ж): žébьc, žéfca (жеребецъ), žébe (жеребенокъ) и т. д.

§ 60. 11. Въ сочетаніяхъ согласныхъ, состоящихъ изъ какого-нибудь согласнаго и согласнаго w, все равно, развился-ли этотъ согл. w изъ v или же изъ ł (л), остался во многихъ случаяхъ только первый согласный, w же исчезло.

1) w изъ v: а) tv = tw = t, dv = dŵ = d: tóje (твоей), u tójьh (въ твоихъ), s tójьm (съ твоимъ), s tójo (съ твоею) и т. д.; dór (дворъ) и т. д.;

б) sv = sw = s: sójæ (свое), sójᵇga, sójga (своего), sóᵇmъ (своему), sóje (свои), ˇıs sójьh búkū (изъ своей книги), s sójьm nogám (съ своими ногами) и т. д.; sóra (одна часть колеса, ср. польское sworzeń) и т. д.

2) w изъ ł (л): а) kw, gw = k, g: kóp (скамья), kobúk (шляпа) и т. д.; gúh, gúha, gъší, gъšé (глухъ, глухая, глухіе, глухія) и т. д.;

б) pw, bw = p, b: pót (плетень, заборъ) и т. д.; bohà (блоха) и т. д.

в) sw, zw = s, z: súžьm, sъžíts, súžьt, sužílě, suží wa (служу, служить, служили, служила), sužbà (служба, жалованіе) и т. д. р. съ u šlúžbь (на службѣ), pošlúšam (послушаю) и т. д.; zugáu, zъgóu и т. п. (солгалъ) и т. д. (ср. главу о вокализаціи согласнаго w въ серединѣ словъ, §§ 27, 71—73).

г) čw = č: h tmó čowjéko (къ этому человѣку) р. съ čwóuk = čwówъk, čwowjéka и т. д.

Разумѣется, что въ тѣхъ діалектическихъ оттѣнкахъ, въ которыхъ живетъ l вм. w, не можетъ быть рѣчи о сочетаніяхъ согласныхъ, составленныхъ изъ w, развившагося изъ ł. Нѣкоторое разнообразіе въ этомъ отношеніи мы увидимъ именно при разборѣ діалектическихъ оттѣнковъ.

§ 61. 12. zdv = zd = z, то-есть, изъ цѣлой группы согласныхъ zdv (здв), равной общесловенскому zd (зд), остается въ нашемъ говорѣ одно только z (з) въ словѣ uzьgwáts (воздвигать, подымать), ozígnuwa (подняла) и т. д.

13. šč = š, то-есть, сочетаніе согласныхъ šč (шч, щ) сократилось въ бохинско-посавскомъ говорѣ въ š (ш):

Šáwьnk, Šáwьnca (имена горъ) и т. п.;

pwáš (плащъ, шинель), na wáš (нарочно), и т. п.;

waníše (льнище, льняное поле), stьrníše (стернище, пожниво, ржище, поле послѣ жатвы, ср. поль. ścierniško), pьríše (ладонь, горсть), h pokopalíšo (къ кладбищу) и т. д.; wádiše (пристань) и т. п.;

táša (теща), góša (лѣсъ), jíšæš (ищешь), zrášen (выросшій), obrášenь (обросшіе) и т. д.;

pišáu (пищалка, свирѣль), košíca (косточка), ušína (лущина, шелуха), ъšína (воскъ) и т. д.

По аналогіи къ zrášen, obrášen и т. п. образовалось тоже rasé (ростетъ) вм. rasté и т. п.

§ 62. 14. -t- = -d-, то есть, t между двумя гласными перешло въ нѣкоторыхъ словахъ въ d: cŭdæ' и т. д. (цвѣтетъ), médæm и т. д. (мету, дѣлаю масло), plæ'dæm и т. д. (плету) и т. д. (1).

Переходъ t въ d доказываетъ, что это было t, сопровождаемое взрывомъ голосовыхъ связокъ, ибо другому t, съ раскрытыми голосовыми связками, не зачѣмъ было переходить въ болѣе трудное d. Скорѣе возможенъ обратный переходъ, то-есть, согласнаго d въ только-что названное t, какъ это и имѣетъ мѣсто при нѣмецкомъ перебоѣ согласныхъ (lautverschiebung).

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ t и d между двумя гласными показываютъ стремленіе къ переходу въ ϑ и δ (звонкій согласный, образуемый въ остальномъ совершенно такъ же, какъ ϑ; въ этотъ согласный развилось между прочимъ въ новогреческомъ древнегреческое d (δ)). Такъ напримѣръ, mwatíts, mwátьt Češ. (молотить), гдѣ первое t представляетъ нѣчто среднее между t и ϑ; káϑьrman Češ. (нѣчто въ родѣ водосточной трубы); túδь Češ. (тоже); narьδí Srw. (сдѣлаетъ), ta dьnár pa δæ'j tь'm Kopr. (эти деньги же дай тѣмъ) и т. д.; wjíϑtь Kopr. (знать) и т. д.

§ 63. 15. Исчезновеніе w между двумя гласными произошло въ словѣ goorít Bl. (говорить) и т. п.

(1) Это вовсе не чисто фонетическое измѣненіе одного звука въ другой, но замѣна одного звука другимъ подъ вліяніемъ аналогіи.

Примѣч. автора въ 1876 г.

16. Исчезновеніе h въ началѣ слова мы встрѣчаемъ въ словѣ wóčem (хочу), ʷóče (хочетъ) и т. д.

17. Исчезновеніе сочетанія gł (гл) въ началѣ словъ, gł = gw = 0, произошло въ словѣ obók, wobók, əbóka, wъbóka, ʷobóka, ъbóka, obóko (глубокъ, глубока, глубоко) и т. д.

18. Появленіе согласнаго g (г) передъ начальнымъ гласнымъ u (у) слова: gún (тотъ), gúna (та), мн. им. муж. gúnĕ, жен. gúne (тѣ), gúna stran (та сторона), na gún stránь (на той сторонѣ), na gúnkræj, gúnkræj (съ той стороны, на томъ берегу) и т. д. р. съ ón (онъ) и т. п. — Я впрочемъ не рѣшаюсь окончательно утверждать, что g въ этомъ словѣ есть въ самомъ дѣлѣ чисто фонетическое явленіе, а напротивъ того догадываюсь или какого-нибудь другаго корня или же вліянія какой-нибудь аналогіи.

II. Гласные.

1. *Полноударенные гласные.*

§ 64. Еще въ отдѣлѣ общесловенскихъ свойствъ я разобралъ бох.-пос. видоизмѣненія полноударенныхъ á, ú, í, ъ́, ь́, и для этого отдѣла мнѣ остались только видоизмѣненія полноударенныхъ ó, ą́ (ѫ), é, ę́ (ѧ), ѣ́, въ которыхъ по преимуществу и выражается индивидуальность отдѣльныхъ словенскихъ говоровъ. Но и въ своеобразномъ измѣненіи только что названныхъ гласныхъ нашъ діалектъ не представляетъ ничего особеннаго. Кромѣ общесловенской замѣны носовыхъ гласныхъ ą (ѫ) и ę (ѧ) чистыми гласными (хотя впрочемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ живутъ до сихъ поръ остатки носовыхъ гласныхъ), особенное развитіе этихъ полноударенныхъ гласныхъ выразилось въ бох.-пос. говорѣ, рядомъ съ сохраненіемъ ихъ древняго раствора, o и e, только еще ихъ съуженіемъ, по лѣстницѣ отъ o къ u (у), и отъ e къ i. Эти съуженія нашъ говоръ раздѣляетъ тоже съ значительнымъ большинствомъ другихъ словенскихъ говоровъ. Впрочемъ съуженія эти далеко не одинаковы во всѣхъ отѣнкахъ бох.-пос. говора. Можно вообще сказать, что чѣмъ далѣе отъ востока къ западу, тѣмъ замѣтнѣе эти съуженія, такъ что, наконецъ, преимущественно полноударенный замѣнитель гласнаго ѣ сливается съ долгимъ полноудареннымъ í; хотя есть тоже исключенія отъ этого общаго правила.

Подробности названнаго разнообразія я разберу въ главѣ о діалектическомъ подраздѣленіи бохинско-посавскаго говора.

§ 65. 1) Полноударенное ó = ó, ώ, ú и т. п.:

s'nó (сѣно), štó (сто), zlató (золото), šló (шло), zló или zwó (очень), swaϑkó, swahkó, swaskó, slaϑkó, slahkó (сладко, сладкое), gwaϑkó р. съ gwáϑkъ, gwásko (гладко), mьhkó (мягко), kokó (какъ), bw'ω (было), и т. д.;

wώn, ón (онъ), stώh (стогъ), búh (богъ), sóm (сомъ) — мн. sómĕ, dór (дворъ), óč (хочешь), ʷón (награда) — нѣм. lohn, и т. д.;

usók (высокій), obók, obóka (глубокій), okól (вокругъ, кругомъ), potór (топоръ) и т. д.;

ʷójska (война), dróbna (дробная, имя коровы), dróbnьga (мелкаго), dóbrъ (хорошо), dóst (довольно), spódne (нижнія), zgórne (верхнія), u ógnĕ (въ огнѣ), óknъ (окно), wónc (горшокъ) и т. д.;

ʷósa (оса), bólæ (лучше), wóčæm и т. д. (хочу), óčæ (хочетъ), dólĕ (снизу), sóko góro (высокую гору), hódь (ходитъ), có góre (на самомъ верху), co gór na góre (на самомъ верху горы), wómь (ломаетъ), po nóčь (ночью), na nógah (на ногахъ), na prώdæj (на продажу), и т. д.

2) Полноударенное ą́ (ж́) = ó и т. п.:

só (суть, 3 множ.), gwawó (голову), и т д.;

z rôk (изъ рукъ), môš (мужъ, человѣкъ), gôs (гусь), kôs (кусъ, много), kôt (уголъ), и т. д.; bom (буду) и т. п.;

otkóϑ (откуда), и т. д.;

ʷógu, мн. ʷógle (уголь, угли), nóťrĭ (внутри), gôsc, gódьc, gósca (музыкантъ), и т. д.;

kósu (кушалъ, ѣлъ), póka (хлопаетъ), róko (руку), góba (грибъ), stópa (ступаетъ), tóča (градъ), bówa, bómo, bótæ (будемъ мы два, будемъ, будете), móka (мука́), kóča (пастушій шалашъ), na Lógъ (мѣстность: на Лугу), góša (лѣсъ) и т. д.

§ 66. 3) Полноударенное é = é, í, ǽ и т. п. (ср. главу объ ударенiи, §§ 4—6, 35—40).

če (если), и т. д.; je, jæ (есть), zažjé (сожжетъ) и т. д.;

jæsén (ясень) — род. jæséna, uléč se (ложиться), jьmǽn (именъ) (ср. главу о вторичномъ удареніи, § 39), pečén (печенъ), и т. д.;

štérna (колодецъ) — итал. cisterna, djésna (правая), na djísno (на право), zémla, zíml'a (земля), žénska (женщина), tó s j ьrzľégwo (вотъ раздалось), šéstra (сестра), и т. д.;

ńiswa (несла) и т. д.; méłwa, mjéłwa (метла), smjéte (сметки, соръ), stá sæ tæ'pwa (двое дралось), pod ræ'bra (подъ ребра) и т. д. (ср. главу о вторичномъ удареніи) и т. д.;

kérь (который), ktéro (которую), ktérga и т. п. (котораго), wčéra (вчера), ot hčére, ō hčére (отъ дочери), bъčéwa (пчела)—род. мн. bъčeu, zélæ (капуста), sta bā' weśiwa (они два были веселы, ихъ двое было веселыхъ), śédьm (семь), jézьro (озеро), rćku (сказалъ), réče (сказать), so rékl (сказали), ńésu, nésu (несъ), žéne (гонитъ), zьl'éne (зеленыя), smjétæna (сметана), wečír (вечеръ), zwećér (вечеромъ), wečérja (ужинъ), pjéra (перья) и т. д.; téta (тетка), téle (теленокъ), wreténo (веретено), mjéja, méja (межа, граница), wélьk jézьro (большое озеро), ječmjéna (ячменя), žéńьn (женихъ), se ulæ'žæm, sъ'n se ulégu (я ложусь, я ложился), S'éwo, na Séle (деревня Село), tćéce (родъ грушъ), trét'o (третій разъ), trétjь (третій) и т. д.; tæ'čæ (течетъ), pьr sæ'bě (при себѣ), žæ'na (жена), kъræ'na (морковь), ʷčæ'ræⁱ (вчера), jæ'lēn (олень), s'čæ'mo (сѣчемъ, косимъ), læ'žωu (лежалъ) и т. д. (ср. главу о вторичномъ удареніи, § 39).

§ 67. 4) Полноударенное ę (ѧ')=é, é, æ' (ср. главу объ удареніи, §§ 35—40):

wolé, woléta (теленокъ), ž'bé (жеребенокъ), imé (имя) р. съ мн. род. jьmæ'n и т. п., præsé (поросенокъ) р. съ мн. вин. praśéta, nojé (ноги), mьščé (мягкія), šlé (шли) и т. д.;

ʷźéu (взялъ), pét, pjét (пять), rép (хвостъ), zét, zéta (зять), wéč (много), swjét (святой) и т. д., pjést (кулакъ) и т. д.; gréš (идешь) и т. д.;

dewjét jьn dewjédeśét (99) и т. д.;

jédro (ядро), préstь (прясть), jéčmьn, od ječména (ячмень), mjéšče (мягкія) и т. д.; stégno=stégьn (ляжка), мн. stégna (ляжки), téška (тяжелая) и т. д.;

mjéča (икра), мн. mjéče (икры), pьrwjézan (привязанъ), swjétьga (святаго), začétek (начало), začéwo (начало), začéle (начали), začétь, začéu (начать, началъ), s'nožétь (луга), jéza, jézatь se, se jézam (гнѣвъ, сердиться, сержусь), jézьn (сердитъ), zébæ (морозитъ, холодно), pét'k (пятница), мн. мѣст. и pjéščьh, pjétь (пятый), objétě (обнять), и т. д.; détala, d'étæla и т. п. (дятлина), pjéta (пята)—мн. pьté, tæléta (телята), glédat, glédam (смотрѣть, смотрю), zakléu, zakléwa (заклялъ, заклялa), klétě, klét (проклинать), prédem, prédejo (пряду, прядутъ), prédæ (прядетъ), préja (пряжа), wjézat (sup.),

wjьzátь (inf.), zwjézano, zwjézau (вязать, связано, связалъ), gowédьna, gowéje mьsó (говядина), tézek jézek (тажелый языкъ), jézьk, jésk и т. п. (языкъ), žéjěn (жаждущій), užétě (сжать), žétu (жатва), žétě, žet (жать), o[d] dwæjsétьh (отъ двадцати), naprézæm, sprécь, sprégat (запрягу, запрячь, запрягать), séžæm, ségu, zaséčě (сягну, сягнулъ, сягнуть), plésat, pléšæm, plésemo (плясать, пляшу, пляшемъ, то есть, танцовать и т. д.), ед. род. plésa (танца), и т. д. (ср. главу о вторичномъ удареніи).

§ 68. 5) Полноударенное ѣ=ẹ, í, é и т. п. (ср. главу объ удареніи):

jẹm, jẹš, jẹ (ѣмъ, ѣшь, ѣстъ), jéstě, jẹstь, jíst (sup.), jẹdu, jídu, jídwa (ѣсть, ѣлъ, ѣла), ujẹ (угрызетъ), sńídu, snẹ, sńídwa (съѣлъ, съѣстъ, съѣла), wjẹm, wjẹ, wjẹt'tě, uwjẹdu (знаю, знаетъ, знать, узналъ), se wjẹ da (конечно), wjíϑtь (знать), na dí (не мѣшаетъ: „na dí ál pa na škódь"), и т. д.; dwjẹ сьrklé (двѣ церкви) и т. д.;

bríh (берегъ, гора), wečd'íu (по большей части), lẹs, l'ẹs (дрова), rẹs, rís (правда, въ самомъ дѣлѣ), prẹh pa (прежде же), ríč (вещь), mjíh (мѣшокъ), sńíh (снѣгъ), swjít (земля), и т. д.; s tẹm (съ этимъ) и т. д.;

naprẹj, naprẹ (впередъ) и т. д.;

sošẹska (община), pjẹsk, pjẹsknata (песокъ, песчаная), na cẹstь (на дорогѣ), pohlẹuna (покорная), cẹuga (цѣлаго), mjẹsto, mjísto (городъ), nъwjẹsta, nowjẹsta (невѣста), naslẹdńьk (наслѣдникъ), Gorẹnc, Gorẹńc, Goríńc (Горѣнецъ, верхній Крайнецъ), mlẹstě, mlẹst (доить), na Zabrẹznьm (деревня этого имени), čẹšna (черешня), sẹdwo (сѣдло), cwẹtjæ (цвѣты), gńízdo (гнѣздо), díkwa (дѣвка, служанка), ríϑka (рѣдкая) и т. д.;

strẹzьn (трезвый), mlẹko, ml'íko, mlẹk (молоко), smrẹka, smríka (сосна), po srẹdь (по серединѣ), pó te srẹdńě (по средней), strẹha (крыша), strího, pot strího (крышу, подъ крышею), brẹza, iz brẹzьnga lьsà (береза, изъ березоваго лѣсу, —дерева), srẹńa (мѣстопребываніе общинныхъ властей), zrjẹwa, zrẹwa (зрѣлая), brízast (березастый,—кличка вола извѣстнаго цвѣта), prẹwas (перелазъ у забора), wrẹmæ (погода), tríba (нужно), žrít (глотать), z Zabríga (мѣстность), drẹwь (сегодня вечеромъ) и т. д.; čẹzьn (черезъ него), číwa (черева), čídam (стадамъ), čídьńk (главный пастухъ), číul'e (башмаки), číwьl (башмакъ), žẹb[ь]c, žẹfca (жеребецъ), [w]órh, cod

oréha, oréše (орѣхи), rípa, répa (рѣпа), rjéžæm (рѣжу), rézan (рѣзанъ), rišu (спасъ) и т. д.; strěžæm, ustrégu, ustrégwa, ustréčь, stréč (прислуживать, удовлетворять) и т. д.;

lépa, l'ípa (красивая), u stó létьh, stó lét (въ сто лѣтъ), po l'ít (по лѣту, лѣтомъ), léto, l'éto (лѣта, годъ), tri l'íta (три года), po létnьm cájtь (въ лѣтнее время), dóbra l'ítna (хорошій годъ,—въ хозяйственномъ отношеніи), létos, l'ítos (въ семъ году), léšз, léšńičь, léšьńk (орѣхъ), na l'íwo (на лѣво), hléu, ot hléwa (хлѣвъ), wlíčæ, wlíčь (тянетъ, тянуть), zl'ízu (взлѣзъ), koljéno (колѣно), и т. д.; béwa, bjéwo, bjíwa, bjiu (бѣлый, бѣлая), sta jьmjéwa (они два имѣли), jьmjélь (имѣли), letjélь, жен. letjélæ (летѣли), и т. д.; umrétь (умереть), cudétě (цвѣсти), и т. д.; besjéda, besjédo (слово), s tém sosjédam (съ этимъ сосѣдомъ); sosé϶, sosjéda, sosjédje (сосѣдъ), sjékat dьrwá (колоть дрова), sjíkamo, sjíč (sup.), sjíčь (inf.), sjéčæjo (сѣчь, косить), posjéčæjo, sæ posjíčæ, posjíkalь, posjíkωu, posjíkawa (посѣчь, покосить), otsjíkωu (отсѣкъ), ssíkau (ссѣкъ), séča (лугъ), sjímjä (произносится почти какъ рус. сѣмя) (сѣмя), sédu (сѣлъ), sjídæ (сядетъ), díwat, djíwatь, djíwajo, díwawa, díwa (дѣлать, дѣлаютъ, мы два дѣлаемъ, дѣлаетъ), djíwau (дѣлалъ), sæ díwa (дѣлается), odjéjo (одежду), u més (между тѣмъ, вмѣстѣ, перемѣшано), mjíšajo (смѣшиваютъ), sæ ńi zmjénu z ńím (не обмѣнялся съ нимъ словами, не разговаривалъ съ нимъ), næ smjéjtæ (не смѣйте), smjíjat sæ (смѣяться), ьrména (желтая), objíšьn (повѣшенъ), powjédωu (говорилъ), wjéja (вѣтвь), wjítær (вѣтеръ) и т. д.;

præ'past (пропасть) и т. п. (ср. главу о вторичномъ удареніи, §§ 39, 40).

Итакъ мы видимъ, что болѣе всѣхъ другихъ гласныхъ подвергаются съуженію полноударенные замѣнители древнеславянскаго гласнаго, соотвѣтствующій которому звукъ старославянскаго языка обозначается въ старославянскомъ правописаніи буквою ѣ.

2. *Измѣненіе гласныхъ* u (у) *и* i *въ концѣ словъ въ* o *и* e *или же, по крайней мѣрѣ, въ звуки, средніе между* u *и* o *и между* i *и* e.

§ 69. 1) u ⋟ o, то-есть, измѣненіе u по лѣстницѣ отъ u къ o:

a) ú ⋟ ó: h kьrstò (къ крещенію), na dnὼ pьkwà (на днѣ ада) и т. п.;

mò, mcò̜ (ему), préče nmò (напротивъ нему, къ нему, ему); h tьmcò̜ (къ этому), tьmò, 't'mò, tьmcò̜, tmò (этому), u tьmcò̜ kónсь, u—, na tьmò kónсь (въ этомъ концѣ), o tmò le krájъ (въ этой сторонѣ, въ этомъ мѣстѣ), u tmòlæ žàkŭl (въ этомъ мѣшкѣ) и т. д., k anmcò̜ wьrtcò̜ (къ одному саду), и т. д.;

tò (здѣсь) и т. п.;

однакожь только komú и т. д. (кому) и т. п.

б) Неударенное ų ⋟ o;

čwowjékco̜ (человѣку), gospódo (господину), h máškco̜ (къ коту), préče Bljáko (противъ Бѣляка—Villach), h cesárjco̜ nášьmco̜ (къ императору нашему), fájmoštro (приходскому священнику) и т. д.;

mo: tí mo na smjéš powjédatě (ты ему не смѣешь сказать), ti mo móræš powjédatě (ты ему долженъ сказать), dá je mo žco̜u pótlь bwó (что ему было послѣ жаль), и т. д.;

pьr wrátco̜ (при шеѣ), na swéto (на свѣтѣ), prь cesárjco̜ (при императорѣ), na kónco̜ (на лошади), pьr máškco̜ (при котѣ), и т. д.;

táčьmo (такому), átmo mь'rtlьmo (этому мертвецу) и т. д.;

na gúnmo kónсь (на томъ концѣ), ъ (co̜) bléščьmo kráje̊ (въ Бледскомъ мѣстѣ, въ Бледѣ) и т. д.; ū' kanco (мѣстность того имени) и т. д.;

o sréds wozà (посреди воза), o tmò le krájъ (въ этомъ мѣстѣ), co̜ podób (въ видѣ) и т. д.;

co̜zígnuwa (воздвигла, подняла) и т. д.;

co̜ dwá, co̜ dwé (вы два, вы двѣ) и т. д.

§ 70. 2) į ⋟ e, то есть, историческое движеніе отъ і по направленію къ е:

а) ì ⋟ é:

муж. мн. им.: bьlé (были), pьršlè (пришли), šlé (шли) и т. д.; bьrščé (красивые) и т. д.;

h 'r-žè, u ržè (ко ржи, во ржи), u wsь' (въ деревнѣ), h ušè (ко вши), na kьrwè (на крови), и т. д. [впрочемъ, эти формы могли развиться подъ вліяніемъ аналогіи, такъ что è явилось бы здѣсь въ такомъ случаѣ замѣнителемъ не древняго ì, но древняго ѣ,—ср., напримѣръ, wъdè (водѣ), po stьzè (по тропинкѣ), u pьklè (въ аду) и т. п.];

za durmjь' (за дверми), z nьmь' (съ ними) и т. д.;

močé (молчитъ), bolé (болитъ) и т. д.;

uzmjь (возьми), žjè, zažjè (жги, сожги) и т. д.;

Однакоже: жен. ед. род.: 'rži (ржи), s rьčí (изо скалы), od uši (ото вши) и т. д.; двойств. dwje uší (двѣ вши) и т. д.; множ. им. uši (вши), usjí (деревни), и т. д.; род. od uši (отъ вшей), nьtí (нитей) и т. д.; ед. жен. им. krí (кровь) и т. д.; мн. творит. z ušmjí (со вшами), z mĕšmjí (съ мышами) и т. д.

б) Неударенное i ⇝ e:

máte (мать) и т. п.; ta spódne rωt (нижній лугъ), górše (лучше, им. ед. муж.) и т. п., na nášьmo róte (на нашемъ лугу), pьr kosjíle (за обѣдомъ), u ógne (въ огнѣ), и т. д.; góre (сверху) и т. п.; so páure pьrpoudъwále štáre (мужики разсказывали, старые), metíle (бабочки), wjídle (видѣли), táče (такіе) и т. д.

Впрочемъ, при неударенномъ i ⇝ e нужно принять во вниманіе два обстоятельства: 1) что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ конечное e является замѣнителемъ не древняго i, но древняго ѣ; 2) что, какъ извѣстно, неударенное i и неударенное e (e, ę, ѣ) смѣшиваются безразлично въ словенскихъ говорахъ.

Мое представленіе этого закона бохинско-посавскаго говора (u ⇝ o, i ⇝ e) только указываетъ на него, но далеко не исчерпываетъ всѣхъ его подробностей. Для этого нужно было бы съ возможною точностью разсмотрѣть всѣ случаи, а подобное разсмотрѣніе требовало бы слишкомъ много времени.

III. Слоги. Согласные и Гласные.

§ 71. 1. *Бохинско-посавскія соотвѣтствія древне-славянскимъ* ъl (ъл) = lъ (лъ).

1) Ударенные слоги: u čωn pojdь (ступай въ лодку) и т. д.;

dóh, dóuga, dógo, dъh, dωuga, род. муж. dójga, мн. им. dójь (долгій и т. д.), tok dóg, tok dógo (такъ долго), kakó dóg' (какъ долго), dóh čas (скука) и т. д.; zdófste = zdófte, zdóbæm (выдолбить, я выдолблю) и т. д.;

mózu, mózwa (доилъ, доила) и т. д.;

póš (слизень, улитка) и т. д.; sóńčnь, sωnčnь (солнечный) и т. д.;

tóᵘku, tŏ'ku, tókwa (толокъ, кололъ, колола), tócь (коли), stóku (скололъ) и т. д.;

ʷók, wćok (волкъ); wóᵘna, wóna (волна, шерсть) и т. д.; j obćoku (надѣлъ) и т. д.

2) Неударенные: dožíu (винилъ, обвинялъ), dъžnó pjísmo (заемный листъ) и т. д.; mozá (доитъ), mozæ'm (дою), močát (молчать), močé (молчитъ) и т. д.; zdobæ'wa (мы два выдолбимъ) и т. д.; konæ'm (кляну, проклинаю) и т. д.; točæ' (колетъ), toćæ'm, tocítæ (колю, колите) и т. д.; wokà (волка), učjé, ukówь (волки) и т. д. Нѣкоторые случаи исчезновенія неударенпаго ъł (ъл) (tčæ', mzæ' и т. п.) приведены мною подъ рубрикою неударенпаго o (§ 9).

2. *Замѣна древнеслав. сочетаній звуковъ* vъ *и* vь (въ *и* вь) *въ односложныхъ словахъ гласнымъ* u (у).

úš и т. д. (вошь) и т. д.;

wás, u usè, od usjí (деревня) и т. п.

§ 72. 3. *Вокализація ударенныхъ конечныхъ сочетаній звуковъ, въ составъ которыхъ входилъ въ прежнюю эпоху одинъ изъ согласныхъ* v (в) *или же* ł (л), *слившихся въ нашемъ говорѣ въ одномъ безразличномъ* w (*чисто губное* в).

1) -'v- = óᵘ, ćoᵘ, ū', то есть, ударенныя созвучія, замѣняющія собою древнія созвучія съ согласнымъ v (в), переходятъ въ óu, ćou или же въ ū':

sú Polš. (сивъ, сивый) и т. д.;

dcomú Polš., damú Kopr., Češ. (домой) и т. д.;

mъrtóᵘ Brod., mъrtćou Kopr., Jir., — mъrtú Bel., Bl. (мертвый) и т. д.

2) -'ł- = óᵘ, ćo', ū':

pěkćoᵘ Srw. — pъkú Polš. (адъ),

šćoᵘ Nom., NRot., Jir., Češ., Brod., pъršćou Nom., Jir., Bistr., ušćoᵘ Jir., — šćo Jir., — šú Kopr., Polš., Bel., Bl., pъršú Begn., zašú Bl. (шелъ, пришелъ, ушелъ, заблудился) и т. д.;

umrú Begn. (умеръ) и т. д.; sъm crú Bl. (я жарилъ) и т. д.;

štóᵘ Jir. (считалъ), grćoᵘ Nom. (грѣлъ), zadćoᵘ Kopr. (задѣлъ), ńimćo Kopr. (не имѣлъ), — jъmú = jímu Jir. (имѣлъ),

jьmú Begn., Polš. (имѣлъ), zdú Bl. (сидѣлъ), zrú Bl. (зрѣлый) и т. д.;

Mьšœu Bistr., Mьšú Srw. (Михаилъ) и т. д.;

upœu Nom., upú Polš. и т. д. (вопилъ, кричалъ) и т. д.; — ubú Bl. (убилъ) и т. д.;

sæ' j ogьrnóu Kopr. (окутался), — obьrnú Jir. (перевернулъ) и т. д. (ср. главу о первичномъ удареніи, §§ 35—37).

Итакъ мы видимъ, что въ западной половинѣ нашего говора преобладаютъ óu, œu, ōu, œ'u, въ восточной же господствуетъ исключительно ú, ū'.

О неударенныхъ сочетаніяхъ звуковъ той же категоріи я уже говорилъ на другомъ мѣстѣ.

§ 73. 4. *Вокализація неударенныхъ сочетаній звуковъ въ серединѣ словъ.*

1) передъ ударенным слогомъ:

vъ- (въ-) = u-, ъ-: uzmjítæ (возьмите), ъzígnuwa (воздвигла, подняла), и т. д.; предлогъ u (у) вм. vъ (въ) и т. д.;

vi- (vi, vy — ви, вы) = u-, ъ-: užéu, užmæ'm (выжалъ, выжму), unæ'šu (отыскалъ, нашелъ), ъ dwa, u dwá, ъ dwé (вы два, вы двѣ), usók, usóka, usóko (высокій, высокая, высоко), na to usóko góro (на эту высокую гору), и т. д.; uhár (вихорь), ušńéwo (голубо, сине), čéšple so ušńéle (сливы голубы, сини) р. съ wjíšna, wjíšnæ (вишня) и т. д.; suńák (свиной хлѣвъ), мн. suńæ' р. съ swjíńæ', ед. swjíńa (свинья), k so gá pa ustíral'ь Jir. (когда же его обревизовали) — нѣм. visitiren, и т. д.;

ve-, vѣ- (ве-, вѣ-) = u-: œmó, umó (знаемъ), awstæ' = austæ'? Bistr. (знаете ли?), ъdó (знаютъ), ná udó (wъdó) (не знаютъ), uwá (wъwá), ъwá, 'ndwá uwá (мы два знаемъ), udwá ustá, ъstá (вы два знаете) р. съ wéste (знаете), welíko, welík = ulík (много), na n ují (на одной вѣтви) р. съ wjéjo (вин. ед.) (вѣтвь), и т. д.; cudæ', cudétě (цвѣтетъ, цвѣсти), za durmjé (за дверьми) и т. д.;

vь- (вь-) = (va-) = u-: usújæ (посѣщаетъ ночью дѣвушекъ) изъ vasúje, и т. д.;

łъ- (лъ-) = u-: zugáu и т. д. (солгалъ) (ср. исчезновеніе ł (л) въ сочетаніяхъ съ предшествующими согласными).

2) Послѣ ударенняго слога:

vi- (ви-) = u- (у): búkucæ (книжка) и т. д.

Подъ вліяніемъ аналогіи однихъ формъ даннаго слова на другія формы того же слова, или, можетъ быть, вслѣдствіе другихъ причинъ, мы встрѣчаемъ u вм. ve-, vě- (ве-, вѣ-) даже въ ударенныхъ слогахъ: je cúdu, cúdæ (цвѣлъ, цвѣтетъ), dűrь, pыг dűrъh (двери, у дверей) и т. д. Ū' kanco Bistr. (мѣстность того имени) и т. д.

Ср. тоже sъm wъ'rgu (почти wъ'rgu) Bl. (я бросилъ) и т. п.

IV. Общій выводъ.

§ 74. IV. Изъ сопоставленія, съ одной стороны, многочисленныхъ измѣненій и сокращеній согласныхъ и ихъ сочетаній (k-, g-, h- = č-, j-, š-; -d, -b, -g = -ϑ, -f, -h; čk = šk; čr, žr = č, ž; согл. + w (ł, v) = согл.; zdv = z; šč = š и т. д.), съ другой стороны, относительно немногочисленныхъ измѣненій (сокращеній и съуженій) гласныхъ, происшедшихъ на спеціальной почвѣ бохинско-посавскаго говора, мы должны вывести заключеніе, что бóльшая часть силы стремленія къ удобству въ этомъ говорѣ, весьма чуткомъ по отношенію къ сочетаніямъ согласныхъ, потрачена именно на разнородныя облегченія въ согласномъ составѣ языка; между тѣмъ какъ многіе другіе говоры, сохранившіе названныя сочетанія согласныхъ, čk, čr, žr, šč и т. д., потребляютъ, наоборотъ, свою силу стремленія къ удобству преимущественно на гласные звуки, сокращая ихъ, съуживая и т. д.

D. Подраздѣленіе бохинско-посавскаго говора на отдѣльные діалектическіе оттѣнки.

§ 75. I. Прежде всего въ области этого говора можно отличить два главные оттѣнка, *восточный* и *западный* (бохинскій). Существенныя различія между ними сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Вторично развившееся сочетаніе согласныхъ tj переходитъ въ восточной половинѣ въ звукъ, средній между č (ч) и непереходно-мягкимъ ć (ц), но весьма похожій на č, между чѣмъ какъ въ западной половинѣ или остается просто tj (въ которомъ впрочемъ t есть непереходно-мягкое,—t'j), или же измѣняется только въ непереходно-мягкое (хотя и весьма мягкое) t'. И такъ:

tjá (туда) изъ *tudjá является въ западной половинѣ въ видѣ t'jæ' Kopr., Jir., NRot., tjæ' Jir., t'æ' Jir., Podj., Srw.,

Bistr., t'æ' Podj., t'jà Kopr., Podj., græn tlæ't'ja Srw. (иду туда-то и туда), tjæ' mpa sь'm Sted. (туда и сюда) и т. п.,— въ восточной же: čæ' Bl., Polš., Bel. и т. п.;

trétjь (третій) изъ *tretъ̆ijь: trét'jь Bistr., trét'ь Jir., trét'o Srw. (третій разъ), trétjo lét Jir. (третій годъ), trъ̆itíkræt Kopr. (третій разъ) и т. д.,—tréča Bl. (третья), tréć' wěćír (третій вечеръ), ta træ'ć', ta træ'ć'ě (третій), ta træ'ć'æ (третьи) Polš. (č очень смахиваетъ здѣсь на польское ć и сербское ћ) и т. д.;

prétje (напротивъ, къ): præ't'æ tístmъ bjírto Srw. (къ этому трактирщику, цѣловальнику),—præ'čæ Zā'pwatъ (č приближается здѣсь къ польскому ć) Bl. (напротивъ Заплата,—мѣстность) и т. д.

2) š, ž, č произносятся въ западной половинѣ гораздо мягче, очень напоминая польскія ś, ź, ć.

§ 76. 3) Предлогъ k (къ), измѣнившійся въ сочетаніяхъ съ нѣкоторыми слѣдующими согласными, вслѣдствіе физіологической необходимости, въ h (х), въ восточной половинѣ распространился въ этомъ видѣ на всѣ случаи его употребленія, такъ что h (х) является въ этомъ оттѣнкѣ единственнымъ въ настоящее время замѣнителемъ древнеславянскаго предлога къ. Между тѣмъ въ западной половинѣ форма h (х) ограничена на случаи, обусловленные физіологическою необходимостью; въ остальномъ же мы здѣсь встрѣчаемъ k:

западная: k an græjšínь Kopr. (къ одному замку), k ьnmὼ Kopr., k nému, k ńémъ Jir. (къ нему), k mā' Jir. (вскорѣ, почти, чуть чуть) и т. д.;—восточная: h máu Polš. (вскорѣ, скоро), h mášь Polš. (къ обѣднѣ), h nogám Smok. (къ ногамъ) и т. д.

4) Сочетаніе согласныхъ tt (тт) по большей части сохраняется въ западной половинѣ, въ восточной же измѣняется въ ht: ъttьrńítь Srw. (отторгнуть, оторвать) и т. п.,—ohtь'rgωu Bl. (оторвалъ), oh tьgà Smok. (отъ того) и т. д. (болѣе примѣровъ см. выше въ отдѣлѣ спеціальныхъ особенностей всего говора, § 58).

Впрочемъ, въ старофарскомъ оттѣнкѣ западной половины вм. tt встрѣчается иногда ϑt: oϑtь'rgωu, ъϑtь'rgωu Stfr. (отторгнулъ) и т. п.

5) Сочетаніе dk въ восточной половинѣ измѣняется въ hk, въ западной въ ϑk, и даже отчасти, кажется, въ sk:

восточная: swahkò Smok., swáhkъ Bel. (сладкое, сладко), gwáhka Smok. (гладкая) и т. п.;

западная: swaϑkó Nom., Bitn., Podj., Jir., Češ., RLaz., Pol., Rovn.; swaskó (?) Češ., swáϑka Nom., gwaϑkó Nom., NRot., Pol., gwáϑko Bitn., Podj., RLaz., Češ., gwáϑkъ Jir., gwásko Češ., gwā'ϑk NRot., gwáϑka Pol., Bitn., réϑka Bitn., ríϑka Podj. (рѣдкая) и т. д.

Иногда впрочемъ и въ западной половинѣ является hk, какъ напримѣръ: swahká, swahkó Kopr., swahkó р. съ swádьk (сладкій) NRot., slahkó Bistr., gwáhko Kopr., NRot., gláhko Bistr., gwáhka NRot. и т. д.—Слову же bьrhká (красивая) изъ bьrdká свойственно hk во всѣхъ оттѣнкахъ нашего говора.

§ 77. 6) Слово pšьníca (пшеница) сохранило p въ западной половинѣ: pšьníca NRot., Jir. и т. д., въ восточной же или замѣнило его звукомъ w (u) или же совсѣмъ потеряло: wšьníca Begn., ʷšæníca Bl., ʷšeníca, ʷšьníca Polš., ? šeníca Begn. и т. д. Ср. l'éuš, léušьga Begn. (красивѣе, болѣе красиваго) и т. д. вм. l'épš, и т. п.

7) Слово krat (кратъ, разъ, ср. однократный и т. п.) сохранилось въ этомъ видѣ только въ западной половинѣ, въ восточной же оно лишилось r (р) и является въ видѣ kat: ta pь'rwьkrat, ta drújkrat Kopr. (впервые, второй разъ), weč krátou Jir. (много разъ) и т. п.,—tákat Begn., takát Bl. (въ тотъ разъ, тогда), ta pь'rwъ kát Begn. (впервые), áñkat, dwákat, wéč katou Polš. (одинъ разъ, два раза, много разъ) и т. п. р. съ ta pь'rwъ kràt, weč krátou Polš. и т. д.—Ср. измѣненіе čr въ č и žr въ ž.

§ 78. 8) Ударенныя конечныя созвучія, состоявшія прежде изъ какого-нибудь гласнаго и изъ одного изъ согласныхъ ł (л) или же v (в), замѣняются въ западной половинѣ преимущественно дифтонгомъ ώu, въ восточной же исключительно гласнымъ ú, ū': зап. šώᵘ — вост. šū' (шелъ), зап. mьrtώᵘ — вост. mьrtú (мертвый) и т. п. (ср. выше, гдѣ въ отдѣлѣ общеотличительныхъ свойствъ бох.-пос. говора говорится именно объ этой вокализаціи, § 72).

9) Въ восточной половинѣ wohkà Smok., Bl., Bel. и т. д., въ западной же wóhka Podj., NRot., Kopr., Bitn., Pol., Brod., lóhka Rovn. и т. д. (легко); но тоже wohkæ'j Češ и т. п.

10) Въ восточной пол. bъčéwa Begn., bъčéwa Bel. и т. д., въ западной čьwjéwa Češ., Pol. и т. д. (пчела).

11) Въ вост. bohà Begn., bóha Hr. и т. д.,—въ зап. phà Srw., Brod. и т. д. (блоха).

12) Въ вост. jábuka Bl. и т. д.,—въ зап. jápka Bitn., Kopr., Jir. и т. д. (яблока).

13) Въ вост. ʷóčæš и т. п., — въ зап. óč (хочешь).

14) Въ вост. zdæ′j, saj, kaj, gdaj и т. п.,—въ зап. zda, sa, ka, gda и т. д. (теперь, вѣдь, что, когда).

15) Ср. съ этимъ такія, напримѣръ, сложныя слова западной половины, какъ: túka (здѣсь), támka или táńka (тамъ), sъ'ńka (сюда) и т. п., чуждыя въ этомъ видѣ восточной половинѣ.

16) Ср. тоже очень часто въ нѣкоторыхъ деревняхъ западной половины въ концѣ словъ прибавляемое k, напримѣръ, kar jæ′k, pa jæ′ Srw. (что есть, есть), da gá bo zakwáuk (что онъ заколетъ его), k jæ áńájsta úra prætæ′kwak (когда прошло одиннадцать часовъ), k jæ úra prætæ′kwak (по прошествіи часа) Jir. и т. п.

§ 79. II. Восточная половина бох.-пос. говора представляетъ четыре главныхъ оттѣнка, *странскій*, *бледскій*, *горьянскій* и *бѣльскій*.

1. *Странскій* оттѣнокъ, къ которому принадлежатъ всѣ деревни нашего говора на лѣвомъ берегу Долинской Савы (Wurzner Sau), отличается отъ бледскаго и горьянскаго сохраненіамъ мягкихъ ń (нь) и l′ (ль) (изъ nj и lj), перешедшихъ въ двухъ только-что названныхъ оттѣнкахъ въ n (н) и l (среднее л). Отъ горьянскаго, кромѣ того, онъ отличается тѣмъ, что согласный d въ концѣ словъ измѣняется въ немъ въ ϑ, между тѣмъ какъ въ горьянскомъ онъ переходитъ въ s. Отъ бѣльскаго же, наконецъ, его отличаетъ болѣе широкое (и болѣе краткое) произнощеніе полноударенныхъ гласныхъ o (o, ж) и e (e, ѧ, ѣ). Этотъ оттѣнокъ можно-бы считать типическимъ оттѣнкомъ нашего говора.

2. *Бледскому* оттѣнку, къ которому принадлежатъ деревни, расположенныя вокругъ бледскаго озера, между Бохинскою и Долинскою Савой, свойственно, вмѣстѣ съ горьянскимъ и въ противоположность странскому, бѣльскому и западной половинѣ говора, отвердѣніе согласныхъ ń и l′, развившихся изъ nj и lj. Такъ напримѣръ, бледско-горьянскія kón, súkna, wúkna, žganá и т. п., zémla, pelát и т. п., р. съ странско-бѣльско-западными (бохинскими) kóń, súkńa, wúkńa, žgańá, zéml′a, pel′át и т. п. (лошадь, платье, дыра, водки, земля, вести и т. д.). Отъ горьянскаго бледскій оттѣнокъ отличается сохраненіемъ -ϑ (изъ конечнаго -d) вм. горьян. -s;

кромѣ того отъ странскаго болѣе долгимъ, отъ бѣльскаго же и горьянскаго болѣе краткимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ (при гласныхъ качественнаго оттѣнка о и е) болѣе широкимъ произношеніемъ полноударенныхъ гласныхъ.

3. Самое характеристическое свойство *горьянскаго* оттѣнка, заключающаго въ себѣ всѣ деревни на сѣверъ отъ Бледа, между Долинскою Савой и рѣчкой Радовной, свойство, отличающее этотъ оттѣнокъ отъ всѣхъ другихъ оттѣнковъ бохинско-посавскаго говора, состоитъ въ замѣнѣ конечнаго d не согласнымъ ϑ, но s; такъ напримѣръ, въ горьянскомъ hús, zís, stъ̀rs и т. п., въ другихъ оттѣнкахъ húϑ (сердитъ), zíϑ (стѣна), stъ̀rϑ (медъ) и т. п. (болѣе примѣровъ я привелъ выше въ § 52, при разборѣ этого занимательнаго явленія бох.-пос. говора). Кромѣ того, въ противоположность всѣмъ другимъ оттѣнкамъ нашего говора, горьянскій оттѣнокъ раздѣляетъ съ бледскихъ отвердѣніе согласныхъ ń и ľ (изъ nj и lj) въ n и l. Наконецъ, этому оттѣнку, какъ говору горскихъ пастуховъ, свойственна особенная звонкость, что доказываетъ значительное развитіе и силу голосовыхъ связокъ и гортани вообще.

4. *Бѣльскій* оттѣнокъ, свойственный жителямъ Бохинской Бѣлы (на дорогѣ изъ Бледа въ Бохинь) раздѣляетъ болѣе осязательныя свойства (ń, ľ; -ϑ изъ -d и т. п.) съ говоромъ странскимъ; но за то отличается отъ него гораздо болѣе долгимъ произношеніемъ всѣхъ полноударенныхъ гласныхъ и, кромѣ того, гораздо болѣе узкимъ произношеніемъ полноударенныхъ гласныхъ о (о, ж) и е (е, ѧ, ѣ).

§ 80. III. Въ области западной (бохинской) половины бохинско-посавскаго говора можно различить пять главныхъ діалектическихъ оттѣнковъ, *планинскій* и четыре бохинскихъ оттѣнка, *старофарскій*, *буковскій*, *быстрицкій* и *номенско-бохинскій*.

1. Основаніемъ къ раздѣленію мнѣ послужило здѣсь болѣе или менѣе вѣрное сохраненіе различія между твердыми и мягкими слогами въ области звуковъ ł (лъ) и ľ (ль). При разсмотрѣніи выше названныхъ оттѣнковъ мы видимъ постепенное исчезновеніе этого различія. Только планинскій и номенско-бохинскій діалектическіе оттѣнки вполнѣ сохранили твердое ł въ видѣ w и даже иногда (планинскій) въ видѣ ł (л). Другіе же оттѣнки, вѣроятно вслѣдствіе вліянія когда-то въ Бохинѣ довольно многочисленныхъ нѣмецкихъ

колонистовъ и итальянско-фурланскихъ рабочихъ-рудокоповъ (оставившихъ между прочимъ, слѣды своего пребыванія въ названіяхъ деревень Némšk Róut и Lášk Róut), представляютъ постепенную замѣну твердаго ł (w) среднимъ l, въ слѣдующемъ порядкѣ: старофарскій, буковскій, быстрицкій. Въ быстрицкомъ говорѣ мы встрѣчаемъ только l, твердаго ł (w) нѣтъ. И такъ:

§ 81. 1) *Номенско-Бохинскій* говоръ, главныя деревни котораго Номень, Битни и Нѣмецкій Ротъ, сходенъ въ этомъ отношеніи съ восточною половиной бохинско-посавскаго говора: въ немъ господствуетъ исключительно w, какъ замѣнитель твердаго ł (л), напримѣръ, swaϑkó Nom., Bitn., swahkó NRot. (сладко), gwaϑkó Nom., NRot., gwáϑko Bitn., gwáhko NRot. (гладко), dîkwa Nom., NRot. (дѣвка, служанка), díwa NRot. (дѣлаетъ), bjíwa NRot. (бѣлая), zréwa NRot. (зрѣлая), wóhka NRot., Bitn. (легко), wán NRot. (ленъ), pwańína NRot. (полонина, альпа), zwó NRot. (очень), pъ's bo šæ' wájωu NRot. (собака будетъ еще лаять), pred wáńščьm NRot. (въ запрошломъ году), číswo (кисло), swáf, swába (дурной, дурная), swúžь (служитъ) p. съ sužít (служить), swámněk (соломенная шляпа), wúža (лужа, грязь), wážna (влажно), mwátьt (молотить), šwá (шла) Bitn.,—sьm b^wá (я была) Bitn.,—čwóuk Nom., Bitn. (человѣкъ) и т. д. — Однакоже я слышалъ тоже na Lógъ (на Лугу, мѣстность), Ložáne, Ložä'n (жители этой мѣстности), вѣрно подъ вліяніемъ письменнаго словенскаго языка, тѣмъ болѣе что въ старофарскомъ говорѣ, сохранившемъ твердое ł (л) въ видѣ w только отчасти, ту же мѣстность называютъ Wō'h, na Wógъ Srw. и т. д.

§ 82. 2) *Планинскій* говоръ въ сущности сходится въ этомъ отношеніи съ номенско-бохинскимъ. Однакоже, во первыхъ, въ немъ w болѣе похоже на ł, являясь въ видѣ звука, средняго между ł и w, или даже въ видѣ чистаго ł (л) (особенно въ деревнѣ Ирекѣ), напримѣръ, biła zrjéła (была зрѣла), sjáła (сѣяла), namłátu (намолотилъ), šła (шла), pъršłà (пришла), ta młájь (самый младшій), jæ prætæ'kłak (прошла), bo zakwáuk (заколетъ) и т. п. Jir., ^włága (влага), dwáka (шерсть), twáčitь (давить, гнести), swáma (солома), zwátω (золото) C^veš. и т. д., во вторыхъ, слово člóuk Kopr., Podj., člowjéka Jir. и т. п., представляетъ въ сочетаніи съ предшествующимъ č (ч) не звукъ w, непосредственно замѣняющій твердое ł (л), но только среднее l. Впрочемъ, какъ

въ номенско-бохинскомъ, такъ и въ этомъ, планинскомъ, оттѣнкѣ исключительно господствуютъ твердые замѣнители согласнаго ł (л), то-есть, w и т. п., и даже ł: wesjíwa (весела), jьmjéwa (имѣла) jæ bwćɔ (было) и т. д. Kopr., wúna (луна) и т. п. Podj., jídwa (ѣла), číswъ (кисло), djíwau (дѣлалъ) и т. д. Jir. и т. д.—Ср. тоже b^w agá (товара) Kopr., bā' Kopr., b'wá Jir. (была), bćɔ Kopr. р. съ bwó Jir. (было) и т. д.—Планинскій оттѣнокъ употребляется жителями Горьюшъ и Коприврника на возвышенной плоскости, кромѣ того на склонѣ горы (на покатости), составляющемъ переходъ отъ этой возвышенной плоскости къ Бохинской долинѣ, то-есть, въ деревняхъ Подъелье и Ирека, и наконецъ въ одной изъ бохинскихъ деревень, въ Чешенцѣ (Черешницѣ).

§ 83. 3) *Старофарскій* оттѣнокъ свойственъ деревнямъ Средняя васъ (весь, деревня) или Старая фара, Стодоръ и Старая Фужина. Въ немъ въ сочетаніяхъ съ предшествующими зубными и передне-язычными (средне-небными) согласными, t, d, s, z, š, ž, č, мѣсто твердаго ł (л) занялъ звукъ l, во всѣхъ прочихъ случаяхъ — w, на подобіе двухъ предъидущихъ діалектическихъ оттѣнковъ, номенско-бохинскаго и планинскаго. Итакъ, съ одной стороны:

tł, dł, sł, zł, šł, žł, čł = tl, dl, sl, zl, šl, žl, čl:

tláčьts Srw., tláčьt, tlačít Stfr. (гнести, давить), dláka Srw. (шерсть) и т. п.; sláma Srw. (солома), sláf Stfr. (дурной), zló Srw. (весьма), zlatćɔ Srw., Stfr. (золото), sæ zlóžь Srw. (сложится), sæ razlóčь Stfr. (различается) и т. д.; šlá, šló, pьršlá Srw. (шла, шло, пришла), u žláhts Srw. (въ сродствѣ,— нѣм. schlacht, geschlecht) и т. д., člóuk (человѣкъ) и т. п.;

съ другой же стороны:

ł (ł, l'), kł, gł, hł, pł, bł, mł, vł = w, kw, gw, hw, pw, bw, mw, w:

wúža Srw. (лужа), nawóžь, powóžь Srw. (наложитъ, положитъ) и т. п., wóhka (легко), wáhko Stfr. (легкую) и т. д.; kwás (колосъ), gwás (голосъ), hwáče (штаны) Srw. и т. д.; pwátno Srw. (полотно), pwáčau Stfr. (платилъ), bwó Stfr. (было), Bwátɷ Srw. (Болото, мѣстность), mwáts Srw. (молотитъ) и т. д.; ъwáčь Srw. (волочитъ, боронитъ), wága, wážno Srw. (влага, влажно) и т. д.—Исчезновеніе w встрѣчается, напримѣръ, въ словѣ pćɔt Stfr., Srw. (плетень, заборъ) и т. д.

§ 84. Если, напримѣръ, въ глаголѣ łomitь мы встрѣчаемъ въ началѣ слова согласный l безъ всякой, по видимому, достаточной причины (то-есть или въ безпредложной формѣ этого глагола или же въ сочетаніи съ предлогами, оканчивающимися на гласные), то это произошло вслѣдствіе употребленія этого глагола преимущественно въ соединеніи съ предлогами, конечные согласные которыхъ обусловливаютъ въ разбираемомъ діалектическомъ оттѣнкѣ замѣну слѣдующаго за ними твердаго ł согласнымъ l (а извѣстно, что большинство предлоговъ, соединяющихся съ глаголами, оканчивается именно однимъ изъ согласныхъ d или же z). Затѣмъ, обусловленный первоначально только чисто фонетическими причинами согласный l, вслѣдствіе частаго повторенія подобныхъ случаевъ, такъ сросся съ корнемъ łom-, что онъ аналогически распространился на всѣ случаи его употребленія, даже совершенно свободные отъ выше названнаго фонетическаго вліянія предшествующихъ согласныхъ d, z и т. п.—Къ мѣстному названію Lášk Rɔ́t относится то же самое, что я сказалъ о na Lógъ при разборѣ номенско-бохинскаго оттѣнка (§ 81).

§ 85. 4) Въ *буковскомъ* оттѣнкѣ, на которомъ говорятъ такъ называемые Буковцы, то-есть, жители Рыбчева Лаза, Лашкаго Рота, Полей, Савицы, Жлана, Каменья и Брода, употребленіе l еще обширнѣе, нежели въ старофарскомъ. Здѣсь оно не ограничивается одними сочетаніями съ предшествующими зубными и вообще переднеязычными согласными, но распространяется тоже на сочетанія съ предшествующими губными (p, b, m), оставляя для w мѣсто только въ сочетаніяхъ съ предшествующими заднеязычными (гортанными) и съ r (р) и въ случаяхъ, гдѣ согласному л (ł) не предшествуетъ никакой согласный. Стало-быть, съ одной стороны:

tł, dł, tł, zł, šł, žł, čł = tl, dl, sl, zl, šl, žl, čl:

tláčьt, dláka Pol., slána Brod. (иней), sláf Pol. (дурной), slowó Brod. (прощаніе) и т. д., mь̀rzlo Pol. (холодно), zlɔ́mь (сломитъ), zlɔ́čьk (различіе) Brod. и т. д.; šlúžьt, šlúžьm Pol. (служить, служу) и т. п., šlá Pol., Brod., u žláhtь Pol., Brod., na Z̆'lā'nъ Pol. (на Жланѣ, мѣстность) и т. д., člóuk Pol., člō'k Brod. и т. д.;

pł, bł, mł = pl, bl, ml:

plátno Pol., Brod. (полотно), plᴐt Pol. (плетень, заборъ), blato Pol., blát Brod. (грязь), mláka Pol., mláčna Brod. (болото) и т. д.;

съ другой же стороны:

kł, gł, hł, rł, vł, ł (ł, l')=kw, gw, hw, rw, w:

kwás Pol., Brod. (волосъ), rékwa Pol., ræ'kwa Brod., (сказала), zakwᴐ́u Brod. (закололь), gwáwa Pol. (голова), mъgwá Pol. (туманъ), gwašč́é Brod. (гладкіе), hwadnó Pol., Brod. (холодно, прохладно) и т. д., wás, wasjé Brod., Pol. (волосъ, волосы) и т. п., udárъwa Brod., Pol. (ударила), prætъ'rgᴐ́wa Brod. (разорвала), bjéwo Pol., bjíwo Brod. (бѣло), kъbíwa Pol. (кобыла), jъ'u, z jíwa Brod. (илъ, изъ ила), wáš, wžé Pol. (ложь), wúža (лужа), wúč (свѣча); wás, na wázъ Brod. (Лазъ, мѣстность), na wómъh Brod. (Ломы, мѣстность) и т. д., wóhka Brod., Pol. (легко), wóhno nóč Brod., —nᴐ́č Pol. (спокойной ночи!) и т. д.

§ 86. Древнее vł (вл), какъ извѣстно, лишилось еще съ давнихъ поръ во всѣхъ словенскихъ говорахъ перваго согласнаго, и поэтому его замѣнители тожественны съ замѣтелями простаго ł (л).—Въ bá Pol. (была) же ł (л) исчезло еще до перехода этого звука въ сочетаніи съ b (б) въ l, какъ это имѣетъ мѣсто въ буковскомъ оттѣнкѣ. Въ wjídwa Pol. (видѣла) непосредственное соприкосновеніе звуковъ d и w весьма новаго происхожденія, такъ какъ прежде эти два звука раздѣлялись полугласнымъ, замѣняющимъ неударенное ѣ.

Относительно мѣстнаго названія Lášk Rᴐt, собственнаго имени Láh, Lášъ Pol. (фурланъ, фурланы) и нарицательнаго láh (поденщикъ, рабочій), я могу повторить только то, что сказалъ выше по поводу такого-же явленія въ номенско-бохинскомъ оттѣнкѣ (§ 81). Слова же lómъ, prælᴐ́mъ Brod. (ломитъ, проломитъ), lóčenga Pol. (различнаго) и т. п. упрочились съ согласнымъ l вм. w вслѣдствіе вліянія аналогіи, какъ это изложено мною подъ рубрикою старофарскаго оттѣнка (§ 84). Для сравненія я указываю на подобное же аналогическое распространеніе предлога k (къ) въ видѣ h на всѣ случаи его употребленія въ восточной половинѣ бохинско-посавскаго говора (§§ 58, 76); далѣе на общеславянскую замѣну въ корнѣ jim- (им-) (хватать, брать) и мѣстоимеціи 3 лица начальнаго согласнаго j согласнымъ ń (нь), тоже подъ вліяніемъ аналогіи случаевъ употребленія этихъ корней съ предлогами, оканчивавшимися прежде на n (н) (см. мой

9*

разборъ книги А. Будиловича „Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII Словъ Григорія Богослова“ и т. д. въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ 1872, ноябрь, стр. 170—183) и т. д.

§ 87. 5) *Быстрицкій* діалектическій оттѣнокъ свойственъ главной мѣстности Бохиня, селу Бохинская Быстрица, и деревнѣ На Равныхъ, которой дали начало выселенцы изъ Быстрицы. Въ этомъ оттѣнкѣ господствуетъ исключительно l, w же въ роли замѣнителя твердаго ł (л) вовсе не употребляется. Такъ напримѣръ: gláhko, slahkó, gláwa и т. д. Bistr. (гладко, сладко, голова), lúč, lúža, sláf, lóhka, lohkà и т. п. Rovn. (свѣча, лужа, дурной, легко) и т. д.

§ 88. 2. Въ связи съ предшествующимъ разнообразіемъ въ распредѣленіи звуковъ w и l, какъ замѣнителей твердаго ł (л), находится не одинаковое примѣненіе закона о соотвѣтствіи согласнаго l, какъ мягкаго, согласному w, развившемуся изъ v (в), какъ твердому (ср. выше въ отдѣлѣ общеотличительныхъ свойствъ бохинско-посавскаго говора, §§ 42—44). Такъ напримѣръ, въ быстрицкомъ оттѣнкѣ я нашелъ только búklь (книга), въ остальномъ же сьrkwé (церкви) и cérkwь (въ церкви), на gláwь (на головѣ), mьrtwí (мертвые) и т. п.,— р. съ cérku (церковь), mьrtо̂ᵘ (мертвый) и т. д. Въ буковскомъ оттѣнкѣ búkle Pol., búklь Brod. (книга), cirkwé Pol., cirkl'ѣ̀ Brod. (церкви) р. съ círku (церковь), mьrtl'í Pol. р. съ mьrtwó, mьrtо̂ᵘ (мертвые, мертво, мертвый); на gwáwь Pol., на gwál'ь Brod. (на головѣ) и т. д. И такъ мы видимъ, что изъ двухъ деревень буковскаго оттѣнка въ Бродѣ l', какъ мягкій для твердаго w (изъ v), употребляется чаще, нежели въ другой деревнѣ того же оттѣнка, На Поляхъ. Въ старофарскомъ оттѣнкѣ только въ деревнѣ Стодоръ я слышалъ na gwáwь (на головѣ); въ остальномъ же, какъ въ этомъ оттѣнкѣ, такъ и въ двухъ другихъ, планинскомъ и номенско-бохинскомъ, имѣется въ этомъ отношеніи такое же состояніе, какъ въ восточной половинѣ бох.-пос. говора, то-есть, по возможности обширное примѣненіе названнаго аналогично-вторичнаго смягченія w (изъ v) въ l.

§ 89. 3. Быстрицкій оттѣнокъ отличается отъ прочихъ сохраненіемъ болѣе широкаго раствора полноударенныхъ о (о, ѫ) и е (е, ѧ, ѣ), между тѣмъ какъ преимущественно номенско-бохинскій и планинскій говоры представляютъ здѣсь

весьма узкое произношеніе, такъ что, напримѣръ, полноударенное ѣ сливается въ нихъ по большей части съ полноударенным долгимъ і. Кажется, что степень съуженія полноударенныхъ гласныхъ, въ особенности же ѣ, состоитъ въ этой области въ прямомъ отношеніи съ сохраненіемъ твердаго ł (л) въ видѣ w.

Удине, 12/24 іюня
1873 года.

III.

ОТЧЕТЪ ЗА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ 1873 ГОДА.

Въ теченіе этого полугодія я продолжалъ подробное изслѣдованіе славянскихъ говоровъ въ сѣверной Италіи и граничащихъ съ нею провинціяхъ Австріи, и преимущественно съ величайшею точностью изучилъ всѣ діалектическіе оттѣнки, свойственные обитателямъ такъ называемой Резьянской долины (valle di Resia) и западныхъ отлогостей Юлійскихъ Альпъ. Кромѣ славянскихъ говоровъ я усвоилъ себѣ знаніе нѣкоторыхъ говоровъ фурланскихъ, интересныхъ какъ самихъ по себѣ, такъ же точно и по тому вліянію, которое они произвели на сосѣдніе съ ними славянскіе. Въ настоящее время я занятъ составленіемъ большаго сочиненія „*О славянскихъ говорахъ въ сѣверной Италіи*", которое я намѣренъ представить, какъ докторскую диссертацію (1).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ я переѣхалъ въ Лейпцигъ. Мои здѣшнія занятія, кромѣ выше названнаго сочиненія, состоятъ прежде всего въ пополненіи нѣкоторыхъ пробѣловъ моего общаго лингвистическаго образованія, какъ съ матеріальной, практической, также точно и съ теоретической стороны.

---

(1) Пока я напечаталъ только часть этого сочиненія, «Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ. Варшава. Петербургъ. 1875», послужившій мнѣ докторскою диссертаціей. *Прим. автора въ 1876 г.*

Для первой цѣли я изучаю санскритъ и литовскій языкъ (съ которыми впрочемъ я познакомился еще прежде довольно основательно), для второй же — знакомлюсь съ новѣйшими литературными явленіями по части моей спеціальности, стараясь, конечно, относиться къ высказываемымъ въ нихъ теоріямъ критически и составлять себѣ обо всѣхъ сюда подходящихъ вопросахъ вполнѣ самостоятельное мнѣніе. Плодомъ этого послѣдняго рода моихъ теперешнихъ занятій является, между прочимъ, нѣсколько рецензій, предназначенныхъ для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и для „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung“. Нѣсколько часовъ въ недѣлю я обращаю на посѣщеніе лекцій проф. А. Лѣскина („Сравнительная грамматика нѣмецкаго, литовскаго и славянскаго“ и „Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій“) и Э. Куна („Объясненіе ведаическихъ гимновъ“).—Большую пользу я извлекаю тоже изъ частныхъ бесѣдъ съ проф. Лѣскинымъ, отличнымъ знатокомъ аріоевропейскихъ языковъ вообще, и славянскихъ въ особенности.

Въ видѣ приложенія къ этому отчету, имѣю честь представить здѣсь часть составленныхъ мною программъ чтеній: 1) по „общему курсу языковѣдѣнія“ или по „введенію въ языковѣдѣніе“, 2) по „сравнительной грамматикѣ санскритскаго, литовскаго и славянскаго языковъ, въ связи съ другими языками аріоевропейскими“.

I.

ПРОГРАММА ЧТЕНІЙ ПО ОБЩЕМУ КУРСУ ЯЗЫКОВѢДѢНІЯ, ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ АРІОЕВРОПЕЙСКИМЪ ЯЗЫКАМЪ ВООБЩЕ, А КЪ СЛАВЯНСКИМЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Раздѣленіе языковѣдѣнія на языковѣдѣніе *чистое* и *прикладное*. Чистое языковѣдѣніе распадается на 1) *всесторонній разборъ положительно данныхъ, уже сложившихся языковъ* и 2) *изслѣдованіе о началѣ слова человѣческаго*, или, *о происхожденіи языка, о первобытномъ образованіи языковъ и разсмотрѣніе общихъ психически-физіологическихъ условій ихъ безпрерывнаго существованія.*—1-ю, *Положительную* часть языковѣдѣнія составляютъ 1. *грамматика* и 2. *систематика.*—Кромѣ того въ кругъ занятій лингвистовъ входятъ *исторія* ихъ *науки* и ея *методика.*

О *языкахъ аріоевропейскихъ* вообще и объ ихъ раздѣленіи. Разныя мнѣнія ученыхъ о постепенномъ раздѣленіи этихъ языковъ. Новѣйшая теорія І. Шмита, отрицающая возможность всякой систематизаціи въ этомъ отношеніи. Главныя семьи аріоевропейскихъ языковъ.

Болѣе подробное раздѣленіе литовской и славянской семьи аріоевропейскихъ языковъ. Нѣкоторыя общія черты этихъ двухъ семей (отраслей), литовской и славянской. Ихъ главныя фонетическія различія.

ГРАММАТИКА.

Раздѣленіе чистаго положительнаго языковѣдѣнія. *Анализъ языка*, какъ основаніе для раздѣленія грамматики. Самый простой, первичный анализъ конкретнаго языка, ведущій отъ полныхъ выраженій мысли (отъ связной, живой, конкретной рѣчи), съ одной стороны, къ предложеніямъ, отъ

предложеній къ словамъ, отъ словъ же къ ихъ знаменательнымъ, осмысленнымъ частямъ (слова, какъ комлексы осмысленныхъ, знаменательныхъ частей), съ другой же стороны, къ чисто физіологическимъ, акустическимъ частямъ рѣчи, къ звукамъ (слова, какъ комплексы членораздѣленыхъ звуковъ). Дѣленіе словъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Раздѣленіе грамматики на 1) *фонетику*, 2) *морфологію* и 3) *синтаксисъ*.

I. Фонетика.

Предварительныя замѣчанія: 1) О необходимости строго отличатъ звуки отъ соотвѣтствующихъ имъ буквъ.—2) Исторія развитія письма и происхожденія (образованія) письма звуковаго, фонетическаго.—3) Различіе азбуки (алфавита, шрифта), графики и правописанія (орѳографіи).—4) Обозначеніе звуковъ отечественнаго языка начертаніями общеупотребительной отечественной азбуки и графики. Подробное обозрѣніе того, а) какими буквами общегосподствующей у извѣстнаго народа азбуки обозначаются отдѣльные звуки языка этого народа, б) какіе звуки даннаго языка выражаются отдѣльными буквами принятой для него азбуки.

Письма лицъ не твердо грамотныхъ и вообще такъ называемые безграмотные памятники. Важность ихъ для опредѣленія фонетической природы языка. Исчисленіе отдѣльныхъ смѣшеній и такъ называемыхъ ошибокъ или описокъ.

5) Научные алфавитъ, графика и правописаніе. Условія ихъ точности и цѣлесообразности.

Наука о звукахъ, фонетика.

Что такое звукъ языка? Его опредѣленіе съ точки зрѣнія: а) акустической, б) анатомически-физіологической и в) психической.

При разсмотрѣніи звуковъ языка необходимо различать два фактора: 1) физіологическій въ строгомъ смыслѣ этого слова, 2) физіологически-психологическій. На звуки языка можно смотрѣть съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) акустически-физіологической, 2) психической (словообразовательной, морфологической) и 3) исторической, этимологической. Первая, физіологическая, и вторая, морфологическая, части фонетики

изслѣдуютъ и разбираютъ законы и условія жизни звуковъ въ одинъ данный моментъ существованія языка (статика звуковъ), третья же часть — историческая — законы и условія развитія звуковъ во времени (динамика звуковъ). Звуковая аналогія.

А. СТАТИКА ЗВУКОВЪ.

Часть 1. **Акустически-физіологическая.**

Чисто-физіологическія категоріи звуковъ. При ихъ разсмотрѣніи необходимо пользоваться результатами изслѣдованій акустики и физіологіи съ анатоміей.

1) Физіологическая статика звуковъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

а. Анатомически-физіологическія и акустическія условія образованія и *физическаго* существованія звуковъ. Чисто-физіологическія категоріи звуковъ. Различіе звуковъ вообще, независимо отъ ихъ роли въ механизмѣ языка.

Болѣе подробное раздѣленіе звуковъ. Раздѣленіе по качеству. По отношенію къ качеству, звуки распадаются прежде всего на *гласные* и *согласные*;— ихъ различіе физіологическое и акустическое. Отличительныя черты настоящихъ гласныхъ и настоящихъ согласныхъ.

Раздѣленіе согласныхъ. Простые согласные элементы.— 1) Дѣленіе анатомическое, то-есть, по органамъ рѣчи, участвующимъ въ образованіи отдѣльныхъ согласныхъ. 2) Дѣленіе физіологическое, то есть, по способу произношенія. Таблица согласныхъ.

Таблица *гласныхъ.* Качественное раздѣленіе: Гласные чистые и носовые, полные и глухіе.— Количество гласныхъ: пространство и время, удареніе и долгота.

Слитные (сложные) согласные. Отличіе отъ слитныхъ одновременно, то-есть, отъ состоящихъ изъ двухъ согласныхъ элементовъ, произносимыхъ въ одно и тоже время. Придыхательные (aspiratae); носовой отзвукъ. Смягченные (mouillirte); affricatae. Таблицы слитныхъ согласныхъ.

Слитные гласные. Двоегласные или дифтонги. Опредѣленіе дифтонговъ. Разныя ихъ категоріи: а) различія фонетическія; б) генетическое различіе.

Переходы отъ гласныхъ къ согласнымъ и наоборотъ. Одновременное сочетаніе гласнаго съ согласнымъ (соединеніе гласнаго съ согласнымъ въ одинъ слитный звукъ). Носовые гласные.

Относительная определенность и внятность отдѣльныхъ звуковъ.

Таблица, представляющая наглядно всѣ звуки аріоевропейскихъ языковъ.

Паралели звуковъ, основывающіяся на ихъ отличительныхъ физіологическихъ свойствахъ. На основаніи этихъ разнаго рода различій развиваются въ языкахъ извѣстныя противоположности (паралели) звуковъ, разсмотрѣніе которыхъ составляетъ предметъ 2-ой части фонетики, такъ какъ въ языкахъ первичныхъ онѣ находятся въ тѣсной связи со значеніемъ словъ и ихъ частей.

б. Звуки въ слогѣ. Слогъ (физіологическій), въ различіи отъ простаго сочетанія (комплекса) звуковъ. Разныя категоріи слоговъ.

в. Звуки въ словѣ. Сочетанія звуковъ вообще. Различіе мѣстъ слога и слова, по отношенію къ природѣ звука. Устойчивость звуковъ.

г. Звуки въ цѣломъ языкѣ человѣка или народа. Относительность (релятивность) категорій звуковъ.—Вліяніе на звуки языка внѣшнихъ условій. Связь языка съ народомъ въ звуковомъ отношеніи.— Своеобразность тожественыхъ, по видимому, звуковъ въ разныхъ языкахъ. Своеобразный оттѣнокъ звуковъ.

Характеристика языковъ по ихъ фонетическому составу. Различіе азіатскаго отдѣла аріоевропейскихъ языковъ отъ европейскаго. Подобныя же различія въ европейской области, напримѣръ, существенное различіе нѣмецкаго (германскаго) и славяно-литовскаго. Различія въ славянской области. Отдѣлы: русскій (великорусскій и малорусскій), южный (болгарскій, словенскій, сербо-хорватскій) и сѣверозападный (польскій, чешскій и. т. д.).

Статистика звуковъ. Процентныя отношенія количества отдѣльныхъ звуковъ въ данномъ языкѣ. Оцѣнка статистики звуковъ.

2) Динамическіе моменты.

Статическіе задатки измѣненій (перемѣнъ) звуковъ, обусловливаемые ихъ физическими (физіологическими) свойствами. Разныя категоріи звуковыхъ перемѣнъ, основанныя на различіи категорій самихъ же звуковъ.—Привычка къ извѣстнымъ звукамъ и сочетаніямъ (напримѣръ, сочетаніямъ

согласныхъ), иногда даже, по видимому, болѣе труднымъ, и избѣганіе вслѣдствіе сего болѣе легкихъ.—Явленія ассимиляціи и т. п., необходимыя у всѣхъ народовъ и во всякое время.

Физіологическое объясненіе звуковыхъ перемѣнъ. Умозрительное и наглядное — психологическое — объясненіе ассимиляціи, перестановки и стремленія къ удобству вообще. Сравненія съ житейскими приключеніями. То, что́ здѣсь одновременно и единично, то же самое, повторяясь безчисленное множество разъ, производитъ существенныя перемѣны во всемъ языкѣ, то-есть, у всѣхъ говорящихъ на немъ индивидуумовъ. Что́ здѣсь появляется спорадически, то, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ сдѣлаться постояннымъ обычаемъ языка.

Борьба стремленія къ удобству съ привычкою. Моменты звуковъ. Замѣнительное растяженіе. Разныя категоріи замѣнительнаго растяженія.

Звуковые законы: а) законы сочетанія звуковъ въ одинъ данный моментъ существованія языка; б) законы, дѣйствующіе въ развитіи языка (ими занимается 3-я часть фонетики).

Часть 2. **Психическая (слообразовательная, морфологическая).**

Разсмотрѣніе звуковъ съ морфологической, психической точки зрѣнія. Ихъ значеніе въ механизмѣ языка, для чутья народа.

Механизмъ звуковъ, ихъ соотвѣтствія и ихъ такъ называемыя динамическія взаимныя отношенія, основанныя на связи значенія со звукомъ. Здѣсь разсматривается вліяніе извѣстныхъ звуковъ на значеніе и, наоборотъ, вліяніе значенія на качество звуковъ. Это обусловлено прежде всего паралелями звуковъ, то-есть, ихъ физіологическими противоположностями. Таковы, напримѣръ, различіе мягкихъ и твердыхъ звуковъ, основанное по преимуществу на взаимной зависимости гласныхъ и согласныхъ, различіе долгихъ и краткихъ, ударенныхъ и неударенныхъ, звонкихъ и глухихъ и т. п.—Подробное разсмотрѣніе этихъ паралель въ данныхъ языкахъ.— Предполагаемое примѣненіе паралель звуковъ съ психическою цѣлью еще въ первобытномъ языкѣ аріоевропейскомъ.

Первобытный количественный и представочный или же поставочный (послѣставочный) подъемъ (гунировка) и т. п.

Первобытное ударенiе, какъ вѣроятный виновникъ первобытнаго подъема. Различiе дифтонговъ первичныхъ и происшедшихъ вслѣдствiе вторичныхъ процессовъ, сокращенiя и т. п.

Вторичный видъ подъема: подъемъ качественный. Замѣна подъема различiемъ ударенiя.

Подъемъ гласныхъ и согласныхъ, основанный на предшествующемъ развитiи языка и на уже извѣстныхъ паралеляхъ звуковъ. Народъ (безсознательно) пользуется вторичными явленiями и различiями для внутреннихъ цѣлей, для внутренняго оттѣненiя.—Значенiе паралель звуковъ психическаго свойства въ паралельныхъ корняхъ и при образованiи основъ и формъ.

Несовпаденiя физической природы звуковъ съ ихъ значенiемъ въ механизмѣ языка, для чутья народа. — Психическiй механизмъ звуковъ даннаго языка есть результатъ физiологическихъ условiй и исторiи, происхожденiя звуковъ.

Исчезновенiе психической, внутренней стороны звуковъ, иначе говоря, исчезновенiе подвижности звуковъ въ языкахъ вторичныхъ, аналитическихъ. Доказательство на языкахъ романскихъ, германскихъ и болгарскомъ. Общее стремленiе во всѣхъ арiоевропейскихъ языкахъ.

Различiе звуковыхъ законовъ въ словахъ коренныхъ и усвоенныхъ. Паденiе морфологическаго значенiя звуковъ во вторичныхъ словахъ, какъ простыхъ конгломератахъ звуковъ. Усвоенныя слова; слова, не понимаемыя въ своемъ составѣ, составъ которыхъ забытъ. Языки вторичные.

B. ДИНАМИКА ЗВУКОВЪ.

Часть 3. **Историческая, этимологическая.**

Развитiе языковъ по отношенiю къ звукамъ. Этимологическая, историческая сторона звуковъ. Ихъ перемѣны. Устойчивость звуковъ.

1. Общее разсмотрѣнiе звуковыхъ перемѣнъ. Ихъ общiя основанiя и законы.

Перемѣны звуковъ обусловлены обоими выше разобранными статическими факторами, чисто физическимъ и психически-физiологическимъ, которые въ развитiи языка постоянно скрещиваются другъ съ другомъ и дѣйствуютъ вмѣстѣ, такъ что, представляя развитiе извѣстнаго язы-

ка, лучше всего придерживаться объективно самого этого развитія, безъ отвлеченныхъ дѣленій.

Три общія причины (динамическіе факторы) звуковыхъ перемѣнъ: 1) стремленіе къ удобству, то-есть, къ сбереженію дѣйствія мускуловъ и нервовъ (факторъ чисто физіологическій), 2) забвеніе или непониманіе коренной связи словъ, 3) перевѣсъ психическихъ отношеній звуковъ надъ ихъ физическою стороной.

Главное направленіе всѣхъ звуковыхъ чисто фонетическихъ перемѣнъ выражается *стремленіемъ къ удобству*, слѣдовательно, сокращеніемъ (respective исчезновеніемъ) и замѣною болѣе трудныхъ звуковъ звуками болѣе легкими,—причемъ необходимо обращать вниманіе на различіе въ этомъ отношеніи языковъ первичныхъ и вторичныхъ.

Объясненіе мнимыхъ исключеній (уклоненій) отъ этого направленія,—или *фонетическое* (физіологическое) или же *психологическое*.—Предохранительное дѣйствіе (вліяніе) нѣкоторыхъ звуковъ на другіе близкіе имъ (или предшествующіе или же слѣдующіе за ними), хотя эти вліяющіе звуки и могутъ впослѣдствіи изчезнуть.—Появленіе новыхъ звуковъ по чисто физіологическимъ или же по внутреннимъ, морфологическимъ причинамъ.— 1. а) Вставка (epenthesis); ея объясненіе. б) Замѣнительное растяженіе; его объясненіе. в) Нѣмецкій перебой звуковъ (lautverschiebung). г) Вліяніе ударенія и т. п.—2. а) Удлиненіе коренныхъ и словообразовательныхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ формахъ съ словообразовательною цѣлью. б) Подъемъ, „полногласіе“ и т. п. в) Вліяніе аналогіи, народнаго словопроизводства и вообще безсознательнаго обобщенія по новымъ связямъ, вслѣдствіе безсознательнаго забвенія о прежнихъ.

Относительная (релятивная) легкость и трудность звуковъ для извѣстнаго народа.

Разныя категоріи звуковыхъ перемѣнъ. Между прочимъ, нужно различать: 1) просто исчезновеніе звука, для облегченія выговора, и 2) полную ассимиляцію, сопровождаемую обыкновенно тоже изчезновеніемъ, но очень часто съ замѣнительнымъ растяженіемъ. Перемѣны звуковъ: 1) независимо отъ вліянія другихъ звуковъ; 2) подъ вліяніемъ другихъ звуковъ: а) въ одномъ и томъ же слогѣ или же при непосредственномъ соприкосновеніи двухъ звуковъ, б) вліяніе одного слога на другой. Сюда, между прочимъ, относятся;

1) Нѣмецкая перегласовка (umlaut). 2) Вліяніе ударенногo слога на ослабленіе (пониженіе) и, затѣмъ, сокращеніе непосредственно соприкасающихся съ нимъ слоговъ. 3) Зендская и греческая „epenthesis“. 4) Славянское замѣнительное растяженіе.

. Разныя мѣста слова, по отношенію къ качеству звуковыхъ перемѣнъ: 1) начало слова; 2) середина слова; 3) конецъ слова.

Законъ конечныхъ созвучій (auslautgesetz), основанный на привычкѣ народа и вызванный (обусловленный) общимъ строемъ языка и всѣмъ предшествовавшимъ его развитіемъ.— Особенное развитіе этого закона въ греческомъ, готскомъ, литовскомъ и старославянскомъ.—Исчезновеніе всѣхъ неударенныхъ слоговъ, слѣдующихъ за ударенньмъ, во французскомъ языкѣ, и вслѣдствіе сего постоянное мѣсто ударенія въ этомъ языкѣ на послѣднемъ слогѣ.

Категоріи словъ и сочетаній звуковъ, въ которыхъ происходятъ бо́льшія, чѣмъ обыкновенно, иногда даже просто *спорадическія*, сокращенія.

Стремленіе къ выразительности и къ различенію, съ помощью звуковыхъ оттѣненій, двухъ или болѣе первоначально тожественныхъ словъ или же формальныхъ частей слова.—Забвеніе о происхожденіи слова. Сила косности.

Перемѣняемости звуковъ положенъ извѣстный предѣлъ.

2. Общія перемѣны звуковъ въ аріоевропейскихъ языкахъ вообще, а въ литво-славянскихъ въ особенности.

Сокращенія и измѣненія звуковъ въ историческомъ развитіи, являющіяся при переходѣ: 1) изъ древне индійскаго языка въ новоиндійскіе; 2) изъ старогреческаго въ новогреческій; 3) изъ древне-романскаго въ новороманскіе; 4) изъ древне-англо-саксонскаго въ англійскій; 5) изъ „althochdeutsch“ въ „mittelhochdeutsch“ и изъ „mittelhochdeutsch“ въ „neuhochdeutsch“; 6) изъ древне-славянскаго въ новѣйшіе славянскіе, и пр.

3. Этимологическое родство и тожество звуковъ въ области одного языка или же въ языкахъ родственныхъ,

основанное на ихъ исторіи, то-есть, на ихъ развитіи изъ первоначально одного и того же звука.

Исторія звуковъ. Основные звуки основныхъ формъ.

Фонетически различные звуки и слова могутъ быть тожественны этимологически вслѣдствіе того, что они развились изъ звуковъ, тожественныхъ и фонетически; и наоборотъ, звуки, прежде фонетически различные, могутъ съ теченіемъ времени отожествиться фонетически.—Нѣкоторые примѣры полнѣйшаго фонетическаго тожества или же частнаго сходства совершенно различныхъ этимологически словъ, какъ въ области одного языка, такъ и при сличеніи разныхъ языковъ.—Гомонимы. Экивоки. Слѣдствіе отожествленія различныхъ прежде звуковъ (включая сюда отожествленіе въ исчезновеніи), особенно въ языкахъ, находящихся на поздней степени развитія.

Звуковые законы и звуковыя стремленія, не на столько сильныя, чтобы сдѣлаться постояннымъ обычаемъ языка.

Законъ передвижки (перебоя) звуковъ въ нѣмецкомъ языкѣ (lautverschiebung).

4. Характеристика общихъ стремленій въ развитіи звуковъ аріоевропейскихъ языковъ и направленій этого развитія.

Наблюдая за ходомъ развитія аріоевропейскихъ языковъ, можно замѣтить извѣстныя общія стремленія, которыя разнообразятся, сообразно съ свойствами отдѣльныхъ языковъ и сообразно съ стадіумомъ своего развитія, и на различномъ примѣненіи которыхъ нужно основывать генетическое раздѣленіе (классификацію) языковъ. Эти стремленія, вызываемыя и обусловливаемыя обоими языковыми факторами, какъ чисто физіологическимъ, такъ и физіологически-психическимъ (морфологическимъ), и характеризующія извѣстнымъ образомъ языки, въ которыхъ они проявляются, суть, между прочимъ, слѣдующія:

1) Постоянное, безпрерывное *стремленіе къ удобству* въ связи съ *привычкою*. Переходъ звуковъ въ болѣе удобные (включая сюда *нуль*, то-есть, полное исчезновеніе), стремленіе къ сокращенію:

а. Вслѣдствіе сосѣдства съ другими звуками, въ связи съ другими звуками. Разные виды ассимиляціи или уподобленія, диссимиляціи и т. п. Исчезновеніе звуковъ и появленіе новыхъ звуковъ. Измѣненія въ сочетаніяхъ согласныхъ. Дифтонги, какъ согласные, такъ и гласные.

б. Замѣна звуковъ самихъ по себѣ (независимо отъ другихъ звуковъ) звуками болѣе легкими. Стремленіе къ сокращенію, ослабленіе, исчезновеніе. Сокращеніе звуковъ (гласныхъ и согласныхъ) до *minimum* акустическаго, затѣмъ, до *minimum* въ томъ смыслѣ, что остается только время, потрачиваемое прежде на произнесеніе звука, но безъ дѣйствія органовъ,—и наконецъ, совершенное исчезновеніе, или безъ слѣда, или же съ замѣнительнымъ растяженіемъ. Законъ сокращенія или же съуженія гласныхъ въ историческомъ развитіи.—Чѣмъ легче, удобопроизносимѣе звукъ, тѣмъ болѣе имѣетъ онъ шансовъ на сохраненіе, тѣмъ упорнѣе держится; чѣмъ труднѣе звукъ, тѣмъ легче подвергается измѣненіямъ. Устойчивость звуковъ.

Мнимыя исключенія отъ выше названнаго общаго направленія въ развитіи звуковъ. Появленіе новаго звука: согласнаго въ неудобопроизносимыхъ сочетаніяхъ согласныхъ (вставка), согласнаго между двумя гласными (устраненіе „зіянія") и т. п. Стремленіе къ замѣнѣ *spiritus lenis* полными согласными, сообразно съ природою слѣдующаго гласнаго. Сюда относится тоже слѣдующее, 2-е, общее стремленіе.

2) *Стремленіе къ вознагражденію за сокращенія.*

а. Вознагражденіе за сокращеніе (*respective* удлиненіе) даннаго звука, совершаемое въ немъ же самомъ. Моменты звуковъ. Причина, почему долгіе и полукраткіе гласные измѣняются качественно (то-есть, количественно по пространству, но качественно съ акустической точки зрѣнія). Удлиненіе, то-есть, бóльшая продолжительность теченія воздуха нейтрализуется съуженіемъ во рту (отъ *a* къ *i* и *u*). Точно такъ же сокращеніе, то-есть, мéньшая продолжительность теченія воздуха нейтрализуется расширеніемъ. Удлиненію противодѣйствуетъ съуженіе, сокращенію—расширеніе. Произведеніе, получаемое изъ умноженія продолжительности гласнаго на его ширину, остается, вслѣдствіе подобныхъ условій, приблизительно то же самое. Все здѣсь зависитъ отъ силы и напряженія воздуха, съ одной стороны, и отъ продолжительности его теченія, съ другой стороны, какъ отъ факторовъ умноженія. Законъ сокращенія или же съуженія гласныхъ въ историческомъ развитіи.

б. Вознагражденіе за сокращеніе и, затѣмъ, исчезновеніе извѣстнаго звука, но вознагражденіе, являющееся въ звукѣ (или же слогѣ) *предшествующемъ* (или даже слѣдующемъ).—Замѣнительное растяженіе, какъ проявленіе борьбы стремленія къ удобству съ привычкою.—Четыре рода замѣнительнаго растяженія: А. 1) замѣнительное растяженіе въ области одного только звука (объ немъ было говорено выше); Б. 2) замѣнительное растяженіе въ замѣнъ за исчезновеніе согласныхъ; 3) въ замѣнъ за исчезновеніе гласныхъ другихъ, слѣдующихъ слоговъ; 4) такъ называемое стяженіе (contractio).—Съ другой стороны, можно различать троякое замѣнительное растяженіе: 1) являющееся удлиненіемъ гласнаго; 2) состоящее въ пространственномъ расширеніи гласнаго; 3) производящее усиленіе гласнаго перенесеніемъ на него ударенія. — Вообще, замѣнительное растяженіе (или, точнѣе говоря, *замѣнительное усиленіе*) состоитъ въ выдавливаніи въ извѣстномъ слогѣ бо́льшаго, нежели прежде, количества воздуха, въ замѣнъ за ослабленіе или даже исчезновеніе извѣстнаго дѣйствія мускуловъ.

3) *Развѣтвленіе звука въ двѣ стороны.* При общемъ или хотя-бы только частномъ исчезновеніи извѣстной категоріи звуковъ, происходитъ развѣтвленіе ея въ двухъ направленіяхъ: или новое явленіе, или же, въ нѣкоторомъ смыслѣ, возвратъ къ старому.

4) *Стремленіе къ среднимъ звукамъ.*

а. Въ области гласныхъ — стремленіе къ замѣнѣ гласныхъ гласными болѣе краткими или же болѣе узкими, стремленіе къ сокращенію или же съуженію гласныхъ.

б. Въ области согласныхъ, напротивъ того, чѣмъ больше съуженіе, тѣмъ труднѣе согласный; поэтому здѣсь проявляется стремленіе къ согласнымъ болѣе широкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе продолжительнымъ; и т. п.

5) *Постепенная затрата опредѣленности звуковъ.*

Опредѣленность звуковъ въ языкахъ первичныхъ отражаетъ въ себѣ живую впечатлительность первичныхъ народовъ. — Постепенная потеря опредѣленности звуковъ вмѣстѣ съ потерею знаменательности словъ. — Все большая и большая безразличность, смѣшеніе согласныхъ. — Развитіе все большей и большей безразличности, смѣшенія гласныхъ; смѣшеніе неударенныхъ гласныхъ. — Затрата раз-

нообразія.—Народы теряютъ музыкальное (эстетическое) чутье по отношенію къ языку.

6) *Качественное оттѣненіе количественныхъ различій.* Замѣна количественныхъ подъемовъ подъемами качественными. Качественное оттѣненіе количественнаго различія: а) согласныхъ твердыхъ и мягкихъ; б) гласныхъ краткихъ и долгихъ,—и т. п.

7) *Затрата знаменательности звуковъ.* Между прочимъ, постепенная затрата гласнаго и согласнаго подъема, то-есть, все большая и большая неподвижность гласныхъ и согласныхъ. Различіе въ этомъ отношеніи языковъ первичныхъ и вторичныхъ. — Постепенное развитіе неподвижности ударенія.

8) *Ослабленіе эстетическаго характера языка*, какъ чисто внѣшняго, такъ и поэтическаго, творческаго. Между прочимъ, ослабленіе эстетическаго характера языка съ исчезновеніемъ различія слоговъ ударенныхъ и неударенныхъ, долгихъ и краткихъ. Упрощеніе пластической стороны языка. Смѣшеніе ударенія съ количествомъ и т. п.

Физическія и географическія условія страны производятъ вліяніе на органическое устройство народа, которое, съ своей стороны, обусловливаетъ характеръ его языка. Наоборотъ, извѣстный языкъ производитъ вліяніе на устройство органовъ рѣчи и на физіономію какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго народа. Влѣдствіе, должно-быть, физическихъ условій и своеобразнаго развитія самого же языка, въ нѣкоторыхъ языкахъ развивается стремленіе къ преимущественному употребленію переднихъ органовъ рѣчи, въ другихъ языкахъ — къ употребленію заднихъ органовъ рѣчи и т. п. Различіе въ этомъ отношеніи азіатской отрасли аріоевропейскихъ языковъ отъ европейской.

Стремленія къ будущему состоянію языка обусловливаютъ иногда его настоящее состояніе.

Значеніе фонетики.

Дополненія къ фонетикѣ.

1. Вліяніе иностранныхъ языковъ на фонетическій характеръ даннаго языка.

2. Таблицы, наглядныя представленія:

1) раздѣленія звуковъ;

2) звуковыхъ перемѣнъ вообще, и въ особенности происшедшихъ въ нѣкоторыхъ языкахъ;

3) звуковыхъ соотвѣтствій: а) въ области одного языка, б) въ области родственныхъ языковъ.

4) Статистическія таблицы процентныхъ отношеній звуковъ.

3. Лингвистическія формулы и сократительные знаки, въ примѣненіи къ фонетикѣ.

II.

ПРОГРАММА ЧТЕНІЙ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКѢ САНСКРИТСКАГО, ЛИТОВСКАГО И СЛОВЯНСКАГО ЯЗЫКОВЪ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ АРІОЕВРОПЕЙСКИМИ.

1. Объ языкѣ санскритскомъ въ отдѣльности.

Къ какой семьѣ аріоевропейскихъ языковъ принадлежитъ санскритъ? Чтó значитъ *санскритъ*? Чтó значитъ языкъ ведаическій?

Фонетика.

Санскритскій алфавитъ въ латинской транскрипціи. Произношеніе санскритскихъ буквъ, или, санскритскіе звуки. Обозначеніе санскритскаго ударенія. Основной принципъ санскритской графики. Основной принципъ санскритскаго правописанія, по отношенію 1) къ выраженію отдѣльныхъ звуковъ, 2) къ дѣленію рѣчи на слова.

Прежде чѣмъ сравнивать санскритскія слова со словами родственныхъ языковъ, чтó слѣдуетъ сдѣлать съ тѣми звуками этихъ словъ, которые видоизмѣняются подъ вліяніемъ статическихъ звуковыхъ законовъ, свойственныхъ санскритскому языку? Всегда ли на вопросъ, изъ котораго основнаго звука развился извѣстный положительно данный санскритскій звукъ, можно найти отвѣтъ въ предѣлахъ одного санскритскаго языка, не прибѣгая къ помощи языковъ родственныхъ?

Главныя категоріи санскритскихъ звуковыхъ законовъ. Раздѣленіе санскритскихъ звуковъ, и въ особенности согласныхъ, по отношенію къ статическимъ звуковымъ законамъ.

На какія главныя группы распадаются статическіе звуковые законы, относящіеся къ санскритскимъ согласнымъ?

Въ абсолютномъ концѣ рѣчи какіе могутъ быть случаи измѣненія санскритскихъ согласныхъ, по отношенію къ ихъ числу? Какіе согласные изъ категоріи мгновенныхъ возможны въ абсолютномъ концѣ санскритскихъ словъ? Есть ли этотъ законъ въ другихъ языкахъ? Могутъ ли санскритскія слова оканчиваться небнымъ согласнымъ (palatalis)? Этимологическое основаніе этого звуковаго закона. Можетъ ли какое-нибудь санскритское слово, стоящее въ абсолютномъ концѣ рѣчи, оканчиваться согласнымъ *s* или же *r*? Что дѣлается съ придыхательными въ абсолютномъ концѣ рѣчи? Какъ объяснить этотъ законъ въ связи съ общимъ характеромъ звуковаго строенія санскритскихъ словъ? Чѣмъ замѣняются въ концѣ санскритскихъ словъ группы или сочетанія согласныхъ? Какія только сочетанія согласныхъ возможны въ концѣ санскритскихъ словъ?

Видоизмѣненія санскритскихъ согласныхъ подъ вліяніемъ другихъ звуковъ. Видоизмѣненія извѣстныхъ согласныхъ подъ вліяніемъ звуковъ, непосредственно за ними слѣдующихъ.

Какъ вліяетъ начальный звукъ слѣдующаго слова на конечный согласный слова предшествующаго? Подобный же статическій законъ другихъ языковъ. Въ какомъ изъ славянскихъ языковъ даже начальные гласные слѣдующихъ словъ производятъ на конечные согласные словъ предшествующихъ такое точно же вліяніе, какъ въ санскритѣ?

Какъ проявляется законъ уподобленія согласныхъ слѣдующимъ за ними звукамъ въ серединѣ санскритскихъ словъ? Физіологическое различіе тѣхъ же, повидимому, (въ особенности мгновенныхъ) согласныхъ, оканчивающихъ и начинающихъ слогъ.

Вѣроятное хронологическое различіе двухъ только что названныхъ проявленій одного и того же закона уподобленія, съ одной стороны, при столкновеніи двухъ словъ, съ другой же стороны, въ серединѣ отдѣльныхъ словъ. Вѣроятная связь этого различія съ общимъ характеромъ строенія словъ въ аріоевропейскихъ флексійныхъ языкахъ. Различіе аглютинаціи и адаптаціи. (Слово чувствуется составленнымъ изъ частей, которыя сами по себѣ вовсе не существуютъ, и которыя все же таки могутъ аналогически переноситься и на другія слова и входить въ ихъ составъ вслѣдствіе со-

вершенно вторичныхъ психически-морфологическихъ процессовъ).

Какъ видоизмѣняются придыхательные согласные въ серединѣ санскритскихъ словъ? Какимъ видоизмѣненіямъ подвергаются согласные небные? Можно ли въ этихъ случаяхъ говорить объ измѣненіи небныхъ согласныхъ, или же, наоборотъ, небные развились только изъ другихъ согласныхъ въ извѣстныхъ сочетаніяхъ? Законъ уподобленія носовыхъ согласныхъ въ санскритскомъ языкѣ. Аналогическіе законы въ другихъ языкахъ. Уподобленіе глухихъ и вообще мгновенныхъ согласныхъ слѣдующимъ за ними носовымъ.

Видоизмѣненія санскритскихъ конечныхъ согласныхъ *s* и *r* подъ вліяніемъ начальныхъ звуковъ слѣдующихъ словъ. Видоизмѣненія конечныхъ сочетаній *as* и *ās*. Передъ какими звуками слѣдующихъ словъ сохраняется конечное *s* тѣхъ формъ, въ которыхъ оно во всѣхъ остальныхъ случаяхъ совершенно исчезло? Какое можно принять отношеніе между согласными *s*, *r* и ṡ, въ сравненіи съ прочими паралельными отношеніями санскритскихъ согласныхъ?

Измѣненія нѣкоторыхъ санскритскихъ согласныхъ подъ вліяніемъ непостредственно предшествующихъ согласныхъ. Вѣроятное вліяніе согласнаго *s* на сочетающіеся съ нимъ согласные (st, sp, и т. п.). Измѣненія санскритскаго согласнаго *s* подъ вліяніемъ предшествующаго согласнаго (ks, rs). Сочетанія небныхъ согласныхъ съ *n* (k'n, g'n).

Измѣненія согласныхъ подъ вліяніемъ предшествующихъ гласныхъ. Измѣненія согласнаго *s*. Измѣненія согласныхъ *n* и *k'h*. Сравненіе этого вліянія гласныхъ на слѣдующіе за ними согласные съ подобными же явленіями другихъ языковъ.

Взаимное уподобленіе двухъ согласныхъ (t + ç; gh, dh, bh + t; h + t, th, dh; gh (h) + s; h + dh, bh; согласный мгновенный + h).

Взаимное вліяніе и обусловливаніе санскритскихъ согласныхъ въ двухъ непосредственно одинъ за другимъ слѣдующихъ слогахъ. Законъ придыхательныхъ согласныхъ (aspiratae). Законъ редупликаціи (повторенія). Вліяніе предшествующихъ согласныхъ (вмѣстѣ съ „гласнымъ“ r, составляющимъ самъ по себѣ слогъ) на согласные, или сочетающіеся съ ними непосредственно, или же находящіеся вообще въ одномъ изъ слѣдующихъ слоговъ. Подобный же звуко-

вой законъ, только дѣйствующій въ обратномъ направленіи, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ южно-словянскихъ говорахъ.

Статическіе звуковые законы, относящіеся къ санскритскимъ гласнымъ. Подвергаются ли какимъ либо измѣненіямъ санскритскіе гласные, произносимые въ абсолютномъ (безусловномъ) концѣ фразы (выраженія) и вообще рѣчи?

Что́ является результатомъ столкновенія 2-хъ одинаковыхъ или однородныхъ гласныхъ? Столкновеніе гласнаго *a* съ неоднородными гласными. Столкновеніе гласнаго *a* съ дифтонгами. Столкновеніе гласнаго *i* или же *u* съ разнородными гласными (съ гласными другаго разряда). Столкновеніе дифтоговъ āi а āu съ гласными. Столкновеніе „дифтонга" ē (ai) съ гласными. Видоизмѣненія конечнаго сочетанія *as* при столкновеніи съ разными начальными звуками слѣдующихъ словъ.

Морфологія (Склоненіе и спряженіе).

Главные типы санскритскаго склоненія. Согласныя темы (основы) и темы на *u* и на *i*. Склоненіе санскритскихъ темъ (основъ) существительныхъ на *a* (и ā).

Спряженіе санскритскаго praesentis, imperativi и imperfecti.

2. **Объ языкѣ литовскомъ въ отдѣльности.**

Обозрѣніе литовскихъ звуковъ, согласныхъ и гласныхъ. Разнообразныя ударенія литовскаго языка. Долгота литовскихъ гласныхъ. Литовскіе дифтонги.

Нѣкоторые статическіе звуковые законы литовскаго языка. Сочетанія t, d+t, d. Сочет. t, d+s. Сочет. rs, ks, sk. Сочет. s, sz, ž+s. Конечные носовые согласные. Сочетанія ns, nž.

Склоненіе литовскихъ существительныхъ съ темою, оканчивающеюся согласнымъ и съ темою, оканчивающеюся гласнымъ *u*. Склоненіе литовскихъ существительныхъ съ темою, оканчивающеюся на гласные *i*, *a*.

Спряженіе литовскаго настоящаго и прошедшаго.

Какіе есть главные представители литовской семьи аріоевропейскихъ языковъ?

3. Объ языкѣ словянскомъ въ отдѣльности.

Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать выраженіе „словянскій языкъ“ при сравненіи словянскаго языка съ другими языками аріоевропейскими, между прочимъ, съ санскритскимъ и литовскимъ? Что такое значитъ основной словянскій языкъ?

Какимъ, между прочимъ, динамическимъ звуковымъ закономъ ознаменовалось выдѣленіе словянской группы аріоевропейскихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ изъ общаго прежде литво-словянскаго цѣлаго, обособленіе этой группы, въ противоположность литовской, и начало ея самостоятельной жизни?

Въ которыхъ группахъ словянскихъ говоровъ слѣдуетъ искать первичнаго (основнаго) словянскаго ударенія? Которая группа словянскихъ говоровъ вѣрнѣе всѣхъ прочихъ отражаетъ первичную словянскую (основно-словянскую) долготу гласныхъ?

4. Часть сравнительной фонетики.

Что такое сравнительная грамматика? Что такое звуковые законы и звуковыя соотвѣтствія? Различіе статическихъ и динамическихъ звуковыхъ законовъ.

Что значитъ генетическое родство языковъ? Какое можетъ быть еще родство между языками? На чемъ основывается генетическое родство языковъ? Почему можно принять генетическое родство языковъ санскритскаго, литовскаго и словянскаго.

Три рода переводовъ. Что значитъ фонетическій переводъ?

Что значитъ основная форма?

Что значитъ первобытный аріоевропейскій языкъ или аріоевропейскій праязыкъ? Обозрѣніе звуковъ прааріоевропейскаго языка.

Какія главныя категоріи можно отличать въ области динамическихъ звуковыхъ законовъ? Что значитъ зависимость отъ вліянія другихъ звуковъ? Что значитъ зависимость измѣненій звука отъ его положенія въ словѣ.

Санскритскія, литовскія и словянскія видоизмѣненія основныхъ аріоевропейскихъ (прааріоевропейскихъ) согласныхъ (общихъ знаменателей) гортанныхъ *q*, *g*, *gh*, задне-язычныхъ k, g, gh, передне-язычныхъ t, d, dh, губныхъ

p, b, bh, въ сравненіи съ латинскими, греческими и германскими видоизмѣненіями.

Санскритскія, литовскія и словянскія видоизмѣненія праарioевропейскихъ согласныхъ s, v, j, r, n, m, въ сравненіи съ латинскими, греческими и германскими.

Что сдѣлалось съ праарioевропейскими придыхательными согласными, съ одной стороны, въ санскритѣ и греческомъ языкѣ, съ другой же, въ языкахъ литовскомъ и словянскомъ?

Законъ историческаго передвиженія или „перебоя" мгновенныхъ согласныхъ (Lautverschiebung) въ германской группѣ арioевропейскихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ.

Какъ объяснить развитіе системы санскритскихъ согласныхъ изъ системы согласныхъ праарioевропейскихъ?

Какъ объяснить развитіе системы словянскихъ и литовскихъ согласныхъ изъ системы согласныхъ праарioевропейскихъ?

Лейпцигъ,
ноябрь 1878 г.

Примѣчаніе въ 1877 г.:
По этимъ программамъ я читалъ лекціи въ Казанскомъ Университетѣ въ $187^5/_6$ учебномъ году.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ I-му ОТЧЕТУ

(ЗА ОБА ПОЛУГОДІЯ 1872 Г.).

LISTEK(*).

Od profesorja g. J. Baudouin'a de Courtenay iz Petersburga, kateri biva kaka dva meseca na Slovenskem, dobili smo sledeče pismo, katero brez spremembe natisnemo s priporočanjem, naj vsak rodoljub, ki more, ustreže njegovi prošnji. Vidi se iz njega tudi, kako se je Rus (**) v nekoliko tednih naučil gladko slovenski pisati. Pismo se glasi:

Gorica, 26. julija 1872. l.

Castiti gospod urednik!

Jako me je veselilo, ko sem bral v 85. štev. «Slovenskega Naroda» poziv g. A. L. B. iz Ljubljane k slovenskim djakom, da bi porabili počitničen čas za opazovanje ljudstvenih šeg in navad in za zapisavanje vsake tvarine, ki je zložena v slehernem slovenskem dijalektu. Veselilo me je pa to vsled tega, ker sem se pripeljal iz Petrograda v slovenske dežele namreč s tistim namenom. Moja želja je sebrati kakor mogoče več tvarine za popisanje razločkov med posameznimi dijalekti slovenskega jezika. Gotovo je, da, če bi hotel izpeljati ta svoj namen popolnoma natanjčno, moral bi porabiti za-nj celo življenje. Jaz morem poznati omenjene razločke samo v občnih čertah ter se moram obmejiti morda na stoti del vseh krajev, kateri se nahajajo v vseh deželah s slovenskim ljudstvom. Da bi dobil konkretni temelj za svoje teoretične sklepe o lastnostih slovenskih

(*) Фельетонъ словенской газеты «Slovenski Narod», V Mariboru, 1872, št. (№) 90, vtorek 6. avgusta.

(**) Слѣдуетъ читать: Poljak. *Прим. 1877 г.*

dijalektov, moram si pridobiti materijal ali tvarino, ki obstoji v pravljicah, pesmih, zastavicah, prigovorih in drugih plodih ljudstvene stvarjavne (tvorivne) moči. Toda vse te slovstveno-ljudstvene prikazni imajo znanstveno veljavo ne samo v jezikoslovnem, ampak tudi v zgodovinskem, mitologičnem in drugih obzirih (pomenih). Tedaj, akoravno me poglavitno zanimajo le jezikoslovne stvari, pazim tudi na obseg tega, kar dobim, in celó sem se namenil, sebrati vse dozdaj po posameznih slovenskih časnikih raztrošene ljudstvene reči ter izdati je na svetlo, vred s temi, katere se mi posreči dobiti.—Posebno bi pa bilo koristno za moj namen, ako bi me podpirali v omenjenem obziru vsi Slovenci, ki imajo priložnost opazovati ljudstvo na deželi in slišati iz njegovih ust vse slovstvene stvari. Če se ima doseči dasiravno približena polnota, takošna pomoč od strani rojenih Slovencev je neobhodno potrebna. Njih trud v tem obziru bo na vsak način bolj plodovit, nego moj; kajti, prvič, sleherni djak i. t. d., ki prebiva v kakšni vasi o počitnicah, ima mnogo več časa natanjčno izštudirat (iziskat) domači dijalekt, drugič pa, kot dobro znani vsem prebivalcem, ne potrebuje si poprej pridobivati zaupanja in lahko dozvé vse, kar se pripoveduje med ljudstvom. — Po tem vzroku ne morem nič več, kakor od vsega srca pridružiti se glasu g. A. L. B. in v imenu vseh strokovnjakov prositi vse gg. dijake, učitelje, duhovne in druge omikance, da bi, kolikor je mogoče, opazovali ljudstveno življenje in ljudstvene slovstvene prikazni ter je skrbno zapisavali. — Pri ti priliki dovoljujem si izreči nekatere opombe in nasvete, kar se tiče načina, na kakošen se mora sebirati omenjena tvarina (gradivo).

To, kar se zapisuje z ust ljudstva, se mora vse izobraževati popolnoma natanjčno, popolnoma zvesto. Gotovo, za zgodovinarja in mitologa je zadosti poznati podrobni obseg neke pravljice ali t. p. stvari; in, ako se ima v obziru le tisti dve veji znanstva, ni potrebno tako strogo deržati se v zapisavanji vseh posameznostij tega, kar se sliši od ljudstva. Ako se pa hoče z nabrano tvarino koristiti vsestransko, takrat je neobhodno zapisavati popolnoma tako, kakor se sliši. Mimo zgodovinarja in mitologa ljudstveno slovstvo je v mnogem obziru važno — celó važnejše — tudi za psihologa, slovstvenega zgodovinarja in posebno za jezikoslovca. Psiholog hoče poznati ljudstveno mišljenje (anschauungsweise), kolikor se ono prikazuje v slovstvenih tvorih; tega pa ne more doseči, če zapisavatelj je pokvaril čisto,

najivno ljudstveno rekavo (način govorjenja) ter zamestil jo z umetnim, literaturnim slogom. S^e več mora se tisto reči od potrebnostij izpitovatelja slovstva v strogem smislu te besede, ker ta študira razun drugih stran tudi namreč lastni ljudstvenim tvorom slog v prostem, natornem, neobrisanem stanu. — Toda više vseh tistih potrebnostij stojé koristi, katere izvleka jezikoslovec iz ljudstvenega slovstva, če je zapisano popolnoma objektivno. Iz vseh strokovnjakov, ki imajo opraviti z ljudstvenim slovstvom, samo jezikoslovec je v stanu delati strogo znanstvene, induktivne sklepe, katerih natanjčnost je v mnogih slučajih enaka (podobna, gleich) z natanjčnostjo sklepov naravoslovca. Med vsemi pa deli jezikoslovstva z največjo natanjčnostjo in strogostijo se odlikuje glasoslovje ali fonetika; v tem obziru dan današnje jezikoslovje stoji že tako visoko, da se lahko načrta fonetična prihodnjost jezika. Genetična zgodovina glasov jezika je pa važna 1) sama o sebi, predstavljajoč zgodovino ene iz funkcij človeškega organizma, zgodovino ene iz psihično-fiziologičnih prikaznij; 2) kajti pomaga h karakteristiki danega naroda; 3) kajti služi za zvesto podlago pri razdelitvi (klasifikaciji) sorodnih jezikov, tedaj tudi sorodnih narodov. Da bi vendar jezikoslovec mogel delati svoje sklepe na čisto realni podlagi, mora imeti tvarino (gradivo), pripravljeno po strogo znanstvenih načelih, to je tako, da bi se po zapisanem lahko moglo rekonstruirati govorjeno. Vsled tega zapisavatelj mora natanjčno ponavljati vse glasove odsenčnosti (nuancen), on mora predstaviti, tako rekoč, optično fotografijo akustičnih prikaznij, se ve da v taki meri, katero dopuščajo človeške sposobnosti in znanstvena sredstva (pripomočki). Da bi se zadostilo tem tirjatvam, nekateri fiziologi in lingvisti so sestavili posebni fonetični alfabet, s katerim bi se mogli izraziti vsi posamezni glasovi momenti. Toda malokdo, razun morda ustanovnikov omenjenih alfabetov, je njih tako zmožen, da bi bil v stanu hitro zapisavati ž njimi to, kar se mu pripoveduje. Tedaj narbolj je, pri zapisavanji, na primer, slovenskih pravljic itd., rabiti navadni latinski alfabet, ali pomnoženi s čerkami za vse te glase, za katere ni izrazov v navadnej slovenskej pisavi. Izvir tega pomnoženja se more jiskati v grškem in kirilskem alfabetu, in razun tega se morejo ustanavljati popolnoma samostalne čerke.

Tako, med drugim, se morajo v znanstvenej pisavi natanjčno razločevati vsaj poglavitne odsenčnosti (nuancen) samoglasnikov: 3 *e*,

široke, srednje in ozke: za prvo se more porabiti *ä* ali pa *æ*, za ozke pa grško *ε* ali pa ϵ; 3 *o* se morejo razločevati na podobni način. S^ve za nektere druge odprte polne samoglasnike se morajo ustanoviti posebni znaki (znamnja), namreč 1) za globoke *a*, ki posreduje med širokim *o* in čistim širokim *a*, 2) za glas srednji med *a* in nemškim *ö*, in kateri se more opazovati v podgoriškej Prvačini, S^vempasu, Vogerskej itd. v takošnih besedah, kakor na pr. m a t i, m a č k a, p a s i. t. d. (samo na mesti naglašenega *a*); 3) glas srednji med *u* in *i*, ki se je razvil v nekaterih dijalektih iz naglašenega *u*, ter kateri v nekaterih krajih se bliža bolj francozkemu *u*, v drugih pa nemškemu *ü*, imaje pri tem lastnost družiti se samo z mehkim (weich, mouillirt) predidočim (vorhergehend) soglasnikom; 4) *y*, t. j. samoglasnik, tudi srednji med *i* in *u*, ampak druge baže: pri *ü* se držé usta kakor pri *u*, jezik pa kakor pri *i*; pri *y* pa je to na robe; 5) široke *u*, katere se en malo bliži k *o* (srednje med *u* in ozkim *o*) itd.—Za vse te samoglasnike ni prav za prav stanovitnih znakov v znanstvenej pisavi; tedaj vsak zapisujoči mora si je sam iznajti, in samo objasniti njih veljavo. Morda bi se dali porabiti, na pr. za globoke *a*, *a* z majhnim *o* zgoraj; za široke *u* — češke *u* z majhnim *o* zgoraj itd.

Pri vseh teh samoglasnikih se mora označevati ne samo glasova kakošnost, nego tudi naglas in deljava (dolgota). Naglas je ena iz narbolj važnih kategorij fonetičnih, dasiravno dozdajšnji jezikoslovci se ž njim skoro nič ne pečali. Zgodovina naglasa je posebno odločujoča za genetično klasifikacijo sorodnih jezikov. Vsled tega je jako zaželno (poželjivo) in pri zapisavanji ljudstvene slovstvene tvarine označovati tudi naglas sleherne besede, in, če pride vkup nekoliko enosložnih besed, naglas te iz njih, ki je namreč naglašena.— Deljava samoglasnikov slovenskih je četverna; nahajamo namreč samoglasnike dolge, srednje, kratke in polkratke. Slovenska dolgota (dolgi samoglasniki) je ze stališča zgodovine jezika stvar popolnoma sekundarna in se prikaže samo v diftongih (akokoravno ne vsih) in v nekterih naglašenih samoglasnikih. Zapisavatelj mora jo ali označevati v vsakem posebnem slučaji ali pa odpraviti z občno opombo, ampak tako natanjčno, da bi se moglo lahko odločiti, ali nek samoglasnik je dolg ali pa ne. Srednji samoglasniki ali pa samoglasniki navadne deljave ne potrebujejo nobenega posebnega označovanja. Kar se tiče kratkih, za te more se porabiti znani izraz za kratkost. Slednjič (nazadnje)

polukratki samoglasniki odločene kakošnosti se morejo označevati s primernimi čerkami, ampak majhnimi in napisanimi zgorej (zgori) pisavne čerte: a, i, y, i. t. p.— Razen čistih samoglasnikov odločne kakošnosti se nahajajo tudi v slovenskem jeziku samoglasniki gluhi ali mutasti, drugače rekoč, polusamoglasniki ze stališča (ne deljave, ampak) glasnosti: pri čistih samoglasnikih* trese se akustično tudi glasivka (stimmritze), kar pridava tem samoglasnikom muzikalni značaj; med tem ko pri omenjenih polusamoglasnikih tresenje se glasivke je obmejeno na minimum, in v akustičnem obziru prevlada glas, ki izvira iz tresenja se ustne cevi (mundröhre). Takih samoglasnikov more biti jako mnogo, toda se samim ušesom je težavno razločevati vse odsenčnosti (nuancen). Tem nič manje (nichtsdestoweniger) moremo opazovati dva glavna razločka: 1) polusamoglasnik bolj široki, srednji, če se takó more reči, med *u* in *o*; 2) polsamoglasnik bolj ozki, srednji med *i* in *e*. Prvi srečamo, na primer, v besedah k r u h, b i k, m i š, p a s i. t. p.; drugi — v n i č, t i č, n i t i. t. p.— Za označevanje teh samoglasnikov se lahko morejo porabiti kirilski jeri (ъ in ь). K samoglasnikom tiste baže se mora pričisliti tudi samoglasnik, srednji med *a* in *e*, v besedah, kakor s t r a h, b r a t (v nekterih dijalektih) i. t. d., kakor tudi sploh vsi polukratki samoglasniki (napr. polukratke *y* ali pa *e* pred *r* v vrt, sred, rujavi, rež, prišel, prinest i. t. d.), ki z minimum kolikosti (mere, quantität) družijo (vereinigen) tudi minimum muzikalne glasnosti.

Diftongi, ki (kateri) so tako domači v vseh slovenskih dialektih, se morajo v znanstvenej pisavi izrazovati z znaki, lastnimi skrajnim položajem ust, to je se znaki, kateri izrazujejo samoglasnike, ki postanejo, kedar usta so deljši čas v skrajnih položajih diftonga; da bi se pa ne mešalo diftongov s samoglasniki dveh slogov, se morejo tista dva znaka zvezati z lokom, n. p. a͡u, o͡u, i͡u, e͡u, i. t. p. Diftongi so trojake (troje, trojnate) baže: v enih oba elementa so enake deljave (dolgote), v drugih prevlada je na strani prvega, v tretjih na zadnje — na strani drugega. Če diftong je naglašen, takrat naglas odločuje tudi prevlado enega iz elementov diftonga. Če oba dela (elementa) diftonga so enake deljave, takrat naj se diftong označi dvema čerkama enake veličine; če pa en element prevlada, takrat naj se prevladoči element izrazi s čerko navadne veličine, podredjeni element pa z mičkano čerko, napisano zgoraj pisavne čerte. Obračam posebno pazljivost na diftonge tiste baže, kakor *e*ⁱ, na pr. v ajdovskem

in ipavskem dijalektu na mesti naglašenega staroslovanskega j a t'), ie (kratke *i* skupej z ozkim *e*, v ajdovskem in ipavskem dijalektu na mesti naglašenega staroslovanskega *e*), uo (kratke *u* z ozkim dolgim *o* na mesti naglašenega staroslovanskega *o*), *ie* (dolge *i* s kratkim *e*, v ajdovskem dijalektu na mesti naglašenega staroslovanskega j a t' pred soglasnikom *r*) i. t. d.—Se vé da vse te zveze glasov, ki se v navadni slovenski pisavi izrazujejo se zvezo čerke samoglasnika in čerke *l*, so v vseh dijalektih slovenskih nič več, kakor diftongi, katerih drugi element je srednje ali pa kratke *u*, prvi pa se meni, gledé po tem, iz kakšnega samoglasnika izvira.

Kakor pri samoglasnikih, tako tudi pri soglasnikih glavno načelo mora biti to, da bi se vsak glas izrazil s posebno čerko. Vsled tega neposrednje mehki ali nebni (mouillirte) soglasniki morajo se tudi označevati s posebnimi čerkami, pa ne se zvezami čerk za sorodne trde s čerko *j*, torej ne *nj*, *lj* i. t. d., ampak *n'*, *l'* ali nekaj podobnega. Samo, če, razun mehkega soglasnika, se sliši tudi sledeče za njim *j*, tista zveza dveh fiziologičnih glasov se mora gotovo označovati se zvezo primernih znakov (čerek). Obračam pazljivost (pozornost) na mehke v', p', b', s', z' i. t. d., ki se prikažejo posebno v zvezih z naglašenimi samoglasniki. Srbsko-hrvatski soglasniki, ki se v hrvatskej pisavi izražujejo s čerkami *ć* in *dj*, v srbskej pa s ћ in ђ, nahajajo se — posebno pa *ć* — tudi v nekterih slovenskih dijalektih; tedaj zapisavatelj jezikoslovne tvarine ima one posebne glase izraziti tudi s posebnimi čerkami; narbolj pripravno bilo bi porabiti za nje znake srbske pisave, ћ in ђ. V mnogih dijalektih slovenskega jezika živi dozdaj trde staroslovanske *l*, ki se izreka popolnoma tako, kakor v ruskem in poljskem. Za ta glas se lahko more porabiti čerka ł poljske pisave. V drugih dijalektih ta soglasnik se je razvil v čisto ustne *v*, tako rekoč, v konsonantizovane *u*, ki se najde tudi skoro v vseh ostalih dijalektih v nekterih slučajih. Ta glas se more izraziti s pomočjo nemško-latinske čerke *w*. Se ve da v teh zvezah, v katerih nekdajšnje *v* je postalo *u*, se mora tudi pisati čerka *u*.—V mnogih dijalektih soglasnik *g* se je spremenil v glas, ki v českej pisavi se izrazi s čerko *h*. Ker pa *h* v navadnej slovenskej pisavi je dobilo drugi pomen ter označuje glas českega *ch*, torej za oni srednji med *h* in *g* glas moglo bi se porabiti gerško *γ* (gamma). Če pa pridejo soglasniki neodločene veljave, srednji, na primer med *b* in *p*, ali pa popolnoma kratki, komaj slišni

(slišljivi), se morajo tudi za nje ustanoviti posebni znaki.— Nosni soglasniki *m* in *n* pred zadnjenebnimi soglasniki — (napr. kam greš? tam gor? in kaže i. t. p.) spremenjajo se večkrat v zadnjenebni nosni, za kateri bi se tudi moral narediti poseben znak. Cˇasi ta glas s predidočim samoglasnikom vred se razvije v en nosni samoglasnik. Nosni samoglasniki mogli bi se po izgledu poljske pisave označovati z repastimi čerkami sorodnih čistih samoglasnikov, ali pa drugače.

Sicer, ker ni nobene stanovitne znanstvene pisave, naj si vsak sam naredi svojo, popisav veljavo sleherne čerke, in samo naj pazi na to uže omenjeno načelo, da se mora vsak poseben glas izrazovati tudi s posebno čerko.

Se vé, da za takošno natanjčno znanstveno zapisanje kakošne pravljice, pesme i. t. p. se mora tirjati od danega pojedinca, da bi pripovedoval počasi in popolnoma izrazno, tako da bi se lahko mogli razločevati vsi posamezni glasi.— V nekterem obziru je tudi važno znati, kdo je povedal posamezno pravljico i. t. p., torej se mora zapisati imé, priimek, starost, spol, in opravilo slehernega pripovedovavca, ter se mora naznaniti kraj, odkod je on doma.

Jaz imam namen, pri pomoči petrograjske akademije znanstev, izdati polno zbirko slovenskih ljudstveno slovstvenih stvarij (rečij). Tedaj, če je komu drago, prosil bi poslati nabrano za mene tvarino v Goriško čitalnico.

Prosim druge slovenske časopise, naj ponatisnejo ta članek.

J. Baudouin de Courtenay,
docent petrograjske univerze.

DOSTAVEK K ČLANKU, RAZGLAŠENEMU V ŠT. 90 „SLOV. NARODA“ (*).

Imaje namen, razven drugih del o slovenskih dijalektih, izdati tudi polni slovar vseh med slovenskim ljudstvom živečih besed, ki nijso znane v spisovnej slovenščini, uljudno prosim vse omikance, kateri imajo priliko opazovati ljudstvo na deželi, da bi skerbno zapisavali vse posebne besede ter je prišiljali za mene v Goriško čitalnico. Pod kategorijo besed, katere bi se morale zaznamiti, spadajo vse tiste besede, ki jih nij v slovenskih (s l o v e n s k o-nemških i t. p.) slovarjih (Janežiča in Drobniča) ali pa ki se tam sicer nahajajo, pa le v drugem pomenu.

Kakor pri pravljicah, pesmih i t. d., je tudi pri besedah neobhodno potrebno natanjčno naznaniti kraj, v katerem se rabi dana beseda.

Mimo besed je za gramatično karakteristiko posameznih dijalektov posebno važno, celó važnejše, poznati vse posebnosti v deklinaciji, konjugaciji in sploh v spremembah, v skladji (Wortbildung) in vzajemnih razmerah vseh besed slehernega dijalekta. Tedaj tudi v tem obziru obračam pazljivost vseh omikancev na ljudstvene dijalekte. Pri tem je še bolj, kakor pri samo leksikalnem materijalu (to je pri golih besedah), potrebno naznanjati vsakokrat kraj, kjer se opazuje neka posebnost.

Spoštovaje literaturno lastnost, ne bom tujega dela podaval za svoje, ter pri vsaki besedi in pri vsaki gramatični posebnosti ne zanemarim omeniti, kdo me je ž njo seznanil.

Slednjič obračam pazljivost na nektere prav zanimive glase, ki se nahajajo v nekterih slovenskih dijalektih. Tako na primer, v Bleški okolici žive: 1) Soglasnik, kateri Englezi izrazujejo ze zvezo

---

(*) Slovenski Narod, 1872, št. (№) 106, četrtek 12. septembra. «Listek» (Фельетонъ).

čerek *th* in ki se je v novogrškem jeziku razvil iz starogrškega ϑ (th, theta). Za ta glas bi se moglo porabiti namreč grško ϑ (theta). 2) Soglasnik, srednji med trdim poljsko-ruskim ł in med čisto-ustnim v (w).

Gotovo je, da, kakor pri zapisavanji pravljic, pesmij i t. p, tako tudi pri zapisavanji posameznih besed in gramatičnih posebnostij se morajo izrazovati vsi glasi popolnoma zvesto, popolnoma natanjčno.

J. Baudouin de Courtenay,
docent petrogradske univerze.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Особый оттиск. *Стран.*	Изв. Унив.	*Строка.*	*Вмѣсто:*	*Должно быть:*
	1876.			
1	45	2—3 св.	во второй половинѣ	$^{16}/_{28}$
1	45	8 сн.	Во второй половинѣ	$^{9}/_{21}$
3	47	16 сн.	сухопарность	сухость
20	64	8 сн.	остановлялся	останавливался
26	70	Примѣчаніе	прибавить: Въ 1876 г. было болѣе	26000 членовъ.
32	76	15—16 сн.	понимоютъ	понимаютъ
	1877.			
51	136	17 сн.	73—76	64—67
	138	5 сн.	между е и і	между е и і,
	141	20 св.	§ 80	§ 71
	143	12 св.	и къ̀р	u къ̀р
	144	6 св.	náčistьn	načístьn
59	144	12 сн.	всякое	каждое
	145	10 сн.	78	69
	146	3 сн.	79	70
61	146	1 сн.	въ томъ числѣ	(въ томъ числѣ
	149	6—7 св.	окончанію	ударенію
	151	22 св	78, 79	69, 70
68		11 св.	ícrku	círku
109	194	16, 15 сн.	созвучія	сочетанія звуковъ
	198	4 св.	gϖā'ϑk	gwā'ϑk
113	198	15 сн.	созвучія	сочетанія звуковъ

